

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Леонтьева Надежда Ильинична

Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Восточной Германии (1945–1950):

источники и методы исследования

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение,

методы исторического исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
профессор Л.И. Бородкин

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	13
§ 1.1. Историография истории спецлагерей в «доархивный» период (1950-е – начало 1990-х гг.).....	13
§ 1.2. Современный этап изучения истории спецлагерей: основные направления исследований.....	17
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА	29
§ 2.1. Фонды Государственного архива Российской Федерации	29
§ 2.2. Дополнительные источники.....	33
§ 2.3. Методы исследования.....	36
ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ СПЕЦЛАГЕРЕЙ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В 1945–1947 ГГ.....	49
§ 3.1. Предпосылки и цели создания спецлагерей.....	49
§ 3.2. Развертывание и развитие сети спецлагерей (апрель – декабрь 1945 г.)	55
§ 3.3. Спецлагеря в 1946–1947 гг.: организационные изменения и кризисные проявления	66
ГЛАВА 4. ЛИКВИДАЦИЯ СПЕЦЛАГЕРЕЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД И ИТОГИ (1948–1950 ГГ.)	79
§ 4.1. Освобождение спецконтингента в 1948 г. Комиссия Н.К. Ковальчука..	80
§ 4.2. В составе ГУЛАГа: попытки реформирования работы спецлагерей в 1948–1949 гг.	90
§ 4.3. Роспуск спецлагерей и итоги их функционирования.....	99
ГЛАВА 5. КОНТИНГЕНТ СПЕЦЛАГЕРЕЙ.....	105
§ 5.1. Категории заключенных спецлагерей: общая характеристика	105
§ 5.2. Советские заключенные в спецлагерях: анализ базы данных.....	114
ГЛАВА 6. КАДРОВЫЙ СОСТАВ СПЕЦЛАГЕРЕЙ.....	148
§ 6.1. Общая характеристика кадров	148
§ 6.2. Руководящий кадровый состав спецлагерей: анализ базы данных	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	169

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ	181
ПРИЛОЖЕНИЯ	183

ВВЕДЕНИЕ

Научная значимость и актуальность темы исследования. Деятельность специальных лагерей НКВД/МВД СССР в Германии – малоизвестная страница истории как советских органов государственной безопасности, так и Советской зоны оккупации Германии (СЗО). Между тем система спецлагерей являлась важной составляющей советской политики на территории СЗО. Только по официальным данным МВД СССР, через спецлагеря за пять лет их функционирования (1945–1950 гг.) прошло более 157 тыс. человек, из них более 122 тыс. человек составляли немцы и более 34 тыс. – граждане СССР. За эти годы в спецлагерях умерло более 43 тыс. человек. Из общего числа заключенных немцев, по оценкам современных исследователей, только около 10% находились в спецлагерях по приговору советских военных трибуналов, работавших на территории СЗО¹. Среди советских граждан к этой категории принадлежало подавляющее большинство заключенных. Заключенные из числа немцев в основном относились к так называемому спецконтингенту (или интернированным), то есть к заключенным, изолированным в лагерях без какого-либо судебного решения, лишь на основании ареста советскими органами госбезопасности на территории Восточной Германии. Научная значимость и актуальность исследования обусловлены важностью роли спецлагерей в истории деятельности советских органов госбезопасности на территории Восточной Германии и необходимостью более глубокого изучения и понимания характера советской оккупационной политики и ее последствий для будущего восточногерманского государства.

¹ *Plato A., von. Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945–1950. Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit “doppelter Vergangenheit” / Hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. Berlin, 1999. S. 140. По другим расчетам, осужденных военными трибуналами среди немцев было около 19% (см.: Jeske N., Morre J. Die Inhaftierung von Tribunalverurteilten in der SBZ // Sowjetische Militärtribunale. Band 2. Die Verurteilung deutscher Zivilisten 1945–1955 / Hg. von A. Hilger, M. Schmeitzner und U. Schmidt. Köln u.a., 2003. S. 653).*

Объект и предмет исследования. Объектом изучения является корпус источников по истории специальных лагерей НКВД/МВД СССР, существовавших в Советской зоне оккупации Германии и в Германской Демократической Республики в период с апреля 1945 г. по март 1950 г. Предмет исследования – некоторые аспекты истории спецлагерей, а именно: причины и ход их возникновения и роспуска, этапы развития лагерной сети, характеристики различных категорий заключенных и руководящего кадрового состава спецлагерей.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с января 1945 г. по апрель 1950 г., то есть с момента вступления Красной Армии на территорию Германии и начала формирования советских критериев ареста гражданского населения в полосе боевых действий и тылов армий и до окончательного роспуска спецлагерей.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и определяются границами Советской зоны оккупации Германии и Германской Демократической Республики (Восточной Германии).

Цель и задачи исследования. Целью исследования является анализ некоторых аспектов советской репрессивной политики в СЗО, а именно: причин возникновения, назначения, структуры заключенных и кадрового состава системы специализированных мест заключения, созданных в СЗО для интернирования и содержания под стражей представителей немецкого гражданского населения, а также граждан СССР, задержанных органами контрразведки «СМЕРШ» и НКВД/НКГБ/МВД/МГБ СССР на территории Восточной Германии.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **исследовательские задачи:**

- провести историографический анализ истории спецлагерей;
- рассмотреть формирование источниковой базы исследования на основе изучения опубликованных и архивных документов;

- проанализировать нормативно-правовую документацию, касающуюся создания спецлагерей в полосе действий 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на территории СЗО в 1945 г.;
- проследить причины и ход основных акций освобождения заключенных из спецлагерей;
- систематизировать данные нормативно-правовой документации, касающейся процесса постепенной ликвидации спецлагерей в 1948–1950 гг.;
- охарактеризовать все категории заключенных спецлагерей на основе сформированной источниковой базы и результатов имеющихся исследований;
- проанализировать основные характеристики советского контингента спецлагерей на основе созданной реляционной базы данных;
- проанализировать характеристики руководящего кадрового состава спецлагерей на основе созданной реляционной базы данных.

Методологической основой исследования являются, во-первых, общеисторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический) и, во-вторых, количественные методы, а именно: статистический анализ и методы и технологии баз данных (используются программы *СУБД Microsoft Access* и *Microsoft Excel*).

Историко-генетический метод используется для описания этапов истории спецлагерей и анализа причин их создания и роспуска. Историко-типологический метод используется для обоснования типологии спецлагерей как особых мест заключения. Историко-сравнительный метод применяется для сравнения различных характеристик функционирования спецлагерей.

Статистический анализ используется для подсчета и выявления некоторых количественных параметров деятельности спецлагерей (численность заключенных и ее динамика, различные количественные характеристики советского контингента спецлагерей и их руководящего кадрового состава).

Методы и технологии баз данных применяются для структуризации информации источников о советских заключенных и о руководящем кадровом составе спецлагерей. Это позволяет намного более эффективно, чем это возможно

с помощью традиционных исторических методов, агрегировать и анализировать большие объемы информации и выявлять с помощью этого анализа более общие закономерности проявлений тех или иных характеристик изучаемых объектов. Первая в настоящем исследовании реляционная база данных советских заключенных спецлагерей была создана в программе *СУБД Microsoft Access* на основании отложившихся в фонде Отдела спецлагерей, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации, эшелонных списков заключенных, этапированных из спецлагерей в лагеря на территорию СССР. Вторая база данных, содержащая информацию о руководящем составе спецлагерей, также была создана главным образом на основе собранных разрозненных данных из делопроизводственной документации Отдела спецлагерей (приказы по личному составу по Отделу спецлагерей и по лагерям, списки сотрудников спецлагерей, наградные документы, служебная переписка, содержащая биографические сведения и служебные характеристики офицеров). Таким образом, описанная методология позволяет выявить и проанализировать конкретные содержательные характеристики контингента и кадров спецлагерей.

Степень изученности темы. Историография истории спецлагерей весьма обширна и включает работы немецких и российских исследователей, начиная с середины прошлого века, до настоящего времени. В истории изучения данной темы можно выделить два основных этапа. Первый этап длился с 1950-х гг. до середины 1990-х гг. и строился по преимуществу на базе изучения не архивных документов, а мемуарных свидетельств. В этот период изучения темы были намечены те исследовательские направления, которые получили свое развитие в дальнейшем. Вторым этапом начался с середины 1990-х гг., когда стали доступны источники из российских архивов, и продолжается до настоящего времени. За это время был достигнут существенный прогресс в исследованиях различных аспектов истории спецлагерей. Подробному рассмотрению этих этапов развития историографии посвящена глава 1 данной диссертации.

В то же время проблема советского контингента заключенных спецлагерей и их кадрового состава до сих пор крайне слабо и фрагментарно отражена в

историографии изучаемой темы. В настоящем исследовании будет уделено внимание указанным аспектам истории спецлагерей, которые предлагается анализировать с привлечением количественных методов исторического исследования, практически не использованных в существующей историографии.

Источниковая база исследования является достаточно обширной, часть источников вводится в научный оборот впервые. В рамках исследования были изучены делопроизводственные документы Отдела спецлагерей, а также иные архивные опубликованные и неопубликованные источники, нормативно-правовая документация РСФСР/СССР и СВАГ, мемуарные свидетельства, отражающие различные стороны истории спецлагерей.

Преимущественная часть источников, отражающих деятельность спецлагерей, представляет собой делопроизводственную документацию Отдела спецлагерей. Особую ценность представляют эшелонные списки заключенных из числа советских граждан, этапированных на территорию СССР. Кроме того, значимая часть источников по истории спецлагерей содержится в фонде Главного управления лагерей МВД СССР (ф. Р-9414), также хранящемся в ГА РФ.

Дополнительно привлекался корпус других источников, представленный документами из фондов государственных архивов Российской Федерации, нормативно-правовыми актами РСФСР/СССР и Советской военной администрации в Германии, а также отдельными мемуарными свидетельствами советских граждан – заключенных спецлагерей. Характеристика общего массива задействованных в работе источников приведена в главе 2 настоящего исследования.

Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот неизученных и малоизученных исторических источников по истории спецлагерей, комплексном рассмотрении истории их создания, функционирования и ликвидации, анализе характеристик их контингента и руководящего кадрового состава с использованием количественных методов исторического исследования (статистический анализ и методы и технологии баз данных).

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении историографического контекста изучаемой проблемы. В рамках диссертации впервые в историографии рассматриваемой темы были выявлены и проанализированы основные характеристики советского контингента спецлагерей и их руководящего кадрового состава.

Практическая значимость исследования заключается в создании на основе архивных материалов и иных дополнительных источников новых массивов данных по истории спецлагерей, организованных в формате реляционных баз данных и содержащих сведения о советских заключенных спецлагерей и их руководящем кадровом составе. Проведенное исследование демонстрирует возможности использования методов и технологий баз данных при работе с таким важным источником для изучения лагерной истории и истории государственного террора в СССР как эшелонные списки заключенных, что может быть полезно при подготовке специальных курсов и учебных пособий.

Достоверность исследования определяется широтой и репрезентативностью его источниковой базы, а также верифицируемыми методами исторического исследования, которые применяются для изучения и системного анализа исторических источников. В рамках проведенного исследования впервые вводится в научный оборот большой массив документов: эшелонные списки заключенных спецлагерей и делопроизводственная кадровая документация Отдела спецлагерей. Эти источники обрабатываются и анализируются с помощью количественных методов исследования (статистический анализ, методы и технологии баз данных).

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите. Основные идеи и положения работы изложены в 7 научных работах автора общим объемом 6,6 п.л., в том числе 4 публикациях (объемом 4 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации определяется задачами исследования. Она включает в себя введение, шесть глав, разделенных на параграфы, заключение, список источников и литературы, список сокращений и приложения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Методы и технологии баз данных при работе с корпусом источником по истории спецлагерей (в первую очередь, это эшелонные списки заключенных и недавно рассекреченные документы по личному составу) показали себя эффективными для решения поставленных в исследовании задач по выявлению основных характеристик советского контингента спецлагерей и их руководящего кадрового состава.

2. Специфика спецлагерей НКВД/МВД СССР как мест заключения проявляется в том, что они вобрали в себя одновременно функции мест отбывания наказания, интернирования, фильтрации и накопления контингента для его дальнейшего распределения. Эти характерные черты спецлагерей проявились в особенных условиях их существования вне СССР, на территории Советской зоны оккупации Германии.

3. Политика советского руководства в отношении спецлагерей с большей или меньшей задержкой всегда шла вслед за поворотами во внешнеполитическом курсе в связи с «германским вопросом». В первые месяцы 1945 г. осуществлялась недифференцированная политика арестов, которая была направлена не только на борьбу с диверсиями в тылу наступавшей Красной Армии, но и на подавление любого сопротивления формировавшейся в восточных районах Германии советской администрации, сопровождаясь мобилизацией рабочей силы из числа оставшегося гражданского населения. Уже в апреле 1945 г. приказом НКВД СССР № 00315 практика арестов была изменена и в большей степени стала ориентироваться на изоляцию тех категорий немецких граждан, которые представляли опасность как потенциальные противники советской оккупационной администрации, а в дальнейшем – построения новой «антифашистской демократической Германии». При этом немецкие заключенные спецлагерей были исключены из общих мероприятий советской власти по

проведению денацификации в Восточной Германии. Однако, когда была создана ГДР и само существование подобных «лагерей для интернированных» стало невозможным, часть заключенных была отпущена на свободу как якобы отбывшая положенное наказание за принадлежность к нацистским структурам (и зачастую недоказанное активное участие в их деятельности). В отношении советских заключенных главная функция спецлагерей определяется следующим образом – это были места временного содержания и сохранения востребованной экономикой ГУЛАГа рабочей силы. Роль этого контингента в «гулаговской» экономике хотя и не была значительной, но сам факт наличия постоянных потоков заключенных, идущих на стройки и объекты ГУЛАГа из спецлагерей, говорит о востребованности этих заключенных в качестве рабочей силы в самых отдаленных ИТЛ.

4. Анализ подготовленной в рамках исследования реляционной базы данных советских граждан – заключенных спецлагерей позволил выявить наиболее существенные характеристики этого контингента (возрастные, национальные, гендерные характеристики, а также характер их распределения по преступлениям, предусмотренным соответствующими статьями действовавшего Уголовного кодекса РСФСР и иными нормативно-правовыми актами). Контингент советских заключенных спецлагерей состоял по преимуществу из военнослужащих подразделений, находившихся на территории СЗО. Это предопределило преобладание двух основных групп приговоров – по статьям УК РСФСР, относящимся к группе воинских преступлений, и по «политической» 58-й статье. Среди них преобладал молодой по возрасту контингент (от 19 до 24 лет), в отношении которого спецлагеря выступали в первую очередь как места временного содержания и накопления для последующего вывоза на работы в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа на территории СССР.

5. Анализ созданной на основе разнородных архивных и опубликованных источников реляционной базы данных руководящего кадрового состава спецлагерей позволил выявить основные особенности кадрового наполнения спецлагерей. Это прежде всего ведомственное происхождение направлявшихся на

службу в спецлагеря офицеров НКВД СССР и Красной Армии, их карьерные траектории, взаимосвязь назначения на те или иные должности в системе спецлагерей с опытом и характером предыдущей службы.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

История изучения специальных лагерей отчетливо делится на два этапа. Первый, который условно можно назвать «доархивным», начался с 1950-х гг. и продолжался до середины 1990-х гг. По известным причинам, в этот период исследователи не имели доступа к архивным материалам и основывали свои работы на открытых источниках – прежде всего, на материалах западной прессы и на воспоминаниях бывших заключённых спецлагерей. Второй этап начался с середины 1990-х гг., когда стали доступны источники из советских архивов, и продолжается до настоящего времени. В этот период изучение истории спецлагерей перестало быть исключительной прерогативой немецких историков, стали появляться (хотя и немногочисленные) работы российских исследователей.

§ 1.1. Историография истории спецлагерей в «доархивный» период (1950-е – начало 1990-х гг.)

Первые публикации об истории спецлагерей появились в Западной Германии еще в начале 1950-х гг. Первыми работами обобщающего характера стали исследования западногерманских историков Германа Юста и Герхарда Финна, в которых был собран основной фактический материал о количестве лагерей, времени их функционирования и числе прошедших через них заключенных².

Одной из наиболее значительных исторических работ этого периода, в которой рассматривалась история специальных лагерей, стала книга западногерманского журналиста Карла Вильгельма Фрике об истории советских и восточногерманских карательных органов, вышедшая в 1979 г.³ К.В. Фрике во

² *Just H.* Die sowjetischen Konzentrationslager auf deutschem Boden 1945–1950. Berlin, 1952; *Finn G.* Die politischen Häftlinge der Sowjetzone, 1945–1959. Pfaffenhofen, 1960.

³ *Fricke K.W.* Politik und Justiz in der DDR. Zur Geschichte der politischen Verfolgung 1945–1968. Bericht und Dokumentation. Köln, 1979.

многим опирался на книги Г. Юста и Г. Финна, однако его работа стала первой, охватившей самые разные аспекты советской репрессивной политики в послевоенной Германии, – настолько, насколько это было возможно на основе доступной тогда весьма ограниченной источниковой базы (автор опирался на воспоминания бывших заключенных и на материалы немецкой прессы). В рассматриваемой монографии изучалась история политических репрессий в Восточной Германии в период 1945–1968 гг., в том числе деятельность советских органов госбезопасности в период до образования ГДР. Автор выделил две основные тенденции в политическом преследовании немецких граждан в Советской зоне оккупации Германии – развернутый сразу после войны массовый террор преимущественно превентивного характера и последующий за ним «судебный террор» с целью обеспечения советского политического господства в Восточной Германии. Первая фаза проходила в виде массового интернирования немецких граждан, вторая – в виде вынесения им приговоров советскими военными трибуналами (это происходило до осени 1955 г.)⁴. Автор отмечает, что по своей сути спецлагеря служили опорой репрессивной, идеологически обоснованной политики СССР в Германии.

В рассматриваемой монографии впервые получили освещение многие аспекты истории спецлагерей и политических репрессий в послевоенной Германии. Эта работа стала одним из самых значимых исследований «доархивного» этапа изучения истории спецлагерей. В ней наиболее полным образом для того периода была обоснована идея политических репрессий в СЗО как одного из основных механизмов советизации Восточной Германии и установления там однопартийной диктатуры под непосредственным контролем И.В. Сталина. Многие положения монографии К.В. Фрике в этом отношении нашли подтверждение уже после открытия доступа к документам из российских архивов и появления на их основе документальных исследований.

Недоступность документов советского происхождения обусловила некоторую однообразность содержания большинства других исследований

⁴ *Fricke K.W. Op. cit. S. 55.*

истории спецлагерей, появившихся в этот период. Они представляли собой или собрания воспоминаний и свидетельств бывших заключенных⁵, или изложение совокупности небольшого количества собранных фактов о функционировании системы советских спецлагерей и тюрем⁶. В сущности, эти работы, хотя и имеют некоторую информативную ценность, не содержат содержательных выводов и обобщений о характере советской оккупационной и репрессивной политики в Восточной Германии в первые послевоенные годы. Помимо недоступности источников это можно объяснить и слабой разработанностью в западногерманской историографии проблем советской оккупационной политики в Германии в целом. История спецлагерей, как и других советских оккупационных структур в Германии, рассматривалась в указанных работах в самом общем виде, без какого-либо содержательного анализа механизмов и особенностей их функционирования.

В 1991 г., незадолго до начала «архивной революции» в России, увидело свет исследование немецких журналистов из журнала «Дер Морген», в котором с опорой на предшествовавшие исследования и на еще немногочисленные ставшие доступными отдельные документы из советских архивов⁷ рассматривалась история системы советских спецлагерей в Восточной Германии, а именно – различные аспекты практики интернирования немецких граждан в Советской зоне

⁵ *Pförtner K., Natonek W.* Ihr aber steht in Licht. Eine Dokumentation aus sowjetischem und sowjetzonalen Gewahrsam. Tübingen, 1963; *Recht oder Rache? Buchenwald 1945–1950. Betroffene erinnern sich / hg. von H. Müller.* Frankfurt a. M., 1991; *Todesfabriken der Kommunisten. Von Sachsenhausen bis Buchenwald / hg. von A. Preissinger.* Berg am See, 1991; *Das gelbe Elend: Bautzen-Häftlinge berichten. 1945–1956 / Bautzen-Komitee (Hg).* Berlin, 1992.

⁶ *Das System des kommunistischen Terrors in der Sowjetzone.* SPD-Informationsdienst, Denkschriften 28. Hannover, 1950; *Die Straflager und Zuchthäuser der Sowjetzone: Gesundheitszustand und Lebensbedingungen der politischen Gefangenen.* Bonn, 1955; *Greve U.* Lager des Grauens. Sowjetische KZs in der DDR nach 1945. Kiel, 1990; *Kühle B., Titz W.* Speziallager Nr. 7 Sachsenhausen. 1945–1950. Berlin, 1990; *Range H.-P.* Das Konzentrationslager Fünfeichen 1945–1948: ein Mecklenburger Geschichtsbild. Britzingen/Baden, 1991.

⁷ 26 июля 1990 г. Министерство внутренних дел ГДР обнародовало фрагменты полученных от властей СССР документов, касающихся спецлагерей, – выдержки из нескольких приказов НКВД СССР 1945 г., определявших категории граждан, подлежащих интернированию. См.: *Finn G.* Die Speziallager der sowjetischen Besatzungsmacht 1945 bis 1950 // *Materialen der Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland».* Band IV. Baden-Baden, Frankfurt. M., 1995. S. 339.

оккупации Германии⁸. Несомненным достоинством этого исследования является то, что в нем достаточно полно и последовательно изложены основные этапы истории существования спецлагерей, рассмотрены причины их возникновения, собраны свидетельства бывших узников спецлагерей, причём авторам удалось собрать свидетельства заключенных из каждого лагеря. Развивая и дополняя идею К.В. Фрике, авторы утверждали, что спецлагеря играли главную роль в процессе «политической унификации Восточной Германии»⁹. Фактически эта работа была последней значимой публикацией, появившейся в «доархивный» период историографии спецлагерей.

Хотя во многом исследовательская ценность рассмотренных публикаций для современного этапа изучения проблемы не столь высока, всё же они создали фактологический фундамент для дальнейших исследований, которые с открытием архивов в России стали базироваться на более широкой и разнообразной источниковой базе. Именно в «доархивный» период изучения темы были намечены те исследовательские направления, которые получили свое развитие в дальнейшем. Это не только изучение истории спецлагерей как важнейшей составляющей системы сталинского террора в оккупированной Восточной Германии, но и рассмотрение особенностей их функционирования как мест заключения, выявление характеристик категорий заключенных, анализ условий их содержания в спецлагерях, критическое рассмотрение воспоминаний бывших заключенных. Все эти тематические направления, представленные в упомянутых работах достаточно фрагментарно, стали основой для последовавшего научного изучения истории спецлагерей.

⁸ *Flocken J., Klonovsky M. Stalins Lager in Deutschland. 1945–1950. Dokumentation/Zeugenberichte.* Berlin, 1991.

⁹ *Ibid.* S. 12.

§ 1.2. Современный этап изучения истории спецлагерей: основные направления исследований

«Архивная революция», произошедшая в России в начале 1990-х гг., и последовавшее вслед за ней более интенсивное научное изучение советской истории пролили свет на многие исторические сюжеты и проблемы этого периода. История советской оккупационной политики в Восточной Германии в целом и спецлагерей, в частности, не стала исключением. С середины 1990-х гг. становятся доступными, сначала в очень ограниченном объеме, в виде отдельных публикаций в немецкой прессе, а затем и в виде полноценных документальных изданий, документы из российских архивов, в первую очередь – обширные фонды Отдела спецлагерей и Наркомата (Министерства) внутренних дел СССР, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, а также документы Политбюро ЦК ВКП(б) из бывших партийных архивов (РГАСПИ и РГАНИ). Начинается в полной мере научное изучение темы, основанное на привлечении широкого круга как советских, так и немецких источников.

Одним из первых обнародованные документы из российских архивов к изучению истории СЗО и, в частности, истории спецлагерей привлек известный американский историк Норман Неймарк. В своей монографии¹⁰ он рассматривал спецлагеря в контексте создания «восточногерманского полицейского государства» и роли в этом процессе советских органов госбезопасности. Н. Неймарк приходит к выводу, что «нет причин сомневаться в искренности советских высказываний и действий, направленных на одобрение единства Германии и окончания режима четырёхсторонней оккупации. В то же время, то, как СССР и КППГ/СЕПГ создавали полицейские структуры в Восточной Германии, подтверждает, что советские планы состояли в долговременной советизации Восточной Германии»¹¹. По определению исследователя, спецлагеря «стали

¹⁰ *Naimark N.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. London, 1995.

¹¹ *Ibid.* P. 355.

существенным показателем репрессивной природы советского курса в Германии»¹².

Н. Неймарк попытался проанализировать имеющиеся данные о численности заключенных спецлагерей. Он критически отнесся к обнародованным советским документам, согласно которым через лагеря прошёл 122671 немецкий гражданин, из которых 42889 человек умерли от болезней. По его мнению, количество заключенных и умерших было почти в два раза больше – об этом, по его утверждению, свидетельствуют данные американской военной разведки конца 1940-х – начала 1950-х гг., найденные в 1992 г. массовые захоронения неподалёку от бывших спецлагерей (в Заксенхаузене, Берлине, Фюрстенвальде и Баутцене), а также данные, собранные исследовательскими группами бывших заключенных спецлагерей в конце 1980-х – начале 1990-х гг.¹³ Впрочем, нельзя не отметить, что в дальнейших исследованиях подход Н. Неймарка к лагерной статистике и оценке численности заключенных спецлагерей не нашел поддержки.

Развивая идею о насильственной советизации Восточной Германии и решающей роли в ней массовых репрессий со стороны советских органов госбезопасности, Н. Неймарк обратил внимание на то, что при этом советское руководство в условиях обострения холодной войны и потери перспектив на возможное объединение оккупационных зон Германии в единое нейтральное государство стремилось интегрировать бывших номинальных членов нацистской партии в экономические и политические структуры Восточной Германии, что объясняет мотивы решения И.В. Сталина освободить большую часть интернированных немцев из спецлагерей в 1948 г., арестованных, в основном, за принадлежность к средним и низовым структурам нацистской партии¹⁴.

На середину 1990-х гг. в ФРГ пришёлся всплеск научного и общественного интереса к истории советской оккупационной политики в Восточной Германии и к истории советских спецлагерей, в частности. Тогда, одновременно с

¹² *Naimark N.* Op. cit. P. 354.

¹³ *Ibid.* P. 376–377.

¹⁴ *Ibid.* P. 395.

исследованием Н. Неймарка, вышла одна из первых работ, в которой был представлен подробный обзор истории спецлагерей от начала их возникновения весной 1945 г. (причем с рассмотрением истории самых первых прифронтовых лагерей НКВД – предшественников спецлагерей) до роспуска, составленный на основе собранных и проанализированных документов из российских архивов, ставших к этому времени доступными. Это часть большого аналитического доклада, подготовленная упоминавшимся ранее немецким историком Герхардом Финном в рамках работы специальной исследовательской комиссии немецкого Бундестага по теме «Анализ истории и последствий диктатуры СЕПГ в Германии»¹⁵. В данном докладе подробно описана динамика советских репрессий в Восточной Германии в 1945–1950 гг. и специфика функционирования спецлагерей как особенных мест заключения в сталинской системе массового террора. Кроме того, в нем собраны ценные сведения о том, что было известно немецкой общественности о советских лагерях в Германии и каким образом эта тема присутствовала в общественном мнении и в прессе западных зон оккупации Германии. В значительной степени это исследование обобщило собранный и опубликованный ранее в первых научных работах¹⁶ обширный архивный материал по истории спецлагерей и сталинских репрессий в послевоенной Восточной Германии.

Наиболее многостороннее и полное исследование различных аспектов истории спецлагерей представлено в российско-немецком сборнике документов и научных статей, изданном на немецком языке в 1998 г. в виде двухтомника, и на русском языке (в сокращенном варианте) – в 2001 г.¹⁷ Указанные издания стали

¹⁵ Finn G. Die Speziallager der sowjetischen Besatzungsmacht 1945 bis 1950 // Materialien der Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». Band IV. Baden-Baden; Frankfurt a. M., 1995. S. 337–397.

¹⁶ Среди них, например: Krüger D., Finn G. Mecklenburg-Vorpommern 1945 bis 1948 und das Lager Fünfzeichen. Berlin 1992; Kilian A. Einzuweisen zur völligen Isolierung. NKWD-Speziallager Mühlberg/Elbe 1945–1948. Leipzig, 1993; Agde G. Sachsenhausen bei Berlin. Speziallager Nr. 7. 1945–1950. Kassiber, Dokumente und Studien. Berlin, 1994; Das Torgau-Tabu: Wehrmachtstrafsystem, NKWD-Speziallager, DDR-Strafvollzug / hg. von N. Haase und B. Oleschinski. Leipzig, 1998.

¹⁷ Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko u. a. Band 1: Studien und Berichte. Berlin, 1998; Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. Berlin, 1998;

результатом многолетнего совместного изучения истории спецлагерей российскими и немецкими историками. Диапазон проблем, исследованных в рамках данного научного проекта, очень широк — это и рассмотрение истории каждого спецлагеря в отдельности¹⁸, и изучение деятельности советских военных трибуналов, действовавших на территории СЗО¹⁹, а также аппарата уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии, оперативных групп НКВД²⁰, изучение проблем, связанных с интерпретацией советской лагерной статистики и ее достоверности²¹, рассмотрение мобильности контингента и его перемещения между лагерями²², анализ возможности использования в исследованиях темы мемуаров бывших заключенных²³ и, наконец, изучение роли и места системы спецлагерей в процессе советизации Восточной Германии и в дальнейшем становлении репрессивных структур будущей Германской Демократической Республики²⁴.

Попытку наиболее обобщающе и концептуально представить историю спецлагерей с учетом новых источников из российских архивов, а также обозначить проблемы, стоящие перед исследователями этой темы, предпринял в своей статье немецкий историк А. фон Плато. Предпосылки создания спецлагерей на территории СЗО он видит в возникшей необходимости проведения в оккупированной Германии комплекса мер, определенных союзниками по

Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова. М., 2001.

¹⁸ Например: *Priess L.* Das Speziallager des NKWD Nr. 1 Sachsenhausen // *Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 1.* S. 380–410.

¹⁹ *Erler P.* Zur Tätigkeit der Sowjetischen Militärtribunale (SMT) in der SBZ/DDR // *Ibid.* S. 172–187.

²⁰ *Козлов В.А.* Деятельность уполномоченных и оперативных групп НКВД СССР в Германии в 1945–1946 гг. // *Специальные лагеря.* С. 311–330; *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии (1945–1953 гг.) // Там же. С. 349–366.

²¹ *Jeske N.* Versorgung, Krankheit, Tod in den Speziallagern // *Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 1.* S. 189–223; *Dies.* Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken // *Ibid.* S. 457–480.

²² *Lipinsky J.* Mobilität zwischen den Lagern // *Ibid.* S. 224–240.

²³ *Schölzel K.* Ungedruckte Quellen in deutschen Archiven und Bibliotheken zum Thema Speziallager // *Ibid.* S. 83–95.

²⁴ *Possekel R.* Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland // *Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik.* S. 15–110.

антигитлеровской коалиции как «политика денацификации», – это «и полное разоружение, и ликвидация многих предприятий, и роспуск национал-социалистической партии, ее структур и параллельных организаций, вплоть до удаления бывших нацистов из управленческих структур, прессы и общественных учреждений»²⁵. Правда, как подчеркивает исследователь, как советские, так и союзнические оккупационные власти, пользуясь очень широкими формулировками Потсдамских соглашений о тех категориях немецких граждан, которые могут подлежать аресту в рамках проведения денацификации, арестовывали и интернировали не только национал-социалистов, но и всех противников оккупационной политики. По утверждению историка, «результаты исследований подтверждают тезис о том, что приговоры советских военных трибуналов выносились интернированным не столько из-за их национал-социалистического прошлого, сколько за преступления, совершенные якобы против нового режима, а советские военные трибуналы были не столько инструментами наказания «старых нацистов», сколько направлены против лиц, арестованных в Советской оккупационной зоне по произволу. Они либо почему-то показались подозрительными или среди них были те, кто принадлежал к политической оппозиции»²⁶. А. фон Плато указывает также на основные проблемы, которые стоят перед исследователем истории советских спецлагерей в Германии. Много неясных моментов остается в предыстории спецлагерей (в первую очередь в том, что касается операций по интернированию немцев с конца 1944 по апрель 1945 гг.)²⁷. Крайне мало из доступных сейчас источников мы можем узнать о деятельности (в особенности агентурной) оперативных отделений в спецлагерях²⁸. Нельзя не отметить, что все эти проблемы так и не получили достаточного освещения в последующих публикациях, появившихся за прошедшие двадцать лет. В этой связи можно отметить только значимую работу о неизвестной до сих пор группе заключенных спецлагеря № 1/7 Заксенхаузен

²⁵ фон Плато А. Советские спецлагеря в Германии // Специальные лагеря. С. 247.

²⁶ Там же. С. 261–262.

²⁷ Там же. С. 267–277.

²⁸ Там же. С. 279–282.

(391 человек), которая состояла из нацистских функционеров, принимавших участие в преступлениях против советских военнопленных и гражданских лиц на территории оккупированной гитлеровской Германией Норвегии и переданных английскими оккупационными властями советским органам госбезопасности в 1946 г.²⁹

Обобщающие и, на данный момент, наиболее полные исследования об истории создания и функционирования советских спецслужб в СЗО принадлежат российскому историку Н.В. Петрову. Этой теме посвящены его отдельные статьи и главы в монографиях (в том числе в соавторстве с немецкими историками)³⁰. В них также затрагивается роль и место спецлагерей в сталинской германской политике. Н.В. Петров рассматривает советские спецслужбы, в первую очередь, как важнейший инструмент СССР в подготовке «условий для приведения к власти угодных Кремлю режимов. Включение восточноевропейских стран в орбиту советской политики не могло быть добровольным. Сделать это можно было только насильственным путем, насаждая в этих странах полицейские порядки и режимы»³¹. Так, в упомянутой монографии он рассматривает становление «немецкого варианта социализма в восточной зоне оккупации Германии»³², уделяя особенное внимание формированию органов немецкого самоуправления под контролем и с помощью НКВД. Н.В. Петров показывает, как аппарат уполномоченного НКВД (а затем МГБ) в 1945–1946 гг. постепенно

²⁹ *Heitzer E.* Die «Norweger». Das sowjetische Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen im Kontext der interalliierten Verfolgung von NS- und Kriegsverbrechen // Im Schatten von Nürnberg: Transnationale Ahndung von NS-Verbrechen / hg. von Enrico Heitzer, Günter Morsch u. a. Berlin, 2019. S. 117–131.

³⁰ *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии (1945–1953) // Специальные лагеря. С. 349–366; *Он же.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. М., 2011. *Он же.* Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 112–144; *Петров Н.В., Фойтцик Я.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии, политические репрессии и формирование немецких органов госбезопасности в ГДР 1945–1953 // Аппарат НКВД-МГБ в Германии. 1945–1953: Сборник документов / науч. ред. и сост. Н.В. Петров, Я. Фойтцик. М., 2009. С. 5–51; *Hilger A., Petrov N.* «Erledigung der Schmutzarbeit“? Die sowjetischen Jusiz- und Sicherheitsapparate in Deutschland // Sowjetische Militärtribunale. Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten 1945-1955 / hg. von A. Hilger, M. Schmeitzer und U. Schmidt. Köln u. a., 2003. S. 59–152.

³¹ *Петров Н.В.* По сценарию Сталина. С. 89.

³² Там же. С. 15.

сосредотачивал у себя все рычаги по контролю над немецкими органами самоуправления, главным из которых было право проводить аресты немецких граждан, – одно из основных направлений карательной политики на территории СЗО³³.

В целом идея о характере советизации Восточной Германии, в процессе которой репрессии против гражданского населения в виде интернирования в спецлагеря и тюрьмы НКВД/МВД были важнейшим инструментом «социальной чистки» восточногерманского общества, на данный момент является достаточно прочно утвердившейся в современной немецкой историографии трактовкой масштабной сталинской репрессивной политики в СЗО³⁴. Эти положения, хотя и с некоторыми корректировками, были подтверждены специальными исследованиями деятельности советских военных трибуналов в Восточной Германии, некоторые из документов которых стали доступны для исследователей в начале 2000-х гг. Изучение этой проблемы показало, что осуждение немцев советскими военными трибуналами в СЗО в 1945–1955 гг. имело, прежде всего, репрессивную направленность (более 70% из них были осуждены по различным пунктам 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР) и только во вторую очередь было направлено на наказание людей, причастных к нацистским преступлениям³⁵. Результатом продолжения исследований немецких историков в этом направлении в последние годы стал выход объёмного труда, посвященного смертным приговорам советских военных трибуналов в отношении немцев в период с 1944 по 1947 гг., в котором, в частности, установлены те лагеря и тюрьмы, находившиеся в подчинении Отдела спецлагерей, в которых происходило

³³ Петров Н.В. По сценарию Сталина. С. 35–39.

³⁴ См.: Plato A., von. Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945-1950. Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit "doppelter Vergangenheit" / hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. Berlin, 1999. S. 124–148; Hilger A. Von Banden und Klassenfeinden: Stalins Tschekisten in Deutschland 1945–1955 // Sowjetisierung oder Neutralität? Optionen sowjetischer Deutschlandpolitik in Deutschland und Österreich 1945–1955 / hg. von Andreas Hilger u. a. Göttingen, 2006. S. 143–168; Greiner B. Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland. Bonn, 2010. S. 459–472.

³⁵ Hilger A., Schmeitzer M. Einleitung: Deutschlandpolitik und Strafjustiz. Zur Tätigkeit sowjetischer Militärtribunale in Deutschland 1945–1955 // Sowjetische Militärtribunale. Band 2. S. 7–33; Jeske N., Morre J. Op. cit.

приведение смертных приговоров в исполнении (всего было расстреляно около 700 заключенных спецлагерей)³⁶.

Среди работ российских историков, в которых затрагиваются различные аспекты истории спецлагерей, можно отметить статьи А.Е. Епифанова, Г.А. Кузнецовой, В.Н. Морозовой, Н.П. Казначеевой, А.И. Сидоркина³⁷, а также диссертацию А.В. Штеркель³⁸. Информационная и исследовательская ценность данных работ различна. В статье Г.А. Кузнецовой с опорой на документы Отдела спецлагерей, хранящихся в ГА РФ, дан краткий обзор основных этапов истории спецлагерей, уточнены даты функционирования некоторых спецлагерей. Статьи В.Н. Морозовой и Н.П. Казначеевой носят в большей степени историографический характер. В них на основе работ, в первую очередь, немецких исследователей рассмотрены отдельные сюжеты по истории спецлагерей, однако же их выводы не обладают новизной и не приносят никаких новых интерпретаций доступных источников. То же относится и к диссертации А.В. Штеркель, в которой, по существу, лишь пересказываются отдельные факты истории спецлагерей. Статьи А.Е. Епифанова и А.И. Сидоркина опираются, во

³⁶ Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historische-biographische Studie / hg. von Andreas Weigelt, Klaus-Dieter Müller, Thomas Schaarschmidt und Mike Schmeitzner. Göttingen, 2015.

³⁷ *Епифанов А.Е.* Деятельность спецлагерей НКВД (МВД) СССР в Германии в 1945–1955 гг. // *МВД России 200 лет. История, развитие, перспективы: Труды Академии управления МВД России.* М., 2003. С. 279–287; *Кузнецова Г.А.* Отдел спецлагерей НКВД-МВД СССР в Германии // *Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник* / отв. ред.: Я. Фойтцик, А.В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина. М., 2009. С. 100–106; *Морозова В.Н.* Система спецлагерей на территории советской зоны оккупации Германии (по материалам немецких исследователей 90-х гг. XX в.) // *Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений.* Выпуск 3. Сборник статей / под общ. ред. А.А. Слинько. Воронеж, 2012. С. 51–61; *Казначеева Н.П.* Внешнеполитические факторы и советские критерии освобождения восточных немцев из спецлагерей // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 2008. Выпуск 7. С. 75–81; *Она же.* Завершение политики денацификации в Германии и начало ликвидации советских спецлагерей // *Научные проблемы гуманитарных исследований.* 2008. Выпуск 8. С. 41–48; *Она же.* Назначение и использование советских спецлагерей на территории Германии в послевоенный период // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2008. № 66. С. 209–216; *Сидоркин А.И.* Спецлагеря НКВД-МВД (1944–1950 гг.) // *Учёные записки Казанского государственного университета.* Т. 144. Юридические науки. Казань, 2003. С. 364–391.

³⁸ *Штеркель А.В.* Особенности советской оккупационной политики в Восточной Германии: цели и механизмы реализации (1945–1949 годы): Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Пятигорск, 2011.

многим, на малодоступные в настоящее время исследователям архивные документы, отражающие статистику арестов в советской зоне оккупации Германии и кадровое наполнение спецлагерей, повседневную жизнь их личного состава. А.Е. Елифанов, в частности, подчеркивает, что «большинство арестованных, содержащихся во внесудебном порядке в спецлагерях [...], составляли рядовые участники различных фашистских органов, имевшие весьма отдаленное отношение к гитлеровским злодеяниям, а их изъятие и изоляция были продиктованы исключительно необходимостью быстрой и полной очистки советских фронтовых тылов, а затем и оккупационной зоны от антисоветского элемента»³⁹.

Для немецких исследователей истории спецлагерей и советских репрессии в Германии особенный интерес представляет также изучение восприятия этой темы немецким обществом в разные периоды послевоенной истории, в том числе и особенностей коллективной памяти о советском терроре в Восточной Германии⁴⁰.

Промежуточные итоги изучения истории спецлагерей за последние десятилетия подведены в сборнике статей немецких и российских историков под характерным названием «Между денацификацией и оккупационной политикой», вышедшем в 2021 г. В статьях, представленных в сборнике, сделан акцент на проблеме взаимосвязи деятельности спецлагерей с политикой денацификации, что, как уже подчеркивалось, является наиболее спорным вопросом не только в истории спецлагерей, но и сталинских репрессий в Советской зоне оккупации Германии в целом. В частности, во вступительной статье подчеркивается, что до сих пор в оценках спецлагерей доминируют два противоположных полюса: с одной стороны, это определение их как средства, в первую очередь, межсоюзнической денацификации, с другой – как «продолжения сталинского

³⁹ Елифанов А.Е. Указ. соч. С. 286.

⁴⁰ Instrumentalisierung, Verdrängung, Aufarbeitung. Die sowjetischen Speziallager in der gesellschaftlichen Wahrnehmung. 1945 bis heute / hg. von P. Haustein, A. Kaminsky, V. Knigge, B. Ritscher. Göttingen, 2006; Greiner B. Op. cit.

беззакония»⁴¹. В частности, в статье А. Беатти при рассмотрении истории спецлагерей в контексте союзной политики интернирования и денацификации показывается, что, хотя между практикой арестов и интернирования в советской и западных зонах оккупации есть немало общих черт (сочетание стремления к наказанию нацистских преступников с арестами потенциальных оппонентов новых оккупационных властей), в советской зоне оккупации категории граждан, подвергаемых аресту и помещению в спецлагеря, были сформулированы более широко и менее конкретно, а условия содержания арестованных были более жесткими, при этом руководство органов внутренних дел и Советской зоны оккупации в целом было безразлично к катастрофическому положению с масштабами заболеваемости заключенных и массовой смертностью, сложившемуся в спецлагерях. В целом, как подчеркивает исследователь, советские спецлагеря существенно отличались по своей сущности от лагерей для интернирования в западных зонах оккупации, так как они внесли свой вклад в «сталинизацию» (или советизацию) Советской зоны оккупации Германии и были, в первую очередь, «попыткой сделать практику внесудебных арестов средством уничтожения нацизма»⁴².

Подводя итог рассмотрению истории изучения спецлагерей, можно констатировать, что за последние десятилетия был достигнут существенный прогресс в исследованиях различных аспектов этой темы. Помимо чисто фактологического обогащения знаний об их организации, дислокации, структуре, кадровом наполнении, произошло осмысление спецлагерей как особых мест заключения, сочетавших в себе функции временного содержания различных категорий контингента, их интернирования, фильтрации и накопления для дальнейшего распределения, в том числе и по лагерям послевоенного ГУЛАГа.

⁴¹ Zwischen Entnazifizierung und Besatzungspolitik. Die sowjetischem Speziallager 1945–1950 im Kontext / hg. von J. Landau und E. Heitzer im Auftrag der Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Göttingen, 2021. S. 9. Следует подчеркнуть, что первая точка зрения, как уже указывалось, в действительности не является магистральной в оценках современных исследователей – это скорее утверждение, которое наиболее часто подвергается критике в свете проведенных исследований немецкого контингента спецлагерей.

⁴² Beattie A.H. Die sowjetischen Speziallager im Kontext der alliierten Internierung und Entnazifizierung // Zwischen Entnazifizierung und Besatzungspolitik. S. 60.

Важнейший вывод современных исследований истории спецлагерей состоит в том, что для послевоенной Германии они стали выразительным проявлением «экспорта» советских репрессивных практик, свидетельствуя о реальных и долгосрочных планах И.В. Сталина по советизации Восточной Германии.

* * *

С 1950-х гг. и до настоящего времени был проделан большой путь в изучении истории спецлагерей – от сбора разрозненных сведений очевидцев и, в основном, публицистических работ политических активистов и журналистов до серьезных документальных и аналитических публикаций, проясняющих место и роль спецлагерей в советской репрессивной политике в послевоенной Германии.

Несмотря на это, нельзя не отметить, что в отечественной исследовательской литературе до сих пор нет работ, специально посвященных комплексному изучению истории спецлагерей, с привлечением широкого круга источников. Она не в полной мере вписана как в историю советской оккупационной политики и советских оккупационных структур в СЗО, так и в историю государственного террора и советских спецслужб эпохи «позднего сталинизма».

Это в меньшей степени относится к зарубежной историографии, однако и там есть недостаток обобщающих работ по истории спецлагерей, если принять во внимание объем и разнообразие доступных источников. Интерес к этой проблематике упал после активного периода изучения истории спецлагерей в 1990-х – начале 2000-х гг. Во многом это объясняется недоступностью некоторых важных документов органов госбезопасности, осуществлявших аресты на территории Германии, а также, за редкими исключениями, военных трибуналов, выносивших приговоры на территории СЗО как гражданам СССР, так и Германии. В полной мере исследователи не имеют возможности изучать кадровое наполнение спецлагерей, что представило бы существенный интерес с точки

зрения истории советских органов госбезопасности⁴³. Проблема советского контингента заключенных спецлагерей до сих пор не нашла отражение в литературе о послевоенных сталинских репрессиях⁴⁴, хотя там содержалось более тридцати тысяч советских граждан, которые направлялись оттуда для отбывания наказания в места заключения на территории СССР.

В целом, изучение функционирования спецлагерей НКВД/МВД СССР следует признать необходимой составляющей для более глубокого анализа политики советского руководства в СЗО и её целей, а также методов установления советского влияния в Восточной Германии.

⁴³ Отдельные биографии руководителей Отдела спецлагерей представлены в фундаментальном справочнике: *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии, 1945–1954: Справочник. М., 2017.

⁴⁴ Об этом подробнее см.: *Scherbakova I.* Sowjetische Staatsangehörige und sonstige Ausländer in den Speziallagern // *Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. Band 1.* S. 241–249.

ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

§ 2.1. Фонды Государственного архива Российской Федерации

Большая часть источников, отражающих деятельность спецлагерей, отложилась в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Р-9409 («Отдел специальных лагерей МВД СССР в Германии»). Коллекция этих документов поступила в архив в 1960 г. после упразднения общесоюзного Министерства внутренних дел и оставалась секретной вплоть до 1992 г.⁴⁵ В данный фонд входят более 900 дел в двух описях, хронологически охватывающих период с 1945 по 1950 гг.

Опись 1, куда входит большая часть дел всего фонда, содержит документы двух типов: документы Отдела и документы каждого из десяти спецлагерей. В первом случае речь идет о документации отделений, входивших в аппарат управления спецлагерями, – в Отдел спецлагерей, находившийся в Берлине. Это документы отделений охраны, режима, учётного, оперативного, кадрового, финансового, хозяйственного и санитарного. Что касается отдельных спецлагерей, их документация образует две группы: во-первых, это акты проверки и акты обследования спецлагерей различными комиссиями и разного рода нормативная документация (приказы и распоряжения начальников Отдела или лагеря); во-вторых, это так называемые двухнедельные и декадные строевые записки о наличии и движении заключенных каждого лагеря, а также именные списки арестованных, подлежащих направлению в спецлагеря. Сюда же примыкают многочисленные эшелонные списки заключенных, этапированных как в пределах СЗО, так и за ее пределы на территорию СССР (подробная характеристика данного типа источника приводится в параграфе 2.3).

Степень представленности документов по каждому лагерю различна. Наиболее полно представлены источники по лагерям Бухенвальд, Баутцен и

⁴⁵ Об истории формирования этого фонда см.: *Kuznecova G., Nachatovic D. Die GARF-Bestände: Quellen zur Geschichte der Speziallager des NKVD/MVD der UdSSR in Deutschland von 1945 bis 1950 // Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 1. S. 76.*

Торгау (спецлагерь № 10; по спецлагерю № 8, также располагавшемуся в этом городе, источников почти нет). В последнем случае это связано с тем, что именно через лагерь в Торгау с 1945 по 1948 гг. заключенные этапировались в лагеря ГУЛАГа на территорию СССР. По лагерям Мюльберг, Заксенхаузен и Бухенвальд полностью сохранились журналы регистрации «спецконтингента» и журналы регистрации умерших.

Наиболее полно представлена документация отделений охраны и режима и учётного отделения Отдела спецлагерей. Они позволяют изучать систему учёта заключенных, организацию службы личного состава спецлагерей и охраны. Значительная часть этих материалов состоит из списков спецконтингента, списков освобождённых и умерших заключенных, списков неосужденных немецких граждан, подлежащих передаче немецким властям. В меньшей степени отражена в этих источниках такая сторона лагерной жизни, как побег заключённых.

Один из важнейших вопросов истории спецлагерей – проблема уровня смертности заключённых – отражена в документах санитарного и хозяйственного отделений отдела. Они позволяют изучать причины достаточно высокого уровня смертности, а также реконструировать условия жизни заключённых в лагерях. Почти для всего периода существования спецлагерей сохранились отчёты о заболеваемости и смертности спецконтингента по каждому лагерю.

Еще один ценный вид источников – это так называемые «акты приема и сдачи и ведомости» по ликвидации лагерей Заксенхаузен, Бухенвальд и Баутцен. В них содержатся достаточно подробные описания положения дел в лагерях на момент их закрытия.

Документы об оперативной работе среди заключённых практически недоступны исследователям, за исключением плана мероприятий оперативного отделения отдела на период освобождения заключенных и передачи их немецким властям за 1950 год, а также отдельных донесений о настроениях заключённых, адресованных начальниками лагерей начальнику Отдела спецлагерей в период 1948–1950 гг.

Опись 2 фонда Отдела спецлагерей была сформирована в 1965 г. В неё вошли документы по личному составу лагерей и Отдела⁴⁶. Это, в первую очередь, приказы и указания начальника Отдела по личному составу, характеристики личного состава спецлагерей, документы на представление сотрудников спецлагерей к наградам и званиям. В ходе проведенной в 2017 г. процедуры рассекречивания документов данной описи исследователям стало доступно около 60% всех хранящихся в описи дел, в которые фрагментарно входят и источники, содержащие конкретные биографические сведения об офицерском составе спецлагерей (дата и место рождения, партийность, образование, предшествующая служба). Вместе с биографическими данными, представленными в фундаментальном справочнике Н.В. Петрова, эти сведения позволяют не только пофамильно установить руководящий состав спецлагерей (руководящих офицеров Отдела и самих лагерей до начальников отделений включительно), но и проанализировать, какими кадрами наполнялись спецлагеря, каков был предшествующий служебный опыт офицеров (например, военный, чекистский и/или «гулаговский»), направляемых туда на руководящие должности.

Небольшая, но значимая часть источников по истории спецлагерей содержится в фонде Главного управления лагерей МВД СССР (Р-9414). Это документы, возникшие после августа 1948 г., когда Отдел спецлагерей был подчинён ГУЛАГу. Несколько дел этого обширного фонда представляют собой материалы инспекций ГУЛАГа, которые проверяли работу спецлагерей осенью 1948 г. Они отражают все этапы процесса перехода спецлагерей в подчинение ГУЛАГу. Кроме собственно материалов «гулаговского» происхождения, есть также и документы, подготовленные самим Отделом спецлагерей, – различные доклады и приложения к ним, в том числе и переписка по вопросам военизированной охраны и режима содержания заключенных. Отдельную категорию источников из данного фонда представляют собой материалы Санитарного отдела ГУЛАГа – материалы обследований условий содержания

⁴⁶ *Kuznecova G., Nachatovic D. Op. cit. S. 78.*

заклучённых в спецлагерях, а также месячные и квартальные медико-санитарные отчеты.

Наконец, ещё одну важную часть источников по теме представляют собой документы из «Особой папки» Секретариата НКВД/МВД СССР (или «Особая папка» И.В. Сталина – фонд Р-9401, опись 2) и приказы НКВД/МВД СССР (фонд Р-9401, описи 1а и 12). Практически все документы из указанного фонда, касающиеся истории спецлагерей, опубликованы. По большей части недоступными для исследователей остаются дела из обширной описи 1 данного фонда, именуемой «Переписка НКВД/МВД с союзными наркоматами». По отдельным опубликованным документам этой описи можно видеть, что там содержится служебная внутренняя переписка СВАГ и органов НКВД/МВД в рассматриваемый период, в частности, докладные записки уполномоченного НКВД/МВД СССР в Германии И.А. Серова руководству НКВД/МВД СССР о состоянии дел в спецлагерях. К сожалению, исследователям недоступны даже те дела, части которых были опубликованы в упомянутом сборнике по истории спецлагерей.

Кроме указанных основных фондов по истории спецлагерей, привлекались также документы из фонда Совета Министров СССР (Ф. Р-5446, описи 3ас и 10б) – это тексты постановлений советского правительства, касающиеся организации работы спецлагерей. В упомянутом сборнике документов были опубликованы копии этих постановлений из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), хранящиеся в фонде 89 («Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в ходе “Дела КПСС” и научно-исследовательской работы (1920–1991 гг.)»). В настоящем исследовании ссылки приводятся по месту хранения оригиналов постановлений в ГА РФ.

Таким образом, фонды Государственного архива Российской Федерации составляют основную источниковую базу для изучения истории спецлагерей в самых разнообразных ее аспектах. Как представляется, информационный

потенциал этой группы источников далеко не исчерпан, они еще нуждаются в дальнейшем внимательном изучении.

§ 2.2. Дополнительные источники

Источниковая база настоящего исследования не ограничивается документами, хранящимися в фондах ГА РФ. Её содержательно дополняет корпус других источников, представленный документами из фондов иных государственных архивов Российской Федерации, нормативно-правовыми актами РСФСР/СССР и СВАГ, а также отдельными мемуарными свидетельствами советских граждан – заключенных спецлагерей.

Во-первых, это документы из Российского государственного военного архива (РГВА), в котором хранится служебная документация внутренних войск НКВД/МВД/МГБ СССР в Германии. Полки внутренних войск осуществляли внешнюю охрану спецлагерей. Это документы фондов 38650 (Главное управление внутренних войск), 32925 (Управление войск НКВД-МВД по охране тыла Красной Армии (Группы советских оккупационных войск в Германии)), 32915 (38-й пограничный/стрелковый полк), 39016 (Военная прокуратура внутренних войск НКВД/МВД/МГБ в Германии). В данных фондах хранятся, в частности, приказы, директивы, оперативные сводки штаба внутренних войск в Германии, служебная переписка. В этих документах отражены такие аспекты деятельности спецлагерей, как настроения заключенных, направления их этапирования как внутри Германии, так и за ее пределы, информация о побегах заключенных, описания различных чрезвычайных происшествиях в спецлагерях. Из фонда Военной прокуратуры внутренних войск МГБ СССР в Германии в рамках исследования были привлечены материалы проверки хозяйственной и финансовой деятельности спецлагеря № 9, проводившейся в 1948 г.

Отдельную категорию немногочисленных, но важных документов составляют нормативные источники, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории в фонде 17 (Центральный комитет РКП(б)-ВКП(б)-КПСС), – это протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) с

решениями в отношении спецлагерей (и материалы к ним). Как и в случае постановлений СМ СССР, в сборнике документов по истории спецлагерей они были опубликованы по копиям текстов решений Политбюро, также хранящихся в РГАНИ (Ф. 89). В настоящем исследовании ссылки на соответствующие постановления Политбюро приводятся по месту хранения их оригиналов в РГАСПИ (опись 162 и опись 166 – протоколы заседаний Политбюро и подлинные протоколы «Особой папки» Политбюро соответственно; опись 162 использовалась только для выявления постановлений). Кроме того, важными источниками являются два документа из фонда И.В. Сталина (Ф. 558). Это докладная записка И.А. Серова в адрес Л.П. Берии середины октября 1946 г. об излишках продовольствия в Германии и его вывозе в СССР, содержащая рукописные пометы И.В. Сталина, и записка И.В. Сталина А.А. Жданову, Н.А. Вознесенскому, Н. А. Булганину и др. от 3 ноября 1946 г. по поводу указанных предложений И.А. Серова. Оба этих документа были впервые опубликованы Н.В. Петровым⁴⁷.

Ценными источниками являются материалы Третьего европейского отдела Министерства иностранных дел СССР (Ф. 082 – Референтура по Германии) и Управления Политсоветника СВАГ (Ф. 0457а) из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Отдельные документы этих фондов по изучаемой теме были опубликованы в сборнике о советско-германских послевоенных отношениях⁴⁸. Несмотря на то, что доступ к материалам указанного архива существенно ограничен и исследователи не имеют возможности полноценно работать с научно-справочным аппаратом архива, всё же некоторые документы, с которыми удалось ознакомиться, позволяют прояснить отдельные малоизвестные аспекты, связанные с принятием советским руководством решения о ликвидации спецлагерей. Кроме того, в исследовании используются официальные нормативные документы Советской военной администрации в

⁴⁷ Петров Н.В. Первый председатель КГБ Иван Серов. С. 252–255, 256.

⁴⁸ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3-х т. Т. III: 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. М., 2003.

Германии, опубликованные в различных сборниках документов⁴⁹, а также Уголовный кодекс РСФСР (текст по состоянию на 1-е июля 1950 г.)⁵⁰ – для группировки и анализа полученных сведений из созданной базы данных советских заключенных спецлагерей.

В качестве дополнительных источников в рамках настоящего исследования была также привлечена мемуарная литература, а именно – выявленные свидетельства нескольких советских граждан, находившихся в заключении в спецлагерях и попавших в созданную и анализируемую в настоящей работе базу данных⁵¹. Несмотря на относительную краткость этих воспоминаний, они представляют определенный исследовательский интерес для изучения указанной категории заключенных спецлагерей, так как, в отличие от упомянутых ранее мемуарных свидетельств немецких заключенных, в принципе каких-либо свидетельств советских граждан о пребывании в спецлагерях сохранилось крайне мало.

Таким образом, проведенный обзор показывает, что исследователи располагают достаточно широкой источниковой базой для изучения как организации и структуры сети спецлагерей на территории Восточной Германии, так и отдельных аспектов их деятельности. Первостепенное значение имеют документы фонда Отдела спецлагерей и документация центрального аппарата НКВД/МВД СССР, хранящиеся в ГА РФ, которые в своей наиболее существенной части доступны исследователям. Источники из иных российских архивов

⁴⁹ Сборник № 5 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии за время с 1 октября по 31 декабря 1946 г. Берлин, 1946; За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945–1949 гг. М., 1969; СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949: сборник документов / отв. ред. и сост. Н.В. Петров. М., 2006.

⁵⁰ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1-е июля 1950 г. и с приложением постановочно-систематизированных материалов. М., 1950.

⁵¹ Агафонов (Глянцев) А.М. Записки бойца армии теней. СПб, 1998; Шалай И.И. Из бездны темных сил: Повесть-хроника. Пятигорск, 2003; Тальми В.Л. Полный круг. Нью-Йорк – Москва и обратно. История моей жизни. М., 2014; свидетельство о пребывании в спецлагерях Н.И. Бондаренко отложено в надзорном деле Генеральной прокуратуры СССР 1962 г. (ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 92599. Л. 14–16об).

(АВП РФ, РГВА, РГАСПИ, РГАНИ), а также немногочисленная мемуарная литература существенно дополняют и уточняют источники первой группы.

§ 2.3. Методы исследования

В исследовании применяются две группы методов – традиционные методы исторического исследования и количественные методы.

В первую группу входят историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы.

Историко-генетический метод используется для описания этапов истории спецлагерей и анализа причин их создания и роспуска. Историко-типологический метод используется для обоснования типологии спецлагерей как особых мест заключения. Историко-сравнительный метод – для сравнения различных характеристик функционирования спецлагерей.

Кроме этого, использовалась архивная эвристика для поиска и отбора необходимых для исследования документов.

Вторую группу составляют количественные методы, связанные с теоретическими разработками и практическим опытом исследований отечественной школы квантитативной истории⁵².

Метод статистического анализа используется для подсчета и выявления некоторых количественных параметров деятельности спецлагерей (численность заключенных и ее динамика, различные количественные характеристики советского контингента спецлагерей).

Методы и технологии баз данных применяются для структуризации информации, содержащейся в источниках о советских заключенных и о руководящем кадровом составе спецлагерей. Это позволяет намного более эффективно, чем с помощью только традиционных исторических методов, агрегировать и анализировать большие объемы количественной и качественной информации и выявлять с помощью этого анализа более общие закономерности

⁵² См., например: Количественные методы в исторических исследованиях / под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1984; Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018.

проявлений тех или иных характеристик изучаемых объектов. Использование данной методологии в рамках настоящей работы опирается на разработанную теорию и практику применения баз данных в исторических исследованиях⁵³.

Первая в нашем исследовании реляционная база данных советских заключенных спецлагерей была создана в программе *СУБД Microsoft Access* на основании сохранившихся в фонде Отдела спецлагерей эшелонных списков заключенных, этапиремых из спецлагерей в лагеря на территорию СССР. Всего было выявлено 30 таких списков, охватывающих период с 1945 по 1950 гг. Путем механической выборки было отобрано девять списков – по два, относящихся к 1946, 1947, 1948 и 1949 гг., и один – по 1945 году. Последнее объясняется тем, что все списки 1945 года находятся в достаточно плохом состоянии. Из-за того, что, в отличие от списков других годов, они не напечатаны, а написаны от руки чернилами или карандашом, зачастую большие объемы информации в них практически нечитаемы или из-за почти полной стёртости, или из-за неразборчивого почерка. Поэтому был выбран один наиболее полно сохранившийся и читаемый список. Поскольку к 1950 году вывоз заключенных из спецлагерей практически прекратился и в единственный список 1950 г. вошло только 260 человек, было отдано предпочтение внесению данных из эшелонного списка, сформированного в ноябре 1949 г. (за несколько месяцев до закрытия спецлагерей), когда состоялось последнее массовое этапирование советских граждан.

В таблице 1 представлена обобщенная информация обо всех выявленных списках с указанием количества заключенных, даты этапирования (формирования эшелона) и главного адреса назначения этапа (без учета изменения адреса назначения отдельных заключенных, снятых с этапа или перенаправленных по

⁵³ См. *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. Гёттинген, 1994; *Она же.* Базы данных: создание и использование. Учебно-методическая разработка к практикуму по курсу «Информатика и математика». Выпуск 1. М., 2005; *Она же.* Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // *Круг идей: базы данных в исторических исследованиях* / под ред. В.Н. Владимирова, И.М. Гарсковой. Барнаул, 2013. С. 7–17.

ходу этапирования в другой лагерь). Внесённые в базу данных списки выделены жирным шрифтом.

Таблица 1. Список выявленных эшелонных списков

Дата этапирования	Количество заключенных	Адрес назначения этапа (основной)	Источник
05.09.1945	1153	Интинский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 714.
10.10.1945	991	Московский лесозаготовитель- ный ИТЛ (Ярославская область, город Рыбинск)	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 716.
13.11.1945	1202	Интинский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 715.
26.12.1945	1208	Печорский (Северо- Печорский) ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 717.
19.02.1946	936	Печорский (Северо- Печорский) ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 724.
03.03.1946	812	ИТЛ Челябметаллург- строя	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 726.
20.04.1946	981	Северный	ГА РФ. Ф. Р-9409.

		железнодорожный ИТЛ	Оп. 1. Д. 727.
03.07.1946	785	Строительство № 865 (Свердловская область, рабочий посёлок Верхне- Нейвинск)	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 731.
13.08.1946	917	Восточно- Уральский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 733.
24.08.1946	878	Восточно- Уральский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 734.
08.10.1946	943	Каргопольский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 743.
11.11.1946	1167	Воркутинский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 738.
12.12.1946	998	Усольский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 742.
08.02.1947	1218	Ивдельский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 793.
18.02.1947	1150	Ивдельский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 794.
01.04.1947	733	Северо-Уральский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 796а.
08.05.1947	700	Северо-Уральский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 797.
30.05.1947	761	Алданский ИТЛ	ГА РФ.

		и Сибирский ИТЛ	Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 798.
04.07.1947	900	Южно-Кузбасский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 801.
18.08.1947	1003	Строительство № 501 (Тюменская область, город Салехард)	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 803.
12.10.1947	819	Западное управление строительства и лагерей Байкало- Амурской магистрали	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 806.
08.12.1947	924	УИТЛК МВД Карело-Финской ССР	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 809.
09.02.1948	758	Томь-Усинский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451.
12.02.1948	1000	Строительство № 501 (Тюменская область, город Салехард)	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 821.
17.04.1948	964	Унженский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 824.
01.07.1948	815	Южно- Кузбасский ИТЛ, пересыльная	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 437.

		тюрьма Орши и тюрьма МВД в Киеве	
24.02.1949	795	Ангарский ИТЛ	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451.
25.06.1949	837	Енисейстрой (станция Канск Красноярской железнодорожной и пересыльная тюрьма Орши)	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451.
24.11.1949	670	Станция Кемерово Томской железнодорожной дороги⁵⁴	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451.
28.02.1950	260	Воркутлаг и Брестская тюрьма МВД	ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451.

Каждый эшелонный список имеет одинаковую структуру. После обязательного акта о передачи заключенных от руководства спецлагеря полку конвойных или внутренних войск следует список заключенных (как правило, не в алфавитном порядке, а сгруппированный по статьям), где рядом с фамилией именем и отчеством указываются дата рождения, национальность (кроме списка 1945 года), статья, по которой был осужден заключенный, а также мера наказания (приговор). Направления этапирования заключенных указывается в самом начале

⁵⁴ В качестве адреса назначения указана именно станция, а не лагерь. Наиболее вероятно, заключенные были направлены в Северо-Кузбасский ИТЛ.

списка. В отдельных случаях можно встретить указание в списке на то, что заключенный был снят с этапа – или оставлен в спецлагере, или по ходу следования направлен в какое-либо другое место отбывания наказания, отличное от всего эшелона. В случаях, когда строка полностью зачеркнута, как правило, нет какой-либо подписи, объясняющей это, т. е. можно только предполагать, что вычеркнутый человек умер в пути следования или же просто был снят с этапа по каким-либо причинам. Так как одной из основных задач данного исследования является создание базы данных советских заключенных спецлагерей, все вычеркнутые фамилии все равно вносились в базу данных, так как то, что происходило с заключенным во время этапирования, никак не отменяет факт его пребывания в спецлагере до этого. Фрагмент одного из внесенных в базу данных эшелонных списков представлен в *Приложении 1*.

Схема созданной реляционной базы данных приведена на рисунке 1.

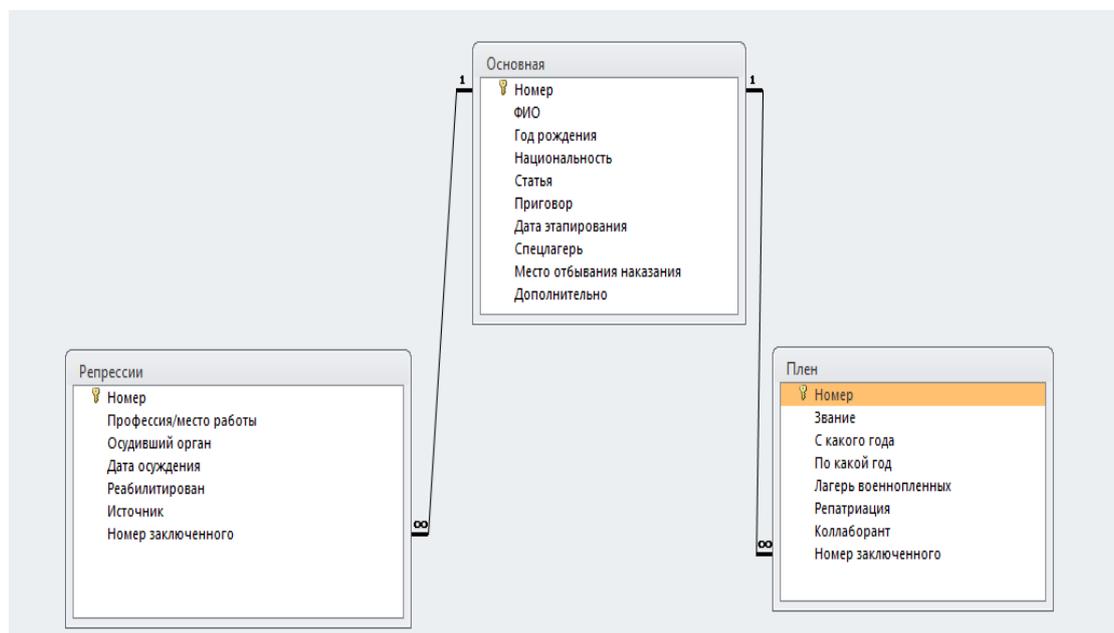

Рисунок 1. Схема базы данных советских заключенных спецлагерей

Все характеристики заключенного, содержащиеся в эшелонном списке, вносили с таблицу «Основная». Это ФИО, год рождения, национальность, статья Уголовного кодекса или иного закона, приговор, дата этапирования, «спецлагерь» – начальная точка в маршруте этапа, «место отбывания

наказания» – название лагеря на территории СССР, и «дополнительно», где отмечалась иные возможные данные, описанные выше. Поле «Номер», соответствующее порядковому номеру каждого внесенного в таблицу заключенного, было выбрано в качестве ключевого – обеспечивающего связь с подчиненными таблицами

Две другие подчиненных таблицы в базе данных – «Репрессии» и «Плен» – пополнялись на основе поиска внесенных в таблицу «Основная» заключенных в открытых базах данных в сети Интернет. Таблица «Репрессии» создавалась на основе информации из базы данных Международного общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР» и сайта проекта «Открытый список», таблица «Плен» – из Обобщенного электронного банка данных (ОБД) «Мемориал», содержащего записи о бывших в плену в годы войны с Германией советских военнослужащих. Наличие данных в этих источниках определило и название полей подчиненных таблиц. В таблице «Репрессии» это указание на место работы или профессию заключенного на момент ареста, название осудившего органа, дата осуждения (или ареста), указание на дальнейшую реабилитацию. В таблице «Плен» – звание военнопленного, период и место его пребывания в плену, а также имеющиеся сведения о сотрудничестве с врагом в военный период и о послевоенной репатриации.

Всего через спецлагеря, согласно данным, предоставленным начальником Отдела спецлагерей В.П. Соколовым сразу же после их закрытия, прошло 34706 граждан СССР, из них к рассматриваемой нами категории – осужденные – относилось 28051 человек⁵⁵. Общая численность заключенных в выявленных тридцати списках составила 27278 человека, т. е. разница между подсчитанным нами по всем выявленным спискам количеством заключенных с гипотетической генеральной совокупностью, в качестве которой можно рассматривать число, приведенное в официальной статистике Отдела спецлагерей, составила чуть менее 800 человек. С учетом возможных неточностей в статистике, а также

⁵⁵ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

принимая во внимание тот факт, что не все эшелонные списки могли сохраниться в фонде Отдела спецлагерей (что характерно для документов начального этапа существования спецлагерей летом 1945 г.), эта разница представляется некритической. В целом, реальная имеющаяся генеральная совокупность оказалась достаточно близка гипотетической генеральной совокупности.

В созданную базу данных было внесено 8508 записей, каждая из которых соответствует конкретному заключенному. Таким образом, выборка из имеющейся у нас реальной генеральной совокупности составила 31%.

Для проверки репрезентативности выборки вручную во всех выявленных тридцати списках была подсчитана частота встречаемости одного из показателей как в генеральной совокупности, так и в выборке — это частота встречаемости в каждой записи в столбце «статья» 58-й статьи УК РСФСР. В генеральной совокупности частота встречаемости составила 277,3, в выборке (31%) – 254,4. В программе *Microsoft Excel* для генеральной совокупности было подсчитано стандартное квадратическое отклонение (составило 137,2) и построен доверительный интервал при доверительной вероятности $P=95\%$ (его величина составила 48,3). Значит, границы доверительного интервала в генеральной совокупности определяются следующим образом: $277,3 \pm 48,3$. Среднее значение частоты встречаемости 58-й статьи в выборке (254,4) попадает в пределы этого доверительного интервала. Таким образом, сформированную выборку можно считать репрезентативной по данному важному для нас признаку.

Описанная база данных является главным инструментом анализа характеристик советского контингента спецлагерей. Существенный объем выборки и проведенная процедура построения доверительного интервала по одному из показателей позволяет говорить о репрезентативности выборки и о возможности делать существенно значимые выводы касательно всей генеральной совокупности на основе анализа базы данных. Иллюстрация фрагмента базы данных и фрагмента таблицы, полученной в результате заданного запроса на выборку, представлены в *Приложении 2* и *Приложении 3* соответственно.

Охарактеризуем также вторую реляционную базу данных, созданную нами для анализа некоторых характеристик руководящего офицерского состава спецлагерей.

Как уже указывалось выше, в настоящее время исследователи располагают достаточно обширными, хотя и далеко не полными источниками биографических сведений руководителей Отдела и самих спецлагерей. На первичном этапе работы нами были собраны и систематизированы достаточно полные биографические сведения о 80-ти офицерах из числа руководства системы спецлагерей. К ним относятся: начальники Отдела спецлагерей и их заместители; начальники отделений Отдела спецлагерей; начальники спецлагерей, их заместители; начальники отделений (иногда именовавшихся группами) спецлагерей. Таким образом, в базу данных вносилась информация о сотрудниках спецлагерей в статусе не ниже начальника отделения.

Основными источниками биографической информации, внесённой в базу данных, послужили документы из описи 2 фонда Р-9409. Проанализированный массив источников составили: приказы по личному составу (по Отделу и по лагерям); списки сотрудников спецлагерей; наградная документация; служебная переписка, содержащая биографические сведения и служебные характеристики офицеров⁵⁶.

Одновременно значимым источником биографической информации стал фундаментальный справочник о сотрудниках советских органов государственной безопасности в Восточной Германии, составленный историком Н.В. Петровым⁵⁷. В нем, в частности, содержатся полные биографии всех трех руководителей Отдела спецлагерей (М.Е. Свиридов, Н.Т. Цикляев, В.П. Соколов) и большей части начальников спецлагерей.

В качестве дополнительного источника информации при наполнении базы данных использовался электронный ресурс Министерства обороны России

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 1–5, 8, 10, 14, 15, 18, 19, 21, 25, 29, 30, 33–37, 39–42, 44, 47, 52, 53, 64–66, 69–71.

⁵⁷ *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии.

«Память народа»⁵⁸. Поскольку очень многие офицеры, служившие в спецлагерях, участвовали в боевых действиях в период Великой Отечественной войны, уточняющие биографические сведения о них были получены благодаря доступным на указанном ресурсе наградным листам. В первую очередь, это информация о характере службы, предшествующей направлению на работу в спецлагерь: в разных случаях это были или чисто армейские структуры, или войска НКВД, или подразделения Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны СССР. В целом ряде случаев уточнить звание офицера и его должность на предыдущей службе позволил электронный справочник «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939» (сост. А.Н. Жуков)⁵⁹. Для дополнения и уточнения биографических сведений о тех сотрудниках спецлагерей, которые служили в войсках НКВД, также привлекались учетно-послужные карточки, хранящиеся в РГВА (ф. 40896); были выявлены учетно-послужные карточки на 19 персоналий, внесенных в базу данных.

Таким образом, в своей совокупности, массив сведений, полученный из архивных источников и опубликованных материалов, позволил создать базу данных, достаточно полно отражающую характеристики руководящего кадрового состава системы спецлагерей.

Характер собранных биографических сведений определил следующую структуру базы данных (см. рисунок 2).

⁵⁸ Электронный банк документов «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

⁵⁹ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. Справочник. URL: <https://nkvd.memo.ru> (дата обращения: 25.08.2024).

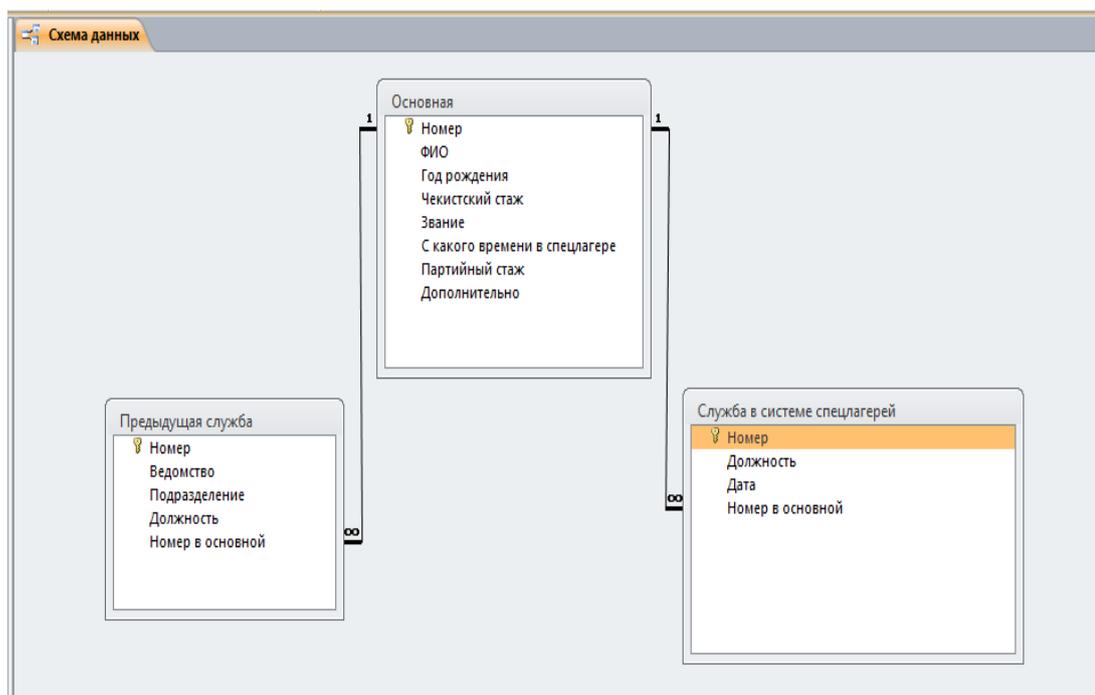

Рисунок 2. Схема базы данных кадрового состава спецлагерей

Таблица «Основная» содержит главные биографические сведения – ФИО, год рождения, звание, партийность, стаж работы в структурах НКВД/МВД СССР и начало службы в спецлагерях. Поле «Номер» было выбрано в качестве ключевого. Так как база данных направлена, в первую очередь, на выявление существенных служебных характеристик с акцентом на прохождение службы в спецлагерях, в таблицу не вносились сведения об образовании и социальном происхождении. К сожалению, эти сведения имеются только по небольшому числу руководящих офицеров, чьи полные биографии опубликованы в справочнике Н.В. Петрова, поэтому для решения конкретных задач этого исследования их недостаток не является серьезным упущением.

Две подчиненные таблицы – «Предыдущая служба» и «Служба в системе спецлагерей» – содержат сведения, отражающие карьерные траектории сотрудников спецлагерей. Они позволяют проследить ведомственное происхождение офицера спецлагеря – ту исходную точку, с которой начиналась его служба, а также дальнейшее продвижение в системе спецлагерей.

В целом, представляется, что созданная база данных даст возможность ответить на содержательные вопросы, касающиеся кадрового наполнения

администрации спецлагерей. Иллюстрации фрагмента указанной базы данных и фрагмента таблицы, полученной в результате заданного запроса на выборку, представлены в *Приложении 4* и *Приложении 5* соответственно.

Таким образом, охарактеризованные методы исследования значительно расширяют традиционный инструментарий историков, используемый при изучении истории спецлагерей. Созданная база данных советских заключенных спецлагерей дает возможность обработать достаточно большой массив данных об этой категории контингента, который можно анализировать с различных точек зрения. База данных кадрового состава спецлагерей представляет собой первую попытку собрать в один самостоятельный источник множественные разрозненные биографические сведения о руководящем кадровом составе спецлагерей. Предложенные структуры баз данных обеспечивают их целостность в адекватном отражении информации избранной предметной области и позволяют конструировать различного типа запросы.

Методы и технологии баз данных совместно с методом статистического анализа и традиционными методами исторического исследования позволяют изучить в рамках настоящей работы историю спецлагерей не только на уровне описания общих процессов, но и на макроуровне выявления и анализа конкретных содержательных характеристик контингента и кадров спецлагерей.

ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ СПЕЦЛАГЕРЕЙ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В 1945-1947 ГГ.

§ 3.1. Предпосылки и цели создания спецлагерей

В конце 1944 – начале 1945 гг., в связи с наступлением Красной Армии на Запад, в полосе боевых действий фронтов армий было положено начало организации специализированных мест заключения – тюрем и лагерей – для содержания интернированных. Это было связано с началом широкомасштабной деятельности советских спецслужб в тылах наступающей советской армии, в обстановке активизации диверсионно-террористической деятельности противника. Советское руководство ставило перед собой цель провести масштабные зачистки населённых немцами территорий по мере того, как Красная Армия продвигалась к стратегической линии Одер-Нейсе. Эти задачи возлагались на войска НКВД по охране тыла, которые, продвигаясь за наступающими войсками, должны были проводить массовые аресты всех подозрительных и враждебных элементов. Кроме того, на оккупированных территориях действовали Главное управление контрразведки «СМЕРШ», входившее в Наркомат обороны СССР, и поначалу немногочисленные сотрудники Наркомата Госбезопасности (НКГБ): из 1-го управления – с задачами развёртывания разведывательной работы в западных зонах оккупации, из 3-го управления – для организации оперативных групп НКГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте в будущей Советской зоне оккупации⁶⁰.

В первые месяцы 1945 г. деятельность НКВД на занятых советскими войсками территориях определялась принятым 11 января, за день до начала зимнего наступления Красной Армии в Польше, приказом НКВД СССР № 0016. В соответствии с этим приказом «для обеспечения очистки фронтов тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов» был создан институт уполномоченных НКВД СССР по фронтам. Уполномоченным предписывалось

⁶⁰Петров Н.В., Фойтцук Я. Указ. соч. С. 5.

«по мере продвижения частей Красной Армии, на территории, освобожденной от войск противника, немедленно проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от их национальной принадлежности и гражданства». Уполномоченными по фронтам, проходившим по территории Германии (1-й и 2-й Белорусский и 1-й Украинский фронт), были назначены соответственно заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов, нарком госбезопасности Белорусской ССР Л.Ф. Цанава и заместитель начальника «СМЕРШ» П.Я. Мешик. Категории немецкого населения, которое предписывалось обязательно подвергать аресту, были сформулированы чрезвычайно широко – это не только сотрудники немецких карательных органов (полиции, концентрационных лагерей, прокуратур, судов и трибуналов, члены фашистских организаций), но и хозяйственные служащие, руководители местных органов власти и «прочий подозрительный элемент»⁶¹. Для содержания арестованных выделялись лагерные помещения – на тот момент для временного содержания до отправки на работы в СССР. В последующие три месяца прифронтовые лагеря и тюрьмы НКВД приняли 215540 человек немцев, поляков, венгров, словаков, итальянцев и граждан СССР. Немцы из них составляли 138200 человек. В лагеря НКВД на территорию СССР за этот период было отправлено 148540 человек. Об этом нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину и В. М. Молотову 17 апреля 1945 г.⁶² На следующий день, 18 апреля 1945 г., был принят приказ НКВД СССР № 00315 о частичном изменении приказа № 0016. Уполномоченным НКВД предписывалось теперь организовать необходимое количество тюрем и лагерей для содержания арестованных. Категории подлежащих аресту «вражеских элементов» практически полностью совпадали с определёнными приказом № 0016, однако дополнились группой лиц,

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 2–6. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 11–14.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 253–255. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 14–16.

обозначенной чрезвычайно широко и неопределенно, – «активные члены национал-социалистской партии». Охрана лагерей и тюрем возлагалась на конвойные войска НКВД⁶³.

Наиболее важным аспектом данного приказа представляется то, что он фактически обозначил значимый поворотный момент в прежней практике арестов немецких граждан. Один из его пунктов гласил: «Прекратить отправку в СССР лиц, арестованных в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии. Установить, что вывоз в СССР отдельных арестованных, представляющих оперативный интерес, может быть произведён только с санкции НКВД СССР»⁶⁴. На деле это означало прекращение практики мобилизации арестованных в качестве рабочей силы и отправки их в СССР – вместо этого они должны были помещаться в лагеря и тюрьмы, организованные на территории будущей оккупационной зоны при уполномоченных НКВД по фронтам⁶⁵. Приказ НКВД СССР № 00461 о непосредственном их создании с приложениями сведений о дислокации и штатах лагерей был подписан Л.П. Берией уже 10 мая 1945 г.⁶⁶ Важно отметить, что лагеря не вошли в состав устоявшихся советских лагерных структур, – ни в ГУЛАГ, ни в ГУПВИ НКВД СССР, а были подчинены непосредственно уполномоченным НКВД по фронтам и комплектовались за счет находившихся в их распоряжении сотрудников и офицеров НКВД и офицеров фронтов Красной Армии (в первую очередь, из управления контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта). Несколько позднее, 4 июля 1945 г., согласно приказу НКВД СССР № 00780, аппараты уполномоченных фронтов были

⁶³ Управление конвойных войск с апреля 1942 г. входило в преобразованное Главное управление внутренних войск НКВД СССР. В январе 1947 г. ГУВВ и внутренние войска были переданы в ведение МГБ СССР (Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. акад. А.Н. Яковлева; авторы-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 78, 91).

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 19. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 16–18.

⁶⁵ Днем ранее, 17 апреля 1945 г., было принято соответствующее постановление Государственного комитета обороны № 8148сс (см.: Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 604).

⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 22–30. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 19–25.

расформированы и на должность уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии был назначен И.А. Серов⁶⁷. В его подчинение вошли лагеря и тюрьмы на территории СЗО. Поскольку И.А. Серов ранее, 6 июня 1945 г., был назначен также заместителем главноначальствующего СВАГ (тогда эту должность занимал маршал Г.К. Жуков) по делам гражданской администрации⁶⁸, спецлагеря оказались включены в своеобразную политическую систему. И.А. Серов, несмотря на высокую должность в СВАГ, в первую очередь выступал в Германии в качестве представителя НКВД, хотя формально и обязан был исполнять указания главноначальствующего СВАГ. Таким образом, и спецлагеря, находясь формально в составе структур СВАГ и зачастую именовавшиеся в документах «спецлагерями СВАГ», непосредственно подчинялись И.А. Серову как уполномоченному НКВД, который руководил ими через начальника Отдела спецлагерей. Сам же аппарат уполномоченного НКВД в Германии представляя собой особую, не встроенную в систему СВАГ структуру, подчиняясь своему руководству в Москве, а не главноначальствующему СВАГ. Такое неоднозначное положение спецлагерей, просуществовавшее вплоть до августа 1948 г. и отягощённое к тому же значительным усилением с 1946 г. позиций МГБ СССР на территории СЗО, в дальнейшем привело к возникновению существенных трудностей для их нормального функционирования. По всей видимости, это было не следствием какой-либо бюрократической путаницы, а результатом стремления И.А. Серова замаскировать их деятельность, как и работу оперативных групп НКВД, под органы военной администрации.

В свете приказа НКВД СССР № 00315 главным вопросом, часто дискутируемым в немецкой историографии, является следующий: почему же И.В. Сталин так скоро отказался от политики трудовой мобилизации немцев и стал реализовывать новое понимание практики интернирования, которое выражалось в том числе и в сознательном невключении сети спецлагерей в состав

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 39–41. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 28–30.

⁶⁸ Постановление СНК СССР № 1326/301 об организации Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии // Советская военная администрация в Германии. Справочник. С. 969.

ГУЛАГа и ГУПВИ? Возможно, это был результат чисто прагматических соображений. Ожидающееся обострение военной ситуации в связи с готовящейся Берлинской наступательной операцией, массовое взятие в плен солдат Вермахта, быстрый рост числа арестованных гражданских лиц на основании январского приказа НКВД СССР в марте и апреле 1945 г., в спешке производимый демонтаж промышленных предприятий на занятых Красной Армией территориях – всё свидетельствовало о том, что И.В. Сталин стремился предотвратить угрожавший территориям транспортный и продовольственный коллапс⁶⁹. Можно также предполагать, что трудовая мобилизация в тот период не соответствовала потребностям советской военной экономики. В упомянутой выше докладной записке Л.П. Берии И.В. Сталину от 17 апреля 1945 г. указывалось, что из числа арестованных в соответствии с приказом НКВД СССР № 0016 «для содержания в лагерях НКВД могут быть использованы на физических работах не более половины всего состава, так как остальную часть составляют старики и лица, непригодные к физическому труду»⁷⁰. И уже приказом № 00315 вывоз арестованных «в порядке очистки тылов действующих частей Красной Армии» был прекращён. Таким образом, можно было бы предположить, что отказ от их трудовой мобилизации был попыткой рационализировать до сих пор беспорядочное привлечение рабочей силы, чтобы избавить советскую лагерную систему от поступления непродуктивных, негодных для работы заключённых⁷¹. Но даже если это было и так, то приказ № 00315 служил этой цели лишь опосредованно, потому как освобождались, помимо стариков и инвалидов, лишь те нетрудоспособные лица, которые не считались опасными для советской оккупационной власти, то есть не относились к установленной данным приказом категории «вражеских элементов». Отбор немцев по трудоспособности (в том числе освобождение после проверки из-под стражи негодных к труду) и

⁶⁹ Из-за серьезных транспортных проблем в апреле 1945 г. перевозка немецких военнопленных в СССР была приостановлена: *Priess L. Deutsche Kriegsgefangene als Häftlinge in den Speziallagern des NKWD in der SBZ// Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 1. S. 251.*

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 254.

⁷¹ Впервые это мнение высказано в: *Possek R. Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland. S. 51.*

последующее направление тех из них, кто не был освобождён, в лагеря военнопленных на территории СССР, как можно понять из текста приказа, относился лишь к некоторым категориям арестованных, а именно: «командно-политический и рядовой состав армии противника, а также военизированные организации «Фольксштурм»⁷², СС⁷³, СА⁷⁴, а также личный состав тюрем, концлагерей, военных комендатур, органов военной прокуратуры и суда»⁷⁵. Однако уже с октября 1945 г., в соответствии с указанием начальника Отдела спецлагерей М.Е. Свиридова, спецлагеря стали принимать для долгосрочного содержания лиц, принадлежащих к указанным структурам⁷⁶.

В этой связи более обоснованным объяснением представляется, что отказ от трудовой мобилизации некоторой части арестованных на территории СЗО немцев мыслился И.В. Сталиным лишь как краткосрочная мера. При такой трактовке спецлагеря в известном смысле можно рассматривать как своего рода резервуар рабочей силы, который мог быть использован в случае необходимости. Это подтверждается, в частности, тем, что позднее, 26 декабря 1946 г., приказом МВД СССР № 001196, на основании постановления СМ СССР от 23 декабря того же года, было принято решение отобрать из спецлагерей и тюрем 27500 годных к физическому труду человек для использования их в СССР на предприятиях Министерства угольной промышленности восточных районов и Министерства строительства топливных предприятий. Этот контингент должен был заменить тех немецких военнопленных в СССР, которые, в свою очередь, освобождались из-за состояния здоровья, или вывозились из СССР в спецлагеря как подлежащие изоляции «по компрометирующим материалам»⁷⁷. Хотя в дальнейшем оказалось, что из контингента спецлагерей невозможно отобрать такое количество

⁷² «Фольксштурм» (нем. Volkssturm) – ополченческие формирования нацистской Германии во время Второй мировой войны.

⁷³ СС (нем. SS, Schutzstaffeln – охранные отряды) – привилегированная военизированная организация в нацистской Германии.

⁷⁴ СА (нем. SA - Sturm-Abteilung) – штурмовые отряды, позже – «штурмовая группа Гитлера».

⁷⁵ Специальные лагеря. С. 17.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 112.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 13. Л. 28–29.

работоспособных заключённых, сама идея использовать спецлагеря как источник рабочей силы важна для понимания того, с какой целью они были созданы.

§ 3.2. Развертывание и развитие сети спецлагерей (апрель – декабрь 1945 г.)

Процесс организации лагерей в соответствии с упомянутым приказом НКВД СССР № 00461 от 10 мая 1945 г. оказался не одномоментным и растянулся до конца года. Изначально приказом было определено организовать в полосе дислокаций 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов и 1-го и 4-го Украинских фронтов 15 лагерей, три лагеря-тюрьмы и 10 тюрем. С образованием в июне 1945 г. СВАГ и окончательным определением границ Советской зоны оккупации Германии, куда вошли земли Саксония, Тюрингия и три провинции – Бранденбург, Мекленбург и Саксония-Ангальт (они получили статус земель с 1947 г.), а также с образованием советского сектора Берлина начала развёртываться сеть спецлагерей на территории Восточной Германии.

В период с апреля и до конца лета 1945 г., когда лагерная сеть еще не приняла своей устойчивой формы, лагеря находились в том числе и на тех территориях, которые вскоре отошли от поверженной Германии к Польше. Этот начальный период истории спецлагерей хуже всего представлен в исследовательской литературе. Это связано, прежде всего, с тем, что в это время лагеря, получившие свою дислокацию в соответствии с приказом НКВД СССР № 00461 от 10 мая 1945 г., по большей части существовали недолго и быстро закрывались или передислоцировались. В документах Отдела спецлагерей этот процесс отражен очень фрагментарно. В этой связи все вопросы, связанные со спецлагерями, организованными на территориях, отошедших Польше, рассматриваются как отдельная исследовательская проблема, тем более что к осени 1945 г. все эти спецлагеря были переданы польским властям⁷⁸. Таким образом, эти «ранние» спецлагеря и тюрьмы не включаются в историю советских спецлагерей в Восточной Германии. Это представляется весьма обоснованным

⁷⁸ фон Плато А. Указ. соч. С. 269.

(хотя четкую границу в этом случае провести невозможно), так как в этот период не все созданные майским приказом лагеря и тюрьмы относились к ведению Отдела спецлагеря, еще находившегося в стадии своего формирования, а именовались лагерями при уполномоченных НКВД по фронтам (или прифронтовыми лагерями).

Согласно приказу НКВД СССР № 00461, в полосе действий 1-го Белорусского фронта формировались лагеря в городах Рембертув, Лодзь, Познань, Данциг, Краков, Шнайдемюль, Швибус, Ландсберг, Фюрстенвальде, Вернойхен⁷⁹. За исключением двух последних, эти города летом 1945 г. будут переданы Польше. Крупнейшим из этих лагерей был лагерь в Познани, упоминавшийся как лагерь НКВД № 1 и позже пополнивший контингенты некоторых спецлагерей в Германии⁸⁰. Остальные лагеря (кроме лагеря в Ландсберге) были вскоре закрыты⁸¹.

При уполномоченном по 2-му Белорусскому фронту были открыты тюрьма в г. Грауденц в Западной Пруссии, лагерь в г. Штатград и тюрьма в г. Голлнов в Западной Померании⁸². Достоверно известно, что тюрьма Грауденц функционировала как сборный пересыльный пункт для немецкого гражданского населения, переселяемого с бывших восточных территорий Германии. В феврале 1946 г. контингент этого лагеря пополнил спецлагерь в Советской зоне оккупации Германии⁸³.

Наконец, в полосе действия 1-го Украинского фронта были организованы тюрьмы-лагери в городах Тост, Оппельн (Верхняя Силезия) и Равич в Великой Польше⁸⁴. Лагеря в г. Тост и г. Оппельн просуществовали до ноября 1945 г., когда оставшиеся заключенные были вывезены в Грауденц⁸⁵.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 25.

⁸⁰ *Finn G. Die Speziallager der sowjetischen Besatzungsmacht 1945 bis 1950. S. 361, 363.*

⁸¹ *Ibid. S. 361.*

⁸² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 26.

⁸³ *Finn G. Op. cit. S. 362.*

⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 27.

⁸⁵ *Finn G. Op. cit. S. 362–363.*

Хотя деятельность указанных лагерей в полной мере не относится к истории спецлагерей (первоначально они находились в ведении командования фронтов), с них началось формирование лагерной сети НКВД в Восточной Германии, а их контингенты позже будут переданы в спецлагеря. Этот процесс завершился только к февралю 1946 г., когда около 7500 интернированных были переданы из лагеря в Ландсберге и тюрьмы в Грауденце⁸⁶.

Процесс формирования спецлагерей НКВД в Восточной Германии занял практически всю вторую половину 1945 г., когда Отделу спецлагерей передавались бывшие прифронтовые лагеря и тюрьмы или же открывались новые. Из справки начальника Отдела спецлагерей полковника М.Е. Свиридова, составленной 31 декабря 1945 г., следует, что на территории СЗО к тому времени функционировали 9 спецлагерей и 3 тюрьмы с общим количеством заключённых в 63839 человек. Правда, тюрьмы фактически не находились в ведении М.Е. Свиридова, а подчинялись либо непосредственно НКВД, либо использовались местными оперативными группами.

О распределении лагерей и тюрем на территории СЗО по состоянию на конец 1945 г. можно судить по следующей таблице (таблица 2)⁸⁷.

Таблица 2. Спецлагеря на территории СЗО

Земля/ провинция	Лагерь/ тюрьма	Количество заключенных (на 31.12.1945)	Период функцио- нирования	Дополнительно
Бранденбург	Спецлагерь № 5 Кетчендорф,	8092	18.04.1945 – 13.06.1947	Организован на территории бывшей

⁸⁶ *Possekel R. Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland. S. 60.*

⁸⁷ Общее описание структуры Отдела спецлагерей с указанием номеров приказов НКВД/МВД СССР об открытии и закрытии спецлагерей см. в: *Петров Н.В. Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии, 1945–1954. С. 96–98.* Отдельные даты уточнены по: *Кузнецова Г.А. Указ. соч. Данные о количестве заключенных взяты из: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 2.*

	г. Фюрстен- вальде Спецлагерь № 6 Ямлиц, г. Либерозе	3169	09.1945 – 13.06.1947	кабельной мастерской ⁸⁸
	Организован на территории бывшего одноименного нацистского лагеря ⁸⁹ , с мая по сентябрь 1945 г. располагался во Франкфурт-на- Одере			
	Спецлагерь № 7 Заксенхаузен в г. Ораниенбург (с 18.11.1948 переиме- нован в спецлагерь № 1)	11747	08.1945 – 15.03.1950	С мая до августа 1945 г. располагался в местечке Вернойхен, район Бернау, северо- западнее Берлина, с августа 1945 г. переехал на место бывшего нацистского концлагеря ⁹⁰

⁸⁸ *Morre J. Speziallager des NKWD. Sowjetische Internierungslager in Brandenburg 1945–1950. Potsdam, 1997. S. 43.*

⁸⁹ *Morre J. Op. cit. S. 33.*

⁹⁰ *Ibid. S. 63.*

	Тюрьма № 7 Франкфурт- на-Одере	588	09.1945 – 05.1946	С мая по сентябрь 1945 г. – спецлагерь № 6, тюрьма – с сентября 1945 г. В мае 1946 г. передислоциро- вана в г. Торгау в качестве лагеря ⁹¹
Оператив- ный сектор г. Берлина	Спецлагерь № 3 Хоэншён- хаузен	1797	05.1945 – 15.11.1946	Организован на территории бывшей фабрики и столовой нацистской организации «Народное благосостояние» ⁹²
	Тюрьма Лихтенберг	106	10.1945 – 05.1946	
Мекленбург	Спецлагерь № 9 Фюнфайхен под Нойбранден- бургом	8315	05.1945 – 18.11.1948	Организован в бывшем лагере военнопленных Вермахта ⁹³
	Тюрьма г.	455	05.1945 г. –	Передана в

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 62.

⁹² Totenbuch. Sowjetisches Speziallager Nr. 3 und Haftarbeitslager Berlin-Hohenschönhausen 1945–1949. Berlin, 2014. S. 7.

⁹³ Greiner B. Op. cit. S. 12.

	Штрелитц		31.10.1946	ведение Отдела спецлагерей от оперсектора НКВД земли Мекленбург 23.07.1945 ⁹⁴
Саксония	Спецлагерь № 4 Баутцен (с 18.11.1948 – спецлагерь № 3)	6265	06.1945 – 15.03.1950	Организован на базе тюрьмы НКВД (согласно донесению начальника тюрьмы С.И. Казакова М.Е. Свиридову от 7 августа 1945 г. ⁹⁵)
	Спецлагерь № 1 Мюльберг	10419	09.1945 – 26.07.1948	Организован в бывшем лагере для военнопленных Вермахта ⁹⁶ , до сентября 1945 г. располагался в г. Швибус ⁹⁷ (польское название – Свободзин)

⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 43.

⁹⁵ Там же. Л. 14.

⁹⁶ Greiner В. Op. cit. S. 11.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 21.

Саксония- Ангальт	Спецлагерь № 8 «Форт Цинна», г. Торгау	7285	07.09.1945 – 15.02.1947	Организован в бывшей нацистской тюрьме «Форт Цина», ранее – в г. Шнайдемюль ⁹⁸ . С марта 1946 г. лагерь располагался в казарме Зейдлиц ⁹⁹
Тюрингия	Спецлагерь № 2 Бухенвальд, г. Веймар	5601	20.08.1945 – 15.03.1950	Организован в бывшем нацистском концлагере ¹⁰⁰

Из приведенной таблицы видно, что наибольшая концентрация спецлагерей приходилась на землю Бранденбург. Очевидно, это объясняется компактностью территории, что значительно облегчало управление ими и переброску кадров. Именно там расположился самый крупный спецлагерь – Заксенхаузен, через который за пять лет прошло более 60 тысяч заключённых, погибло из них – более 12 тысяч¹⁰¹ (фотографии лагеря см. в *Приложениях 6 и 7*). Кроме того, спецлагеря создавались преимущественно на местах с готовой лагерной инфраструктурой – в бывших концлагерях и тюрьмах. По-видимому, это было определяющим фактором при выборе места размещения лагеря.

Приведённые в таблице спецлагеря и тюрьмы образовали к концу 1945 г. сеть специальных мест заключения в Восточной Германии, которая без

⁹⁸ 7 сентября 1945 г. начальник спецлагеря в г. Шнайдемюле Г.В. Лаврентьев доложил М.Е. Свиридову об открытии лагеря на территории бывшей тюрьмы в Торгау (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 18-19).

⁹⁹ Greiner B. Op. cit. S. 12.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 42.

¹⁰¹ Greiner B. Op. cit. S. 12.

существенных изменений просуществует до начала ликвидации спецлагерей в 1948 г. Единственное исключение: в мае 1946 г. в Торгау будет создан спецлагерь № 10 (второй лагерь в этом городе), принявший заключенных из ликвидированной тюрьмы во Франкфурте-на-Одере¹⁰².

В таблицу не включён уже упоминавшийся спецлагерь № 4 в городе Ландсберг-на-Варте. Он был также организован приказом НКВД СССР от 10 мая 1945 г. и оказался на территории, отторгнутой от Германии в пользу Польши (город Ландсберг был переименован в Гожув-Велькопольски). На основании предписания И.А. Серова от 17 декабря 1945 г. в январе 1946 г. лагерь был передислоцирован в СЗО¹⁰³. Большая часть заключённых – 5617 человек – была направлена в спецлагерь № 2 Бухенвальд, 212 человек – в спецлагерь № 8 в Торгау¹⁰⁴.

На начальном этапе главным документом, регламентирующим деятельность спецлагерей, было «Временное положение о спецлагерях НКВД на оккупированной территории Германии», утвержденное И.А. Серовым 27 июля 1945 г. Согласно положению, основной задачей лагерей, предназначенных для содержания арестованных в соответствии с приказом НКВД СССР № 00315, являлась «полная изоляция содержащихся в лагере контингентов от внешнего мира и недопущение побегов»¹⁰⁵. Арестованные принимались в лагерь на основании постановления об аресте и направления, утверждённого начальником оперативной группы НКВД или «СМЕРШ»¹⁰⁶. На тот момент это был единственный путь попадания в лагерь – арестованные указанными органами (а также НКГБ) помещались в лагерь без какого-либо судебного решения и составляли категорию т. н. «спецконтингента». То, как это происходило в 1945 – начале 1946 гг., выразительно описал в своем заявлении от 23 сентября 1946 г. на имя заместителя министра государственной безопасности Н.К. Ковальчука

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 62.

¹⁰³ ГА РФ. Ф.Р-9409. Оп.1. Д. 131. Л. 77.

¹⁰⁴ Там же. Л. 62.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 84.

¹⁰⁶ Там же. Л. 85.

заместитель начальника опергруппы МВД Эрфуртского округа К.А. Низов: «Главное направление в работе [опергрупп] было по изъятию фашистского актива – блокляйтеров¹⁰⁷ и выше, и оценка работы определялась количеством направленного в спецлагерь этого контингента. Началось своеобразное соревнование по направлению в спецлагерь, и первенство в этом занял начальник опергруппы г. Арнштадт капитан Сорокин (в настоящее время снят с работы за пьянство и развал). Впоследствии оказалось, что отдельные группы увеличивали свой счет по сдаче в спецлагерь и за счет покупки нач[альника] лагеря спиртными напитками. В этом отличался капитан Сорокин. И не случайно нач[альник] лагеря на одном из оперативных совещаний начальников опергрупп на поставленный ему вопрос, каким образом вы принимаете спецконтингент, нагло заявил: в зависимости от количества и качества присылаемого коньяка»¹⁰⁸. Крайне неопределенно и размыто сформулированные в соответствующем приказе НКВД критерии ареста немецкого гражданского населения, очевидно, способствовали проведению массовых арестов ради такого своеобразного «выполнения плана» по арестованным. Интересы чекистов и лагерного руководства, не желавшего допустить переполненность спецлагерей заключенными, уже на начальном этапе существенно расходились. Впоследствии эта дезорганизованность приведет к серьезным проблемам в функционировании спецлагерей, оказавшихся перегруженными поступаемым арестованным и осужденным контингентом при полной неопределенности его дальнейшей судьбы.

«Положение» не обязывало руководство лагерей организовывать работу для заключённых. В большинстве лагерей они действительно не были заняты на работах, что, при отсутствии какой-либо иной деятельности, полной изоляции (переписка и свидания были запрещены)¹⁰⁹ и при очень плохих бытовых условиях жизни в лагере, делало ещё невыносимей нахождение там при абсолютном

¹⁰⁷ Блокляйтер – руководитель низовой ячейки НСДАП на 40–60 домов (блок).

¹⁰⁸ Цит. по: *Петров Н.В.* Иван Серов – председатель КГБ. С. 486–487. Скорее всего, речь идет о ближайшем к Эрфуртскому округу спецлагере № 2 Бухенвальд, начальником которого в тот период был майор Ф.Я. Матусков.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 88.

неведении, сколько продлится это заключение. Такое положение дел сохранялось на протяжении всего времени существования спецлагерей. Так, в 1949 г. начальник санитарного отделения Отдела спецлагерей подполковник А.Л. Кац в своем отчете отмечал, что «на увеличение смертности в спецлагере № 2 имеет влияние подавленное психическое состояние спецконтингента, содержащегося в спецлагере 5-й год и не знающего, долго ли еще придется сидеть. Такое неопределенное положение спецконтингента, отражаясь на его психике, вызывает у отдельных лиц нежелание лечиться, скрывая свое заболевание, а отдельные выявленные больные отказываются в приеме лекарства. [...] Невовлечение в трудовые процессы всего контингента в спецлагере также является способствующим моментом к увеличению заболеваемости. Требуется в срочном порядке разрешить вопрос о трудовом использовании контингента спецлагерей»¹¹⁰.

Эти факты свидетельствуют о том, что спецлагеря по своей сути не были ни «концентрационными лагерями», предназначавшимися для запланированного и организованного уничтожения людей, ни трудовыми лагерями, ни лагерями для интернированных в чистом виде, так как интернирование подразумевает временное помещение под стражу, заключение или иное ограничение свободы, связанное с исключительными военными или кризисными условиями. В СЗО же исключительная ситуация использовалась как длительное состояние (вплоть до 1950 г.). Кроме того, поскольку позднее в лагеря стали поступать и осужденные судом немецкие и, в меньшем числе, советские граждане, определение их как лагерей для интернированных, которые существовали в западных зонах оккупации, является совершенно неправомерным. В известном смысле спецлагеря представляли собой такого рода особые места заключения, подобных которым не существовало в советской системе.

Граждане СССР, как было установлено в сентябре 1945 г., содержались исключительно в спецлагерях № 2, № 5 и № 6, отдельно от остального

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2844. Л. 90.

контингента¹¹¹, и оттуда отправлялись в СССР через тюрьму во Франкфурт-на-Одере и позднее через спецлагерь № 10 в г. Торгау.

Исходя из вышеизложенного, как можно охарактеризовать первый этап советской лагерной политики в СЗО? В первую очередь, принятие тех или иных решений не было следствием глубоко продуманной стратегии в отношении определения судьбы десятков тысяч арестованных, а скорее исходило из решения сиюминутных проблем, возникавших перед советской властью на занятых Красной Армией территориях поверженной Германии. Приказ НКВД СССР № 0016, предоставивший огромные возможности уполномоченным НКВД по фронтам для проведения массовых арестов, конечно, был нацелен на очищение тылов советских войск от любых возможных действий диверсионных и террористических групп противника в тылу. Однако, как уже было замечено исследователями, столь широкие и в известной степени неопределенные критерии ареста, конечно, не могли служить только подавлению немецкого сопротивления, это было нацелено и на борьбу с польским подпольем Армии Крайовой, которая началась ещё летом 1944 г., и на репрессирование собственных граждан, подозревавшихся в сотрудничестве с врагом в плену¹¹². Понимая невозможность отправки всех арестованных в СССР, И.В. Сталин в апреле 1945 г. пошёл на кардинальное изменение политики арестов на территории будущей СЗО, приняв решение сформировать лагеря и тюрьмы для содержания арестованных на месте, не исключая, конечно, возможность их дальнейшего использования в качестве рабочей силы. Очевидно, политические соображения о наказании нацистских преступников отходили на второй план, так как никакой реальной проверки активной деятельности арестованных в нацистских карательных организациях и причастности к совершению военных преступлений органы НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» не проводили. Такой образ действий трагическим образом сказывался на судьбе попавших под действие приказа людей. В период с января по апрель

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 492. Л. 32. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 49.

¹¹² *Possekel R. Stalins Pragmatismus: Die Internierungen in der SBZ als Produkt Sowjetischer Herrschaftstechniken (1945-1950) // Speziallager in der SBZ. Gedenkstätten mit "doppelter Vergangenheit". S. 156.*

1945 г. любой арестованный по подозрению в принадлежности «фашистской организации» мог быть отправлен на принудительные работы в СССР. Когда же апрельским приказом № 00315 категории предназначенных к аресту лиц были несколько упорядочены, рассчитывать на освобождение могли только признанные нетрудоспособными.

Что касается непосредственно организации спецлагерей и тюрем, фактически этот процесс завершился только к концу 1945 г. Это было связано в том числе и с тем, что после Потсдамской конференции стран-победительниц, прошедшей в июле – августе 1945 г. и определившей восточную границу послевоенной Германии, лагеря, изначально в соответствии с приказом НКВД СССР от 10 мая 1945 г. находившиеся и восточнее линии Одер-Нейсе, перемещались западнее неё, на территорию СЗО. Тогда Отдел и сами лагеря получили организационную схему, которая просуществует и в дальнейшем. Тогда же обозначились и те проблемы существования спецлагерей, которые обнажили неэффективность их работы, что, в конце концов, как будет показано далее, станет одной из причин их упразднения.

§ 3.3. Спецлагеря в 1946–1947 гг.: организационные изменения и кризисные проявления

К началу 1946 г. советская лагерная система в Восточной Германии работала на полную мощность. Именно тогда численность заключённых приблизилась к своему максимальному показателю за все годы. По состоянию на февраль, как докладывал И.А. Серов наркомому внутренних дел СССР С.Н. Круглову, в лагерях и тюрьмах на территории СЗО содержалось 74088 арестованных, из них немцев – 66720 человек, поляков – 1848 человек, русских – 2350 человек, представителей других национальностей СССР – 3710 человек. При этом более 63% арестованных немцев относились к категории «руководящие и активные члены НСДАП» (эта широко определённая категория долгое время будет составлять большинство заключённых), более 15% – сотрудники «немецких

карательных органов» (гестапо, СД), остальные – «шпионско-диверсионная немецкая агентура», руководящие сотрудники административных органов, нацистских печатных изданий, молодежных организаций, участники групп «Верфольф» и других подпольных формирований¹¹³. Максимальное число заключённых – более 80000 человек – зафиксировано в декабре 1946 г. в докладной записке, направленной главноначальствующим СВАГ маршалом В.Д. Соколовским и И.А. Серовым И.В. Сталину и Л.П. Берии¹¹⁴. В справке, подготовленной в октябре 1946 г. М.Е. Свиридовым, приведён возрастной состав заключённых, что довольно редко можно встретить в документах такого рода: более 57% составляли лица от 45 лет и старше, около 24% – от 35 до 45 лет, остальные – до 35 лет¹¹⁵.

Уже тогда, в первый год существования спецлагерей, их руководство столкнулось с тем, что в лагеря приходилось принимать те категории арестованных, которые, согласно приказу НКВД СССР № 00315, должны были направляться в лагеря для военнопленных, – это командно-политический состав немецкой армии, нацистских военизированных организаций, личный состав тюрем и лагерей. Приказом НКВД СССР № 001538 от 26 декабря 1945 г. указанные категории арестованных должны были направляться в лагерь НКВД для военнопленных, организованный для этого в бывшем приёмно-пересыльном пункте 3-го Белорусского фронта, однако это относилось лишь к арестованным в Восточной Пруссии¹¹⁶. Что касается СЗО, как уже отмечалось, с октября 1945 г. вопреки приказу № 00315, указанные категории принимались в спецлагеря. В 1946 г. это были, в основном, бывшие офицеры Вермахта, которые были выпущены в начале года из тюрем западных союзников. При переходе границы и при возвращении к себе домой на территорию Восточной Германии они

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2410. Л. 335-336. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 51–52.

¹¹⁴ Специальные лагеря. С. 143–144.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 52. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 52–53.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 42–42об. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 50–51.

немедленно арестовывались советскими спецслужбами. По свидетельствам современников на Западе, речь шла в общей сложности о 40000 офицеров (оценка, оказавшаяся, впрочем, в разы завышенной), которых, как писала в ноябре 1947 г. газета «Штутгартер Цайтунг», обвиняли в шпионаже в пользу Запада. Более-менее точно известно, что около 5800 человек из этой категории были помещены в спецлагерь № 7 Заксенхаузен, из них около 4700 человек осенью 1946 г. было депортировано в лагеря для военнопленных в СССР¹¹⁷. В августе 1946 г. указанием С.Н. Круглова предписывалось освободить 4662 человека рядового и унтер-офицерского состава военизированных фашистских организаций¹¹⁸, а 15 октября того же года приказом М.Е. Свиридова приостанавливался приём в спецлагеря этих категорий арестованных, если их деятельность не попадала под действие приказа № 00315¹¹⁹. В указании М.Е. Свиридова начальникам спецлагерей от 28 октября 1946 г. было уточнено, что освобождению подлежат все негодные к физическому труду военнопленные немцы, со званием, приравненным к капитану включительно, а также лица, занимавшие офицерские должности в военизированных нацистских организациях, но не имеющие офицерских званий. Военнопленные со званием офицера от майора и выше направлялись в лагеря для военнопленных¹²⁰.

Тот факт, что в течение года сохранялась некоторая неопределенность в вопросе содержания военнопленных в спецлагерях, показателен в том смысле, что он свидетельствует об отсутствии явной связи между самим существованием спецлагерей и проведением денацификации Германии и о приоритетности для И.В. Сталина мобилизации рабочей силы. Военно-политический, офицерский и рядовой состав СС и СА был изначально выведен из-под действия приказа № 00315 и был определен не для содержания в спецлагерях, а для отправки в лагеря военнопленных в СССР. В спецлагеря могли попасть лишь те из них,

¹¹⁷ Priess L. Das Speziallager des NKWD Nr. 1 Sachsenhausen // Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 1. S. 399. Существует также другая оценка числа депортированных – 6500 человек (см.: Sowjetisches Speziallager Nr. 7/ Nr. 1 in Sachsenhausen. S. 243).

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 21.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 9.

¹²⁰ Там же. Л. 23–24.

которые по своей «вражеской деятельности» попадали под первый пункт приказа. Так как в действительности на этом этапе никаких следственных действий в отношении арестованных сотрудников нацистских военизированных организаций не проводилось, их отправление на работы в СССР или же пребывание в спецлагерях определялось, в первую очередь, их физическим состоянием и трудоспособностью. Характерную запись оставил начальник учетного отделения Отдела спецлагерей И.Л. Скворцов на выписке из приказа МВД СССР № 00601 (от сентября 1946 г.) об освобождении из спецлагерей нетрудоспособных немецких военнопленных рядового и унтер-офицерского состава: «Где узнать, кто относится к офицерам «СС», «СА», «СД» и гестапо?»¹²¹. Это говорит о том, что, по всей вероятности, у самого руководства Отдела спецлагерей не было точных данных о содержащемся в лагерях контингенте.

Ещё одной существенной проблемой в работе спецлагерей в 1946 г. стало всё возрастающее число арестованных нацистов среднего и низшего звена. Никакой действительной проверки того, что арестованный был «активным членом НСДАП», как правило, не производилось. Как писал специально исследовавший этот вопрос Р. Поссекель, недостаточно продуманная в Москве данная формулировка «практически возложила на местных уполномоченных НКВД решать задачу самим, что конкретно под этим понимать. Поскольку не было точных указаний, они, на всякий случай, интерпретировали эти предписания очень широко: лидеры [НСДАП] – это все партийные деятели. Но в их поисках опергруппы наталкивались прежде всего на руководителей низших подразделений партии – на блокляйтеров и целенляйтеров»¹²². Действительно, только в январе 1946 г. М.Е. Свиридов, ссылаясь на указание И.А. Серова, дал распоряжение всем начальникам тюрем и лагерей прекратить приём блокляйтеров и целленляйтеров¹²³. Однако никакого решения об освобождении хотя бы части из

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 9.

¹²² *Поссекель Р.* Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 // Специальные лагеря. С. 297. Целенляйтер – руководитель ячейки НСДАП, состоявшей из 4-8 блоков.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 130. Л. 11.

них так и не было принято. В упомянутой докладной записке от декабря 1946 г. В.Д. Соколовский и И.А. Серов предлагали И.В. Сталину освободить из спецлагерей рядовых и даже некоторых руководящих членов НСДАП, на которых нет никаких материалов, свидетельствующих об их антисоветской деятельности. Более того, они ссылались на принятую 12 октября того же года директиву № 38 Союзного Контрольного Совета «Арест и наказание военных преступников, нацистов и милитаристов; интернирование, контроль и надзор за потенциально опасными немцами», согласно которой указанные категории заключённых относились к второстепенным немецким преступникам¹²⁴. Для них предусматривалось пребывание на свободе с испытательным сроком от двух до трёх лет. Было также указано на то, что в союзнических зонах оккупации категория «второстепенных преступников» не подвергалась аресту и раньше. В.Д. Соколовский и И.А. Серов писали, что «содержать в лагерях эту категорию заключённых и бесцельно кормить нет необходимости»¹²⁵.

Есть все основания полагать, что именно в этой формулировке отражена главная причина такого предложения в адрес И.В. Сталина. Осенью 1946 г. произошло событие, которое оказало существенное влияние на всю дальнейшую историю спецлагерей. В середине октября И.А. Серов направил на имя заместителя председателя Совета министров СССР Л.П. Берии докладную записку о необходимости снижения норм снабжения руководящего состава СВАГ, об излишках продовольствия в Германии и его вывозе в СССР (фрагмент документа с пометами И.В. Сталина см. в *Приложении 8*). И.А. Серов отмечал не только «чрезмерные» нормы снабжения советских офицеров и сотрудников СВАГ в СЗО, которые было бы целесообразно сократить, за счёт чего отправить дополнительное продовольствие в СССР, но и предлагал утвердить нормы снабжения немецкого населения, по которым большинство немцев питалось бы по карточкам четвёртой категории, то есть по самым низким нормам. И.А. Серов

¹²⁴ Сборник № 5 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии за время с 1 октября по 31 декабря 1946 г. Берлин, 1947. С. 32.

¹²⁵ Специальные лагеря. С. 144.

не поддержал просьбу ЦК СЕПГ перевести всех немцев, получающих карточки указанной категории, на третью категорию, так как «это потребует больших расходов хлебных ресурсов»¹²⁶. Косвенным следствием этих предложений, не касающихся напрямую спецлагерей и одобренных в ноябре И. В. Сталиным¹²⁷, стало то, что 31 октября И.А. Серовым были утверждены новые нормы довольствия заключённых. Однако изменение норм в сторону сокращения было не результатом их пересмотра, а следствием перевода заключённых на нормы питания гражданского населения СВАГ. То есть, если раньше заключённые спецлагерей снабжались как военнопленные по линии Управления военного снабжения НКВД и ГУПВИ, то теперь – по линии Управления торговли и снабжения СВАГ. Естественно, для заключённых снижение норм питания было чрезвычайно ощутимым, так как, в отличие от своих соотечественников на свободе, на тот момент у них не было никакой возможности изыскивать дополнительное питание помимо получаемого в лагере.

Сравнение суточных норм (в граммах), утверждённых 31 октября 1946 г., по основным продуктам питания с теми, что существовали ранее, представлено в таблице 3¹²⁸.

Таблица 3. Нормы довольствия заключённых спецлагерей

Продукты питания	Нормы довольствия от 09.06.1946 (грамм в сутки)	Нормы довольствия от 31.10.1946 (работающие/неработающие заключённые)
Хлеб чёрный	600	400/300
Крупа-мука	90	35/35
Картофель	600	400/400
Мясо	30	20/20

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 732. Л. 53.

¹²⁷ Записка И. В. Сталина А.А. Жданову, Н.А. Вознесенскому, Н.А. Булганину и др. от 3 ноября 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 102. Л. 6.

¹²⁸ Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 278. Л. 9–9об, 30.

Рыба	100	20/20
Овощи	320	200/200

Как видно из вышеприведенных данных, нормы питания были радикально снижены. Это касалось не только мяса и рыбы, но всего рациона питания. Особенно серьёзный удар по здоровью заключённых оказало уменьшение ежедневной нормы хлеба – главного продукта в лагере и единственного, который выдавался относительно регулярно. Несколько более высокие нормы довольствия у работающего контингента не влияли существенно на ситуацию. Хотя по положению о спецлагерях работа в них заключённых не предусматривалась, некоторая часть контингента была занята в различных подсобных работах лагеря. В служебных документах внутренних войск НКВД/МВД/МГБ в Германии, осуществлявших конвоирование заключённых в пределах СЗО, можно встретить, например, упоминания о выводе заключённых на работы по разгрузке угля¹²⁹, кирпичей¹³⁰, работе заключённых в слесарных и авторемонтных мастерских в спецлагере Заксенхаузен¹³¹. В сводном докладе об охраняемых объектах 38-м стрелковым полком МВД в июне 1946 г. специально отмечалось, что в Лихтенбергской и Штрелитцкой тюрьме заключённые к работам не привлекаются, в спецлагере № 3 в Берлине в авторемонтных мастерских, расположенных рядом с лагерем, работают только содержащиеся там вместе со спецконтингентом военнопленные, а в лагерях Нойбранденбург и Заксенхаузен «в основном весь контингент» привлекается для различного рода хозяйственных работ на территории лагеря¹³². Однако фрагментарность этих сведений в источниках и отсутствие четкого регулирования вывода на работу заключённых свидетельствует в пользу того, что это была не очень распространенная практика, ограничивавшаяся, в основном, подсобными работами на территории самого лагеря, что не было связано с необходимостью конвоирования и охраны

¹²⁹ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 70. Л. 179.

¹³⁰ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 68. Л. 37об.

¹³¹ Там же. Л. 7; РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 64б. Л. 362.

¹³² РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 55. Л. 289–290.

заклѹченнѹх за его пределами. В этой связи установление несколько большей нормы для работающего контингента в целом не меняло положение дел с питанием заклѹченнѹх в лучшую сторону.

Результат предложенного И.А. Серовым изменения не заставил себя ждать: снижение норм, сопровождаемое чрезвычайно холодной зимой 1946/1947 г. привело к массовой гибели заклѹченнѹх. По расчѹтам исследователей, своего пика смертность в лагерях достигла в феврале 1947 г., когда за месяц в лагерях погибло 4156 человек. Уровень смертности возрос с обычных 5% до 10% от всех заклѹченнѹх – в два раза¹³³. В служебных документах внутренних войск МВД в Восточной Германии на ноябрь 1946 г. есть даже упоминания о массовом недовольстве контингента снижением норм довольствия и возможности в связи с этим подготовки массовых побегов¹³⁴.

Когда в связи с упоминавшимся выше приказом МВД СССР № 001196 о вывозе из спецлагерей 27500 человек на работы в СССР в лагерях, согласно указанию М.Е. Свиридова¹³⁵, стали проводить отбор трудоспособных заклѹченнѹх, выяснилось, например, что в спецлагере № 1 из 2200 предусматриваемым к отправке в СССР заклѹченнѹх (всего в лагере на конец января находилось около 12347 человек) годны к физическому труду только 833 человека¹³⁶, в спецлагере № 5 – 318 из отобранных 2030 заклѹченнѹх¹³⁷. Как докладывали С.Н. Круглову в августе 1947 г. новый начальник Отдела спецлагерей полковник Н.Т. Цикляев и начальник Управления внутренних дел СВАГ П.М. Мальков, только за три первых месяца 1947 г. умерло 9424 заклѹченнѹх. Основная причина смерти – дистрофия¹³⁸. Нормы питания

¹³³ *Jeske N. Versorgung, Krankheit, Tod in den Speziallagern. S. 207.*

¹³⁴ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 53. Л. 338.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 146. Л. 4–4а.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 299. Л. 34.

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 150. Л. 11.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 247. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 65–69.

заклѹченнѹх так и не вернутѹся к уровню, существовавшему до октября 1946 г., даже после их небольшого повышения в октябре 1948 г.¹³⁹

Немецкѹй историк Р. Поссекель, подробно рассмотревшѹй сѹжет о радикальном снижении норм питания заклѹченнѹх, отмечал, что «Серов должен был знать, что такая норма, даже если она выполнялась, через определенное время означала для заклѹченнѹх голодную смерть»¹⁴⁰. Поэтому представляется очевидным, что И.А. Серов и В.Д. Соколовскѹй, обращаясь к И.В. Сталину с предложением об освобождении части заклѹченнѹх, рассчитывали на положительное решение, что позволило бы значительно разгрузить спецлагеря и существенно снизить уровень смертности. Непосредственной ответ И. В. Сталина на записку И.А. Серова и В.Д. Соколовского неизвестен, однако принятие приказа № 001196, совершенно не учитывающѹщего реальное положение дел в спецлагерях и плачевное физическое состояние заклѹченнѹх, свидетельствовало о том, что И.В. Сталин эту идею не поддержал и вместо этого принял решение использовать спецлагеря в качестве источника рабочей силы – то, от чего советское руководство временно отказалось в апреле 1945 г. Достоверно неизвестно, на основании каких расчѹтов в приказе возникла цифра в 27500 подлежащих отправке в СССР человек. Очевидно, такое количество было необходимо, чтобы заменить ими подлежащих отправке обратно в Германию нетрудоспособных и больных военнопленных, этапированных в СССР ранее. Однако замысел этого приказа оказался абсолютно нереализуем. После катастрофического роста смертности зимой 1946/1947 гг. руководство Отдела спецлагерей из намеченных 27500 человек смогло отобрать лишь 5232 заклѹченнѹх (к февралю 1947 г.)¹⁴¹.

Столь ощутимые последствия снижения норм питания в лагерях и фактический провал попытки трудовой мобилизации контингента стали одной из причин существенного поворота в советской лагерной политике в Восточной Германии, произошедшего, однако, только в следующем, 1948 году. До этого

¹³⁹ Тогда были утверждены новые нормы снабжения контингента спецлагерей. См.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 128.

¹⁴⁰ *Поссекель Р.* Указ. соч. С. 300.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 133. Л. 41.

момента десятки тысяч заключённых спецлагерей не могли рассчитывать на изменения в своей судьбе, несмотря на то, что на территории СЗО формально процесс денацификации перешёл в следующую стадию. 16 августа 1947 г. был издан приказ главноначальствующего СВАГ № 201¹⁴², согласно которому бывшим нацистам было предоставлено не только активное, но и пассивное избирательное право, а также право участвовать в активной работе по восстановлению мирной жизни в Германии. Однако этот приказ никак не затрагивал содержащихся в спецлагерях бывших членов НСДАП¹⁴³.

В рассматриваемый период, в 1946–1947 гг., также произошли некоторые изменения в общей организации работы спецлагерей. Во-первых, следует отметить, что вплоть до принятия нового положения о спецлагерях в октябре 1946 г. (тоже только «временного»)¹⁴⁴, по которому они будут работать до конца своего существования, с формальной точки зрения они были спецлагерями при уполномоченном НКВД СССР в Германии. В августе 1946 г. произошла серьёзная реорганизация работы советских спецслужб в Германии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 г. в МГБ СССР сосредотачивалась вся «оперативно-чекистская и следственная работа» в СЗО, а за МВД осталось управление тюрьмами и спецлагерями¹⁴⁵. После этого в новом «временном положении» появилась формулировка «спецлагеря МВД СССР на территории Германии». И.А. Серов, правда, осуществлял руководство ими в качестве уполномоченного МВД в Германии до февраля 1947 г., когда эта должность перестала существовать. С этого времени в документах они именовались «спецлагеря СВАГ», что отражало их подчинённость И.А. Серову как заместителю главноначальствующего СВАГ. Однако это не было закреплено официальными решениями. Поэтому неопределённость подчинения спецлагерей

¹⁴² Текст приказа см. в: За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945–1949 гг. М., 1969. С. 421–423.

¹⁴³ Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995. С. 99.

¹⁴⁴ Текст положения см.: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 140. Л. 17–24 (опубликовано в: Специальные лагеря. С. 73–77).

¹⁴⁵ Петров Н.В., Фойтцик Я. Указ. соч. С. 13.

продолжала существовать. В вышеупомянутой докладной записке П.М. Малькова и Н.Т. Цикляева С.Н. Круглову констатировалось, что спецлагеря не входят в систему СВАГ, «также отсутствует оперативное руководство и со стороны Управлений МВД СССР – ГУЛАГа, Тюремного управления. Такое положение отрицательно сказывается в работе, так как никто Отдел спецлагерей не контролирует и не оказывает помощи»¹⁴⁶.

К ноябрю 1946 г. был расформирован спецлагерь № 3 Берлин-Хоэншёнхаузен. Это решение было инициировано военным комендантом советского сектора оккупации Берлина генерал-майором А.Г. Котиковым. В своём обращении к В.Д. Соколовскому в сентябре 1946 г. он так сформулировал одну из причин необходимости ликвидации этого лагеря: «Кладбище лагеря расположено вблизи лагеря и никем не охраняется. Мимо лагеря и кладбища свободно проходят немцы и могут заходить на кладбище как днем, так и ночью. На кладбище беспорядочно зарыто несколько сот трупов, при этом часть из них зарыто в воронках и разных ямах. При таком положении деятельность лагеря может стать широко известной не только жителям Берлина, но и другим государствам»¹⁴⁷. Как окажется впоследствии, боязнь советского руководства того, что информация о существовании спецлагерей распространится на Западе и подорвёт пропагандируемый образ строительства демократического антифашистского государства в Восточной Германии, станет одной из причин расформирования спецлагерей. Но даже тогда факт их существования не удавалось полностью скрыть. Так, ещё в марте 1946 г. политический советник при главноначальствующем СВАГ В.С. Семенов сообщал И.А. Серову, что в английских газетах появились сообщения о том, что «концентрационные лагеря Заксенхаузен и Бухенвальд и некоторые другие снова превращены в места пребывания политических заключённых, главным образом, из оппозиционных социал-демократов»¹⁴⁸. Невозможно было это скрыть и от восточногерманской

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 247. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 65–69.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 28.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 131. Л. 62.

общественности. Во всяком случае, можно утверждать, что руководство Коммунистической партии Германии было в курсе о существовании некоторых спецлагерей. Известно, что секретарь КПГ Вильгельм Пик по крайней мере один раз посещал спецлагерь № 4 в Баутцене в августе 1946 г. Об этом М.Е. Свиридов докладывал И.А. Серову в специальном сообщении, где писал, что Вильгельм Пик вместе с бургомистром Баутцена осмотрел камеру, где содержался известный немецкий коммунист Эрнст Тельман. Любопытно, какие вопросы задавали высокие гости: «1. Сколько народа в тюрьме? Ответа не поступило. 2. Имеются ли здесь только политические или также уголовные? Ответ – только политические. 3. Сколько больных имеется в больнице? Ответ – немного. Кроме того, в коридоре больницы врачу из спецконтингента с их стороны был задан вопрос: «Хорошо ли с Вами обращаются?», последовал ответ – «Да, хорошо»¹⁴⁹. Конечно, в дальнейшем по поводу спецлагерей всё чаще появлялись сообщения в западной прессе, а опровергать их было всё сложнее.

Помимо спецлагеря в Берлине, в ноябре 1946 г. была ликвидирована Штрелитцкая тюрьма. Там содержались осужденные советскими военными трибуналами немцы – новая категория заключённых, появившаяся в спецлагерях в мае 1946 г. Из Штрелитца они были переведены в отдельную зону тюрьмы спецлагеря Заксенхаузен¹⁵⁰. В это же время по инициативе М.Е. Свиридова Лихтенбергская тюрьма в Берлине, содержащая, помимо осуждённых немцев, и граждан СССР¹⁵¹, была передана оперсектору МГБ Берлина и стала его внутренней тюрьмой¹⁵². С января 1947 г. было прекращено направление советских граждан в спецлагерь № 5 (теперь они должны были направляться только в спецлагерь Заксенхаузен)¹⁵³. В феврале 1947 г. по инициативе М.Е. Свиридова и с одобрения И.А. Серова был расформирован лагерь № 8 в Торгау¹⁵⁴. В июне

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 131. Л. 13–14.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 31.

¹⁵¹ По распоряжению И.А. Серова с 30 января 1946 г. все осуждённые граждане СССР до этапирования на родину содержались также в спецлагере Баутцен и во Франкфуртской тюрьме (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 47. Л. 59).

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 33.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 388. Л. 1.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 132. Л. 26.

1947 г., также с разрешения И.А. Серова, были закрыты лагеря № 6 Ямлиц под Либерозе¹⁵⁵ и № 5 Кетчендорф¹⁵⁶. Таким образом, к середине 1947 г. оставались функционировать шесть спецлагерей из изначальных десяти с заключёнными в количестве 60354 человека (на 1 августа 1947 г.). Одновременно же все десять лагерей работали только с мая по ноябрь 1946 г., т. е. после создания второго лагеря в Торгау и до закрытия лагеря в Берлине.

В каком состоянии спецлагеря были накануне больших перемен, к 1948 году? Во-первых, после решения вопроса с военнопленными, окончательно определился их характер как особых специализированных мест заключения, где содержались теперь две основные категории заключённых, – интернированные и осуждённые советскими военными трибуналами, составлявшие меньшую часть всего контингента. Во-вторых, к указанному периоду стал очевиден провал попытки возобновления трудовой мобилизации заключённых спецлагерей. Спецлагеря обнаружили свою полную несостоятельность в качестве мест сохранения рабочей силы из числа немецких заключенных. Это свидетельствовало о том, что лагерная политика в основном определялась ситуативными соображениями целесообразности и цену за это и за низкую степень эффективности управления лагерями, не имевшими чёткой институциональной принадлежности, платили заключённые – своим здоровьем и своими жизнями. Самый общий анализ основных решений высшего руководства СССР, касавшихся спецлагерей и жизни содержащихся заключённых, в известной степени подтверждает мысль об «умышленном отказе от любого планирования»¹⁵⁷ в отношении лагерной политики в Германии. И эта приверженность со стороны советского руководства политической конъюнктуре, а не продуманной программе действий (фактически отсутствовавшей), и озабоченность состоянием общественного мнения о себе проявились уже в 1947 г., когда судьба спецлагерей в контексте будущего Восточной Германии была ещё неочевидна. Обозначилась тенденция закрытия одних спецлагерей для

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 133. Л. 62.

¹⁵⁶ Там же. Л. 41.

¹⁵⁷ Greiner B. Op. cit. S. 463.

улучшения состояния и большей компактности других. И хотя это не устраняло главных недостатков в их работе, и контингент продолжал находиться в крайне тяжелом физическом и моральном положении, сама неустойчивость созданной к концу 1945 г. лагерной сети весьма показательна. В связи с этим, а также с тем, что к концу третьего года существования спецлагеря не имели определенных инструкций в своей работе и продолжали испытывать хронический дефицит в количестве и качестве служащих там солдат и офицеров, лишь небольшая часть из которых были кадровыми офицерами МВД СССР, неизбежность перестройки их деятельности в том или ином виде стала очевидной.

Обострившийся к 1948 г. «германский вопрос» внесет свои коррективы в процесс последующей трансформации системы спецлагерей и, как будет показано дальше, во многом определит масштаб и характер этих изменений, которые, в конечном итоге, приведут к её ликвидации.

ГЛАВА 4. ЛИКВИДАЦИЯ СПЕЦЛАГЕРЕЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД И ИТОГИ (1948–1950 ГГ.)

§ 4.1. Освобождение спецконтингента в 1948 г. Комиссия Н.К. Ковальчука

1948 год стал поворотным как для всей советской политики в Германии, так и в истории спецлагерей. Именно тогда, в условиях обострения отношений СССР с бывшими западными союзниками и начала первого крупного кризиса холодной войны – Берлинского кризиса 1948–1949 гг. – произошли серьёзные изменения в работе спецлагерей, фактически положившие начало процессу их ликвидации, завершившемуся только к марту 1950 г.

Как можно установить по доступным источникам, впервые вопрос о судьбе спецлагерей на высоком политическом уровне был поставлен в апреле 1947 г. Тогда председатель СЕПГ Вильгельм Пик в беседе с главноначальствующим СВАГ маршалом В.Д. Соколовским выразил беспокойство «о кампании, которую ведёт иностранная печать по поводу создания концентрационных лагерей (якобы созданы два новых лагеря под Берлином)», а также указал на необходимость «сообщать о причинах арестов»¹⁵⁸. Следствием этой беседы стало то, что проблемами, возникшими из-за проникновения информации о спецлагерях в западную прессу, занялся МИД СССР. Уже в июне того же 1947 г., после того, как первый заместитель В.Д. Соколовского генерал-лейтенант М.И. Дратвин и заместитель политического советника при главноначальствующем СВАГ Н.В. Иванов подтвердили в ответе на запрос заместителя министра иностранных дел Я.А. Малика факт содержания заключенных в бывшем нацистском концлагере Бухенвальд¹⁵⁹, заведующий Третьим Европейским отделом МИД СССР А.А. Смирнов, в свою очередь, доложил об этом В. М. Молотову¹⁶⁰. То, что

¹⁵⁸ Запись беседы В.Д. Соколовского с руководителями СЕПГ. 25 апреля 1947 г. // СССР и германский вопрос. С. 371.

¹⁵⁹ СССР и германский вопрос. С. 745–746.

¹⁶⁰ СССР и германский вопрос. С. 411–412. Копия этой докладной записки также была послана заместителю В.М. Молотова А.Я. Вышинскому. См.: АВП РФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 148. Д. 27. Л. 26.

в бывших нацистских лагерях Бухенвальд и Заксенхаузен содержатся арестованные немецкие граждане, по его словам, породило «антисоветскую кампанию» в иностранной прессе. А.А. Смирнов предлагал решить проблему следующим образом: обязать МВД СССР перевезти заключенных оттуда в другие лагеря, то есть закрыть лишь те спецлагеря, сам факт использования которых советской оккупационной властью в Германии существенно подрывал репутацию СССР на Западе.

Видимо, на тот момент руководство МИД СССР практически не представляло себе масштаб развёрнутой лагерной сети, если полагало, что закрытие двух лагерей может остановить проникновение информации о советских спецлагерях на Запад¹⁶¹, – а именно это вызывало наибольшее беспокойство. Информацию о работе спецлагерей МИД СССР получал в основном только от руководства СВАГ. Так, в сентябре 1947 г., в ответ на запрос заместителя политсоветника СВАГ М.Г. Грибанова (Управление политсоветника было подчинено МИД СССР и занималось вопросами отношений с западными державами и работой Союзного Контрольного Совета)¹⁶² начальник управления внутренних дел СВАГ генерал-майор П.М. Мальков писал о том, что информация о существовании в советской зоне «концентрационных лагерей» является вымышленной, хотя и не отрицал наличие «нескольких лагерей», в которых содержатся «арестованные нацисты». Также П.М. Мальков отрицал факт этапирования заключенных из спецлагерей на восток¹⁶³, хотя к этому времени уже более 30 тысяч немцев и граждан СССР было отправлено из спецлагерей в лагеря, дислоцируемые на территории СССР¹⁶⁴.

В целом же взаимодействие МИД СССР с руководством СВАГ и МВД СССР по поводу закрытия лагерей Бухенвальд и Заксенхаузен было

¹⁶¹ В действительности, на 1 августа 1947 г. в шести спецлагерях содержалось 60354 заключённых, из них немцы составляли подавляющее большинство (58679 чел.). См.: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 243. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 65–69.

¹⁶² *Перьков М.А.* Политический советник при Главноначальствующем СВАГ // Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник. С. 585.

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 0457а. Оп. 4. П. 13. Д. 19. Л. 105.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4152. Л. 242.

безрезультатным. Как информировал заместителя министра иностранных дел А.Я. Вышинского заместитель А.А. Смирнова П.Д. Орлов 21 августа 1947 г. в докладной записке «По вопросу о лагерях Бухенвальд и Заксенхаузен», И.А. Серов сообщил последнему устно, что «МВД не может освободить вышеназванные лагеря из-за невозможности расселения содержащихся в них арестованных немцев по другим лагерям. Строить же новые лагеря¹⁶⁵ нецелесообразно». А.Я. Вышинский согласился с предложением П.Д. Орлова не предпринимать никаких мер в отношении этих лагерей¹⁶⁶. Можно было бы ожидать, что И.А. Серовым, первым заместителем министра внутренних дел, отвечавшим в МВД за работу спецлагерей в Германии, была поставлена точка в этом вопросе и, по-видимому, больше закрытие Бухенвальда и Заксенхаузена на уровне МИД и МВД СССР не обсуждалось (во всяком случае, источников на этот счет обнаружить не удалось). Однако же в действительности в МВД и МГБ по инициативе Управления политсоветника параллельно созрел и формулировался план по освобождению некоторых категорий заключенных спецлагерей, ставший первым шагом в небыстром процессе ликвидации советской лагерной сети в Восточной Германии.

Не проходит и двух недель с докладной записки П.Д. Орлова А.Я. Вышинскому, и 4 сентября 1947 г. министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов и заместитель министра государственной безопасности СССР С.И. Огольцов докладывают В.М. Молотову, отвечая на предложения маршала В.Д. Соколовского и политсоветника В.С. Семенова, что они считают целесообразным создать в каждом лагере и тюрьме комиссии, которые должны рассмотреть дела всех заключенных и освободить «необоснованно содержащихся» в заключении, а также «больных и стариков, в отношении которых нет достаточных данных для предания их суду»¹⁶⁷. При этом С.Н. Круглов и С.И. Огольцов предлагали передать суду Военного трибунала

¹⁶⁵ Так в тексте.

¹⁶⁶ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 34. П. 148. Д. 27. Л. 25.

¹⁶⁷ Специальные лагеря. С. 145–146.

«всех лиц, документально изобличённых в шпионско-диверсионной и террористической деятельности против Советской Армии и военной администрации», таким образом намереваясь уменьшить число «спецконтингента». Помимо этого, 29 ноября 1947 г. министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов направил записку И.В. Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову с аналогичными предложениями освободить не более 20000 человек из содержащихся к тому времени в лагерях 60580 немцев¹⁶⁸. Решение же об этом было принято только 8 марта 1948 г. в виде постановления Совета министров СССР № 702-223сс о пересмотре в двухмесячный срок дел всех немецких граждан, содержащихся под стражей в Советской зоне оккупации Германии (за исключением уже осужденных)¹⁶⁹. Нельзя не отметить, что незадолго до этого, 26 февраля, был принят приказ СВАГ № 35, который объявлял окончание денацификации в СЗО, – комиссии по денацификации распускались, а ведение дел на бывших «военных и фашистских преступников» передавалось немецкой криминальной полиции и судам¹⁷⁰. Представляемый советской оккупационной властью как важный шаг на пути формирования «антифашистской и демократической Германии», этот приказ совершенно игнорировал наличие нескольких десятков тысяч интернированных немцев, что не позволяет рассматривать спецлагеря лишь как инструмент проведения денацификации в СЗО, а выводит на первый план их репрессивную функцию.

Так какими же соображениями руководствовался И.В. Сталин, принимая решение о пересмотре дел подавляющего большинства заключенных спецлагерей? Конечно, публикации в западной прессе о «советских концентрационных лагерях», повествующие о мучениях десятков тысяч немцев от

¹⁶⁸ Петров Н.В. Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии // Специальные лагеря. С. 358.

¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 70. Л. 187–188. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 146–147.

¹⁷⁰ Приказ Главноначальствующего СВАГ № 35 «О роспуске комиссий по денацификации в Советской зоне оккупации Германии» // СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949: Сборник документов / отв. ред. и составитель Н.В. Петров. М., 2006. С. 533.

«бесчеловечных методов НКВД»¹⁷¹, как уже было показано выше, очень беспокоили и МИД СССР, и руководство СВАГ, однако трудно предположить, что И.В. Сталин мог бы пойти на такой шаг только лишь из-за проникновения информации о спецлагерях на Запад. Представляется, всё было значительно сложнее и связано с общим обострением «германского вопроса» в отношениях между СССР и западными союзниками. В этой связи обоснованными кажутся следующие предположения.

Во-первых, необходимо принять во внимание политические намерения И.В. Сталина в отношении освобождаемых немцев. Ещё 31 января 1947 г. в беседе с руководителями СЕПГ В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, М. Фехнером и Ф. Эльснером И.В. Сталин высказал мысль о желательности вовлечения в политическую жизнь СЗО «патриотических элементов» фашистской партии. Среди прочего, он говорил: «Например, в советской зоне есть свои фашисты. Нельзя ли им позволить организовать свою партию под другим названием? Чтобы не толкать всех к американцам [...] Тов. Сталин говорит, что по отношению к фашистам они (руководители СЕПГ) имели курс на уничтожение. Может быть, надо дополнить этот курс курсом на привлечение, чтобы не всех бывших фашистов толкать в лагерь противника?»¹⁷². И.В. Сталин предлагал создать для них свою партию, «которая притянула бы к себе патриотов и неактивные элементы из бывшей национал-социалистической партии. Тогда они не станут бояться, что социалисты их уничтожат»¹⁷³. Несмотря на очевидное нежелание руководства СЕПГ создавать в каком бы то ни было виде партию для бывших членов НСДАП и даже попыткам противодействовать этому, в июне 1948 г. в СЗО была образована Национал-демократическая партия Германии (НДПГ)¹⁷⁴.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.

¹⁷² СССР и германский вопрос. С. 251.

¹⁷³ Там же. С. 252.

¹⁷⁴ Подробнее об этом см.: *Петров Н.В.* По сценарию Сталина. С. 79–81. Показательно, как П.Д. Орлов в апреле 1948 г. в докладе А.Я. Вышинскому охарактеризовал главное направление газеты «National-Zeitung», ставшей официальным органом печати новой партии: «Общая тенденция газеты состоит в том, чтобы, апеллируя к национальному чувству немецкого народа,

К этому времени на территории СЗО уже работала специальная комиссия, образованная упомянутым постановлением Совета министров СССР от 8 марта 1948 г., в составе уполномоченного МГБ СССР в Германии Н.К. Ковальчука (председатель), начальника Управления внутренних дел СВАГ П.М. Малькова и военного прокурора СВАГ Б.М. Шавера, которая занималась пересмотром дел заключенных немцев. При этом в постановлении указывались те категории заключенных, которые не подлежат освобождению: во-первых, агенты германских разведывательных и карательных органов; во-вторых, «лица, изобличенные в создании тайных складов оружия, в организации и использовании подпольных типографий и радиостанций, предназначенных для работы, направленной против советских оккупационных властей»; в-третьих, сотрудники гестапо, СД, Абвера и тому подобных нацистских органов; в-четвертых, руководящий состав НСДАП всех административных уровней, Гитлерюгенда, редакторы и журналисты крупных фашистских СМИ, «зарекомендовавших себя как враги Советского Союза»¹⁷⁵. Также по предложению комиссии Н.К. Ковальчука было принято решение не освобождать тех, кто принимал участие в захоронении умерших, так как информация об этом через них может попасть в «западную реакционную печать». Не подлежали освобождению члены СЕПГ, а также оппозиционных партий (СДПГ, ЛДП, ХДС)¹⁷⁶. В отличие от категорий подлежащих аресту немцев, определенных приказом НКВД СССР № 00315 от 18 апреля 1945 г., в соответствии с которым все годы и функционировали спецлагеря, в постановлении отсутствует указание не освобождать активных членов НСДАП. В остальном же эти категории практически идентичны. Именно это и дает основания предполагать, что И.В. Сталин принял решение уйти от чрезвычайно широкой и неконкретной формулировки упомянутого приказа № 00315 («активные члены национал-социалистической партии»), чтобы выделить массу рядовых членов партии для

побудить его всеми силами бороться против раскола Германии и против политики англо-американских оккупационных властей» (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 27. П. 91. Д. 11. Л. 14).

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 70. Л. 188.

¹⁷⁶ *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии. С. 358.

дальнейшего пересмотра их дел и возможного освобождения. Есть все основания предполагать, что именно эти немецкие граждане, освобождаемые из спецлагерей, и составили базу образованной НДПГ¹⁷⁷.

Второе предположение относительно причин резкого поворота в сталинской репрессивной политике в СЗО состоит в том, что это была часть подготовки СССР к уже ставшему очевидному скорому окончательному развалу системы четырехстороннего управления Германией и обострению противоречий вокруг «германского вопроса». Как известно, 20 марта 1948 г., вскоре после принятия постановления Совета министров СССР о пересмотре дел заключенных спецлагерей, маршал В.Д. Соколовский, возглавлявший советскую делегацию, покинул заседание Союзного Контрольного Совета, что фактически означало конец деятельности этого коллективного органа управления Германией. А уже в июне начался первый крупный кризис холодной войны – Первый берлинский кризис. Как отмечал в этой связи Н.В. Петров, «идя на обострение отношений с Западом, следовало обеспечить тылы, т.е. дать небольшие послабления в своей зоне»¹⁷⁸. И действительно, уже после начала кризиса, 30 июня 1948 г., постановлением Совета министров СССР № 2386-991сс был оформлен результат сталинского решения в отношении спецлагерей. Постановление предписывало освободить всех немецких заключенных, отобранных комиссией Н.К. Ковальчука, численностью 27749 человек, среди которых указывались руководители и функционеры низовых организаций НСДАП и Гитлерюгенда, рядовые члены СА и СС, неоперативный состав полиции, гестапо и других карательных органов, личный состав «Фольксштурма»¹⁷⁹. Теперь, как можно убедиться, те категории немцев, которые подлежали аресту в соответствии с приказом № 00315, признавались неопасными. Понять, каким образом и руководствуясь какой логикой отбирались эти категории, можно только в общем контексте советской

¹⁷⁷ Тот факт, что советское руководство стремилось интегрировать бывших «номинальных членов нацистской партии» в экономические и политические структуры Восточной Германии, отмечал Норман Неймарк в упомянутой монографии: *Naimark N. Op. cit. P. 395.*

¹⁷⁸ *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии. С. 358.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 79. Л. 183. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 147–148.

политики в Германии в 1948 г. Ведь ещё 17 августа 1946 г. С.Н. Кругловым было дано распоряжение И.А. Серову об освобождении из всех лагерей МВД СССР (в том числе и спецлагерей) тех рядовых членов СС, СА, НСКК¹⁸⁰ и «Фольксштурма», которые признавались негодными к физическому труду¹⁸¹. На данном распоряжении, направленном в Отдел спецлагерей, И. А. Серова наложил резолюцию: «Т. Свиридову. Очень строго надо подойти и после проверки распустить до 1 сентября»¹⁸². В результате к 5 сентября 1946 г. было освобождено более 700 членов указанных военизированных нацистских организаций¹⁸³, тогда как тысячи рядовых членов НСДАП продолжали содержаться в лагерях. Однако в решениях комиссия Н.К. Ковальчука никак не комментировался этот факт. По-видимому, его можно объяснить только тем, что, как уже отмечалось выше, И.В. Сталину было необходимо освобождение тысяч рядовых членов НСДАП именно в 1948 г., когда произошел разрыв с прежними союзниками. Как отмечал А. фон Плато, этот разрыв привел к тому, что «бывший общий враг в международной политике уже не мог представлять опасности, не было реальных шансов для возрождения национал-социализма, хотя это постоянно подчеркивалось в заявлениях, которые делала восточная сторона»¹⁸⁴.

Один из немецких историков предположил, что изначально перед комиссией Н.К. Ковальчука ставилась задача вообще расформировать категорию спецконтингента и оставить в лагерях только тех заключённых, которые находились там по приговорам суда¹⁸⁵. Действительно, постановление Совета министров СССР от 8 марта 1948 г. содержало пункт, который гласил: «Все остальные арестованные, не относящиеся ни к одной из указанных выше категорий, а также все лица, в отношении которых следствием не установлено

¹⁸⁰ НСКК (NSKK – Nationalsozialistische Kraftfahrerkorpus) – национал-социалистский мотокорпус.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 21. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 137–138.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Докладная записка начальника Отдела спецлагерей М.Е. Свиридова И.А. Серову о выполнении этого приказа: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 129. Л. 22–23. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 138–139.

¹⁸⁴ фон Плато А. Советские спецлагеря в Германии. С. 260.

¹⁸⁵ Possekel R. Stalins Pragmatismus. S. 176.

достаточных оснований для предания их суду, независимо от характера предъявляющегося им обвинения, подлежат освобождению»¹⁸⁶. Интересно, что и в Отделе спецлагерей ожидали больших результатов от работы комиссии, – в Берлине предполагали, что она будет действовать в качестве «особой коллегии», которая на местах будет выносить приговоры всем неосуждённым заключённым. Однако постановление Совета министров СССР от 30 июня 1948 г. фактически перечеркнуло такие ожидания – вопрос со спецконтингентом оставался открытым. Видимо, было решено временно отложить решение этой проблемы, которая требовала серьёзных политических и организационных усилий, однако показателен сам факт того, что И.В. Сталин думал о дальнейшей судьбе спецлагерей именно в таком направлении. В этом смысле акцию освобождения 1948 г. вполне можно рассматривать как первый шаг в процессе ликвидации спецлагерей.

Начальник Отдела спецлагерей полковник Н.Т. Цикляев докладывал И.А. Серову 13 сентября 1948 г., что в результате «освобождения спецконтингента» в лагерях из 44051 заключенных осталось 14721 человек из этой категории и 12894 осужденных немцев. Всего же освобождено было 27682 человека из категории спецконтингента. Также Н.Т. Цикляев докладывал о скором закрытие лагерей № 1 в Мюльберге, № 9 в Нойбранденбурге и № 10 в Торгау¹⁸⁷. Таким образом, оставалось функционировать три лагеря – Бухенвальд, где содержался оставшийся спецконтингент, Баутцен, переименованный в ноябре 1948 г. в спецлагерь № 3 и предназначенный для содержания осужденных немцев со сроками на 15 лет и больше, и Заксенхаузен, получивший наименование «спецлагерь № 1» и сосредоточивший осужденных немцев со сроками до 15 лет, в

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 70. Л. 188.

¹⁸⁷ В октябре 1948 г. исполняющий обязанности начальника Отдела спецлагерей майор П.Н. Казюлин докладывал первому заместителю начальника ГУЛАГа П.С. Буланову о том, что в стадии ликвидации ещё находятся спецлагеря № 1 и № 9, а спецлагерь № 10 ликвидирован (ГА РФ. Ф. Р-9414. Д. 360. Л. 56).

том числе женщин. Кроме того, в Заксенхаузене была создана пересыльная тюрьма для осужденных граждан СССР¹⁸⁸.

Немногочисленные доступные материалы об агентурно-оперативной работе в спецлагерях позволяют в некоторой степени судить о настроениях среди заключенных, связанных с масштабной акцией освобождения из лагерей. Как докладывал, обобщая эти материалы, Н.Т. Цикляев И.А. Серову в июле 1948 г., в целом в лагерях царило весьма приподнятое настроение в связи с предстоящим освобождением: заключенные очень ждали выход на свободу, чтобы войти в русло мирной жизни, надеялись, что это свидетельствует об общем улучшении отношения оккупационных властей и рядовых советских служащих к немцам. Как выражался один из заключенных, «это лучшая пропаганда для СССР»¹⁸⁹. Кроме того, заключенные были очень довольны тем, что им выдавали новую одежду, что улучшилось качество санитарного обслуживания и также выдавалось дополнительное питание больным. Вместе с этим, нужно отметить, что в отличие от доклада Н.Т. Цикляева И.А. Серову, доклад руководства спецлагеря Бухенвальд содержит больше свидетельств о том, что годы, проведенные в спецлагере, только укрепили ненависть немцев к СССР. Невозможно судить, какие настроения были распространены больше, но начальник спецлагеря майор К.П. Андреев приводил, например, высказывания заключенных в таком духе: «Если меня освободят из лагеря, я поеду в западную зону к американцам и поступлю на службу в армию для того, чтобы потом воевать против русских»¹⁹⁰. Аналогичные высказывания были зафиксированы и в спецлагере № 9 Фюнфайхен: «Я никогда не забуду эту тяжелую жизнь, проведенную мной в этом лагере в течение трех лет. Если я буду освобожден, мой долг на воле – это сообщить народу, как ужасно обращались с немцами в этом лагере, о том, что здесь, в лагере, из 12000 заключенных умерло 6000 от голода» – и другие в таком духе¹⁹¹. Так или иначе, советскому руководству было непросто заполучить

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 142. Л. 80–81.

¹⁸⁹ Специальные лагеря. С. 151.

¹⁹⁰ Там же. С. 153.

¹⁹¹ Там же. С. 103.

симпатии немцев, несколько лет проведших в лагерях без суда и следствия, путём выдачи новой одежды и улучшения питания накануне освобождения.

§ 4.2. В составе ГУЛАГа: попытки реформирования работы спецлагерей в 1948–1949 гг.

В период «освобождения спецконтингента» произошло очень важное организационное изменение в работе спецлагерей. Приказом МВД СССР № 00959 от 9 августа 1948 г. штаты Отдела спецлагерей и сами оставшиеся спецлагеря в Германии (№ 1 Заксенхаузен, № 2 Бухенвальд и № 3 в Баутцене) был переданы в подчинение ГУЛАГу, на который было возложено «комплектование, оперативное руководство и контроль за всей деятельностью отдела и подчиненных ему спецлагерей»¹⁹². Неизвестно, как именно принималось это решение, – никаких непосредственных подготовительных документов на этот счёт не выявлено, однако очевидно, что готовилось оно уже давно. Возможно, изначально планировалось передать спецлагеря в ведение ГУЛАГа в начале 1948 г. до начала работы комиссии Н.К. Ковальчука. С 16 февраля по 1 марта 1948 г. по распоряжению И.А. Серова спецлагеря, формально входившие ещё в структуру СВАГ (чаще всего в документах этого периода они именовались «спецлагеря СВА в Германии»), проверяла комиссия ГУЛАГа под руководством заместителя начальника Второго управления полковника Д.М. Лойдина, которая в докладной записке, направленной И.А. Серову, констатировала высокий уровень заболеваемости и смерти в спецлагерях, низкий уровень медицинского обслуживания заключенных, низкие нормы питания, общую неорганизованность работы спецлагерей, связанную с тем, что отсутствуют единые руководящие указания и инструкции по организации различных аспектов работы (санитарная, хозяйственная работа, охрана и режим содержания заключенных). Причину комиссия видела в том, что Отдел спецлагерей не имеет непосредственного

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.

руководства «из Центра» и «не направляет в достаточной мере работу спецлагерей»¹⁹³. В этой связи и было предложено, помимо прочего, ввести спецлагеря «в состав соответствующего Управления МВД СССР»¹⁹⁴, т. е. в состав ГУЛАГа. О необходимости «немедленно» решить вопрос о переподчинении Отдела спецлагерей ГУЛАГу Н.Т. Цикляев писал в своей докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову 14 апреля 1948 г. (в ней он также описал крайне тяжелое положение с охраной и режимом в спецлагерях в связи с кадровым дефицитом и перегруженностью контингентом)¹⁹⁵. Начальник ГУЛАГа генерал-майор Г.П. Добрынин уже 31 марта 1948 г. предлагал И.А. Серову, исходя из указаний последнего о том, что больше половины спецлагерей будут расформированы, расформировать лагеря № 2 и № 1, оставить лагеря № 7, № 9, № 4 и № 10 и подчинить их Тюремному управлению МВД¹⁹⁶. Это предложение так и не было реализовано, однако подготовка к передаче спецлагерей в ведение непосредственно МВД уже шла. То, что такое решение было принято только через полгода, вероятнее всего, объясняется тем, что в руководстве ГУЛАГа предпочли получить лагеря уже со значительно меньшим количеством заключенных и, соответственно, сотрудников, то есть в момент завершения процесса освобождения спецконтингента. В этих условиях было гораздо легче централизовать работу отдела, укрепить его структуру и штат, усилить охрану, привлечь заключенных к физическому труду, пересмотреть в сторону повышения нормы питания – всё то, что предлагала сделать комиссия Д.М. Лойдина.

Нельзя не отметить также и важность самого факта описанной реорганизации. Как отметил современный исследователь, в передаче спецлагерей ГУЛАГу нашёл свое логичное завершение процесс «изменения функций» – постепенно с этого времени число осуждённых судами заключённых превышает число интернированных, и спецлагеря превращаются в «постоянные институты

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 169.

¹⁹⁴ Там же. Л. 170.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 169–172.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 222.

для содержания заключённых с длительными сроками»¹⁹⁷. Таким образом, это новое качество спецлагерей было закреплено в их подчинённости ГУЛАГу.

Почти сразу после передачи спецлагерей в ведение ГУЛАГа началась интенсивная деятельность по улучшению организации их работы. По указанию Г.П. Добрынина в сентябре 1948 г. в Берлин выехала специальная комиссия сотрудников ГУЛАГа во главе с начальником седьмого отдела Первого управления ГУЛАГа полковником А.Н. Карамышевым¹⁹⁸. Комиссия проверяла «состояние режима и изоляции контингента, санитарные, жилищно-бытовые условия, пищевой блок, работу отделения режима, учета, оперативной работы, партийно-политическую работу» и провела «инструктивные совещания с командирами отделений в отделениях режима и оперативные совещания с офицерским составом»¹⁹⁹. Общие результаты работы комиссии Г.П. Добрынин докладывал И.А. Серову в ноябре и заместителю министра внутренних дел генерал-полковнику В.В. Чернышеву в декабре 1948 г. В целом Г.П. Добрынин констатировал всё те же проблемы, которые выявила комиссия Д.М. Лойдина, однако сделал акцент на низком уровне квалификации и дисциплины личного состава лагерей (за 8 месяцев 1948 г. более 43% работников совершили дисциплинарные нарушения), отмечал, что комплектование кадрами спецлагерей «производилось за счет офицеров войск МВД и Советской Армии, без персонального отбора по деловым и политическим качествам, без спецпроверки из числа не имевших опыта работы в лагерях», на низком уровне находится организационно-партийная и политическая работа. Г.П. Добрынин также сообщал, что дальнейшие изменения в работе спецлагерей будут проводиться в соответствии со специальным планом организационно-практических мероприятий, утвержденным в ноябре того же года И.А. Серовым²⁰⁰.

¹⁹⁷ Greiner B. Op. cit. S. 465.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 13.

¹⁹⁹ Там же. Л. 17. Помимо прочего, комиссия привела уточнённое число освобожденных в 1948 г. немцев – по состоянию на 1 сентября было освобождено 32035 человек из числа спецконтингента (Там же. Л.64а).

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 225.

Однако улучшение работы лагерей проходило не быстро. Н.Т. Цикляев докладывал 16 декабря 1948 г. Г.П. Добрынину, что, «несмотря на то, что прошло 4 месяца, никакого руководства и помощи со стороны ГУЛАГа не имеется и спецлагери²⁰¹ по-прежнему работают без всякого направления в работе [...] До сих пор не решён вопрос укомплектования спецлагерей проверенными кадрами. Отсутствуют врачи, политработники, дежурные офицеры [...] Зарплата личному составу спецлагерей установлена ниже всех гражданских военных организаций Советской военной администрации в Германии и ниже лагерной системы ГУЛАГа в Советском Союзе, что вызывает большое недовольство со стороны личного состава, создало незаинтересованность в работе». Также Н.Т. Цикляев отмечал низкий уровень политического воспитания личного состава, отсутствие положений по режиму содержания заключённых, медико-санитарной службе, культурно-воспитательной работы и оперативному обеспечению и заключал свой доклад следующим образом: «такое состояние дел дальше терпеть невозможно»²⁰². Ровно тот же набор нерешённых проблем Н.Т. Цикляев излагал Г.П. Добрынину ещё через месяц, в январе 1949 г.²⁰³ Тогда же, 5 января 1949 г., в приказе начальника ГУЛАГа констатировалось, что значительная часть упомянутых выше организационно-практических мероприятий «управлениями и отделами ГУЛАГа не выполнена, спецлагерям не оказывается достаточной помощи [...] В частности, недостаточно интенсивно идет комплектование спецлагерей кадрами, обеспечение руководящими документами»²⁰⁴.

Среди изменений в работе спецлагерей, которые, впрочем, кардинально не затронули организацию их деятельности, однако несколько смягчили режим содержания заключённых, можно выделить следующее. С 1 апреля 1949 г. осуждённым немцам было разрешено вести переписку с родственниками²⁰⁵, принимать посылки, денежные переводы. Стали открываться лагерные ларьки для

²⁰¹ Так в тексте.

²⁰² ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 149–150.

²⁰³ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 366. Л. 20–24.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 93. Л. 10.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 525. Л. 8.

продажи предметов первой необходимости²⁰⁶. По последнему вопросу в августе 1949 г. было принято специальное положение²⁰⁷. Офицерскому составу лагерей было запрещено пользоваться услугами заключенных женщин для работы по уборке квартир²⁰⁸. Тогда же, в апреле, по просьбе евангелического архиепископа Берлина и с согласования с политическим советником СВАГ В.С. Семёновым в лагерях было разрешено провести пасхальной богослужение, чего никогда не бывало прежде²⁰⁹.

Были предприняты значительные усилия по улучшению работы санитарных служб спецлагерей. После роспуска большей части лагерей оставшиеся три лагеря получили их медицинское оборудование, в первую очередь, рентгеновские аппараты, что было остро необходимо в борьбе с туберкулёзом. Были повышены нормы питания для больных, которые могли достигать до 4000 калорий в день, значительно уменьшилось число больных дистрофией. Однако, как отмечает современный исследователь этой темы, «высокая смертность и распространение туберкулеза – проблемы, которые были порождены самой лагерной системой – не могли быть решены в её рамках. Предпринятые летом 1949 г. шаги по либерализации лагерного режима [...] случились слишком поздно и не могли существенно повлиять на состояние здоровья заключённых»²¹⁰.

Фактически все эти меры так и не решили основные организационные вопросы работы спецлагерей, связанные с недостатком и низкой квалификации кадров и отсутствием четких инструкций работы всех отделений Отдела спецлагерей. Последнюю попытку добиться серьезных организационных изменений предпринял сменивший в апреле 1949 г. Н.Т. Цикляева полковник В.П. Соколов²¹¹. Соколов докладывал министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову о нехватке кадров, низких окладах, перегруженности работой

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 38. Л. 110.

²⁰⁷ Текст положения см.: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 283. Л. 92–93.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 360. Л. 63.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 36. Л. 21–23.

²¹⁰ *Jeske N. Versorgung, Krankheit, Tod in den Speziallagern. S. 222–223.*

²¹¹ В.П. Соколов был назначен начальником Отдела 9 апреля 1949 г., принял дела у Н.Т. Цикляева 24 июня 1949 г. (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 8. Л. 44об; Д. 18. Л. 67).

сотрудников лагерей. В июне 1949 г. он направил С.Н. Круглову докладную записку с предложением преобразовать Отдел спецлагерей в Управление, придав ему таким образом более высокий статус, и изменить штаты. В первую очередь В.П. Соколов предлагал организовать внутри образованного Управления политический отдел с целью «коренного изменения партийно-политической и политико-воспитательной работы в спецлагерях»²¹². В настоящее время, писал В.П. Соколов, «коммунисты и комсомольцы состоят на партийном учёте при политотделе 11-го отдельного Варшавского Краснознамённого ордена А. Невского полка Правительственной связи МГБ СССР, сотрудники которого не ведут никакой политической и воспитательной работы среди личного состава, что приводит к большому количеству случаев «аморальных явлений среди личного состава, нарушений дисциплины и т. п.»²¹³. Кроме этого, он предлагал объединить в один отдел оперативные отделения и отделения по охране и режиму, а также пересмотреть оклады сотрудников лагерей, которые, по мнению В.П. Соколова, ниже на 25% окладов работников лагерей в СССР и структур СВАГ и МГБ в Германии²¹⁴. Несколько ранее, в мае 1949 г., докладывая заместителю начальника ГУЛАГа по кадрам полковнику В.М. Козыреву о некомплекте личного состава, составлявшего на тот момент 31%²¹⁵, В.П. Соколов отмечал, что «наличие такого большого некомплекта не дает возможности решать ряд серьезных вопросов организационного характера: по усилению внутренней охраны в спецлагерях, обеспечению санитарной и лечебной работы, хозяйственной деятельности. Особенно значительный некомплект надзирательского состава»²¹⁶. Однако все предложения В.П. Соколова остались без ответа. Очевидно, в руководстве МВД СССР уже тогда понимали близость скорой ликвидации спецлагерей и поэтому не видели смысла в каких-либо

²¹² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 272. Л. 67–68.

²¹³ Там же. Л. 68.

²¹⁴ Там же. Л. 68–69. Любопытно, что в сентябре 1949 г. В. П. Соколов просил П.С. Буланова повысить ему оклад (2000 рублей в месяц) «хотя бы» на 100 рублей, мотивируя это тем, что при переводе в Германию ему обещали ежемесячный оклад в размере 3000 рублей. Эта просьба была отклонена (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 38. Л. 111, 125).

²¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 21. Л. 159.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 21. Л. 135.

изменениях. Только так можно объяснить то, что за целый год, когда лагеря подчинялись непосредственно руководству ГУЛАГа, несмотря на все заключения различных комиссий и обращения со стороны руководства Отдела спецлагерей, так и не было принято никаких принципиальных, а не точечных мер для налаживания нормальной работы спецлагерей, которые постоянно испытывали дефицит кадров и сотрудники которых явно чувствовали себя ниже по положению в сравнении со служащими других органов советской власти в Восточной Германии – СВАГ и МГБ.

В.П. Соколов предпринял некоторые меры по улучшению дисциплины личного состава лагерей и повышению заинтересованности сотрудников в службе. Так, ежемесячно стали проводиться совещания офицерского состава лагерей, где обсуждались итоги работы отделений и служб лагеря за месяц, меры по повышению трудовой и воинской дисциплины, бдительности личного состава²¹⁷. Также с офицерским составом стали проводить занятия по немецкому языку раз в неделю²¹⁸. При В.П. Соколове участились случаи наказания рядовых и офицеров за невыполнение приказов, самовольные отлучки с места службы, различные «аморальные проявления»²¹⁹. Эффективность таких мер, при отсутствии серьёзных преобразований в работе спецлагерей и, в частности, в кадровой политике, не оказалось достаточно высокой для существенного улучшения положения дел в спецлагерях.

В этой связи важно отметить, что одной из главных проблем, волновавшей рядовой и сержантский состав лагерей, было предоставление отпусков и ожидание скорой мобилизации. Это показывают отчёты о политико-моральном состоянии личного состава спецлагерей, которые, как правило, ежемесячно начальники спецлагерей составляли для начальника Отдела. Начальник спецлагеря № 1 подполковник А.М. Костюхин в своём отчёте в декабре 1948 г. подчёркивал, что среди сержантского и рядового состава распространены

²¹⁷ Были обнаружены протоколы совещаний только по спецлагерю № 2 Бухенвальд: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 475.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 35. Л. 29–30, 39.

настроения недовольства задержкой демобилизации, приводя такие высказывания: «Сколько же можно служить? И конца не видно», «служу 6 лет, а домой ещё не ездил» и другие в таком же духе²²⁰. Об этом можно судить и по протоколам «вечеров вопросов и ответов» для личного состава спецлагерей, которые, по указанию В.П. Соколова от 1 августа 1949 г., ежемесячно проводились в каждом лагере²²¹. Солдаты и сержанты спрашивали о том, почему, вопреки указу Президиума Верховного Совета СССР, не демобилизуют сержантов и рядовых 1925 года рождения и не предоставляют им краткосрочные отпуска, даже при наличии тяжёлых семейных обстоятельств, и почему до сих пор не демобилизованы военнослужащие 1924 года рождения. По существу никаких ответов на эти вопросы не последовало²²². Начальник спецлагеря № 4 (№ 1) полковник С.И. Казаков докладывал Н.Т. Цикляеву о том, что «наблюдается скрытое недовольство задержкой мобилизации. Во время инспекторской проверки среди сержантского и рядового состава 1925 года рождения имелись высказывания, что пусть нас как хотят проверяют [по политической подготовке], всё равно домой приедешь – про оценки там не спросят. Если бы это в строевой части, там бы постарался ответить на хорошо. Там бы... за хорошие оценки получил бы отпуск домой или ценный подарок, а здесь кроме морали ничего не слышишь»²²³. При таком положении дел у личного состава лагерей появлялось ощущение приниженности своего положения по сравнению с другими советскими военнослужащими в Восточной Германии, что не могло не сказываться отрицательно на дисциплине и добросовестности несения службы.

В целом, можно утверждать, что ожидания скорого роспуска лагерей были распространены не только среди заключённых, но и среди сотрудников лагерей всех уровней. Масштабное освобождение заключённых и ликвидация большинства спецлагерей, осуществлённые в 1948 г., породили массу таких настроений. Так, и Н.Т. Цикляев, и В.П. Соколов направляли в Москву

²²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 25. Л. 76.

²²¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 36. Л. 79.

²²² Там же. Л. 82–83, 92–94.

²²³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 25. Л. 32.

И.А. Серову предложения о том, что делать с оставшимися лагерями. Предложения эти носили различный характер. В декабре 1948 г. Н.Т. Цикляев запрашивал у И.А. Серова возможность пересмотра дел осужденных немцев и передачи спецлагерей в ведение МГБ СССР. Тогда это было признано «нецелесообразным»²²⁴. В июне 1949 г. В.П. Соколов направил предложение Г.П. Добрынину создать специальную комиссию, которая бы решила проблему со спецконтингентом путем освобождения одной части заключенных и привлечения к судебной ответственности другой. В Москве ему ясно дали понять, что этим должно заниматься МГБ²²⁵. Через месяц В.П. Соколов писал уже И.А. Серову с предложением создать такую комиссию, которая могла бы судить на местах в качестве особого совещания. И.А. Серов наложил резолюцию: «т. Добрынину. Пусть он [т. е. Соколов] занимается своим делом. В отношении 13 тыс. [спецконтингента]. Пусть они, Ковальчук и СВАГ, поставят вопрос перед МВД-МГБ»²²⁶. То, что предлагал Соколов, фактически должно было сделать само существование спецлагерей ненужным, так как при реализации его предложения переставала бы существовать категория спецконтингента – тех, кто содержался в заключении в качестве интернированных без приговора суда. Осужденные же немцы могли отбывать наказание или в лагерях на территории СССР, или в тюрьмах МГБ. Конечно, в руководстве МВД хорошо понимали, что рано или поздно вопрос со спецлагерями в том или ином виде придется решать. Интерес к закрытию лагерей проявляло и руководство внутренних войск МГБ, в первую очередь, из-за постоянного некомплекта личного состава и невозможности обеспечивать высокий уровень охраны спецлагерей²²⁷.

Даже закрытие к 1948 г. большинства лагерей не остановило распространение на Западе слухов о «советских лагерях смерти». В оперативных сводках штаба внутренних войск МГБ в Германии за 1948 г. неоднократно приводились факты о том, что в западных секторах Берлина на митингах

²²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 38. Л. 33.

²²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 366. Л. 98–98об.

²²⁶ Там же. Л. 124.

²²⁷ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 355. Л. 59–60, 66.

«антисоветских реакционных партий» (ХДС, ЛДП, СДП) звучали заявления о необходимости «оказать поддержку жертвам коммунистического террора и бороться до тех пор, пока последний барак в концентрационных лагерях не сгорит в пламене борьбы за мир». Также отмечалось, что газеты западных секторов активно пишут о «кровавом терроре НКВД в Советской зоне»²²⁸. В сентябре 1948 г. в одной из оперативных сводок был зафиксирован случай, когда при этапировании заключенные выбросили из поезда записки с призывом о помощи к правительству западных оккупационных зон и с информацией о том, что «через [спецлагерь] Мюльберг прошло 20 тысяч заключенных, из них 8 тысяч умерло»²²⁹. Аналогичные записки с призывом к вмешательству западных властей были выброшены из поезда, перевозившего в тот же месяц заключенных из Мюльберга в Бухенвальд²³⁰. Информация о работе спецлагерей продолжала негативно сказываться на имидже СССР среди населения западных зон оккупации Германии.

§ 4.3. Роспуск спецлагерей и итоги их функционирования

К 1949 г. вновь обострилась общая политическая ситуация в Германии. Затянувшийся Берлинский кризис 1948–1949 гг. фактически сделал неизбежным её раскол на два враждебных друг другу государства. 23 мая 1949 г. было провозглашено создание Федеративной Республики Германии, 7 октября 1949 г. – Германской Демократической Республики. В ноябре 1949 г. прекратила существовать СВАГ и была создана Советская контрольная комиссия в Германии²³¹. В этих условиях вопрос о дальнейшей судьбе спецлагерей, где к тому времени содержалось почти 30000 немецких граждан, становился крайне острым. Необходимость их роспуска уже была осознана советским руководством.

²²⁸ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 332. Л. 241, 264–265, 284–285. Пример такого рода материала о советских спецлагерях из западноберлинской газеты «Телеграф» (в переводе на русский язык) см. в *Приложении 9*.

²²⁹ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 67. Л. 15–16.

²³⁰ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 64б. Л. 24.

²³¹ Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник. С. 39.

Кроме того, созрели и внутренние предпосылки для их ликвидации. Решение об этом было принято постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1949 г., формально инициированным обращением В. Пика, О. Гротевоя и В. Ульбрихта к И.В. Сталину от 19 сентября 1949 г.²³² Главногоначальствующему СВАГ В.И. Чуйкову было поручено представить в ЦК ВКП(б) предложения о возможности освобождения части заключённых из лагерей и о передаче остальных заключённых немецким властям²³³. 31 октября 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило создать межведомственную комиссию из представителей МГБ, МВД и Прокуратуры СССР, которой поручалось рассмотреть материалы на осуждённых и неосуждённых немцев и к 10 декабря представить в ЦК предложения, в частности, об освобождении тех из них, которые не представляют опасности для «демократического режима в Германии», о передаче МВД ГДР части неосуждённых немцев для проведения суда над ними, а также о ликвидации спецлагерей²³⁴. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1949 г.²³⁵ МВД СССР было предписано освободить из спецлагерей и тюрем МВД в Германии 15038 человек, в том числе 9634 неосужденных и 5404 осуждённых, передать МВД ГДР 13495 немцев, органам МГБ СССР в Германии – 649 особо опасных немецких преступников, «которые вели наиболее активную борьбу против Советского Союза». Лагеря Заксенхаузен и Бухенвальд должны были быть ликвидированы, а лагерь в Баутцене (к тому времени он функционировал уже в качестве тюрьмы) – передан МВД ГДР к 15 марта 1950 г.²³⁶ Если сопоставить приведённые в постановлении данные с цифрами о количестве заключённых, содержащихся в спецлагерях на 10 декабря 1949 г., приводимые В.П. Соколовым²³⁷, получается, что предполагалось освободить большую часть

²³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 808. Л. 34–38.

²³³ Там же. Л. 15. Постановление опубликовано (без сопроводительных материалов) в: Специальные лагеря. С. 156.

²³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 811. Л. 11–12 (см. *Приложение 10*). Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 157–158.

²³⁵ Оформлено в тот же день постановлением СМ СССР № 6021-2251сс (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 122. Л. 271–272).

²³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 813. Л. 75–76. Опубликовано в: Специальные лагеря. С. 160–161.

²³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 42. Л. 10.

неосуждённых немцев – то есть спецконтингента (из 13539 человек) и меньше четверти от осуждённых (из 16093 человек). Таким образом, формировалось шесть списков заключенных: № 1 – неосуждённые немцы, подлежащие освобождению; № 2 – неосуждённые немцы, подлежащие передаче немецким органом; № 3 – неосуждённые немцы, подлежащие преданию советскому суду; № 4 – осужденные немцы, подлежащие освобождению; № 5 – осужденные немцы, подлежащие передаче немецким органам; № 6 – осуждённые немцы, подлежащие содержанию в СКК, то есть передаваемые в ведение аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии²³⁸.

В.П. Соколов регулярно докладывал через начальника 1-го отделения Отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа подполковника Д.М. Лямина о ходе освобождения заключенных руководству ГУЛАГа, где стремились как можно скорее закончить это мероприятие. Приказом председателя СКК В.И. Чуйкова от 11 февраля 1950 г. на ликвидацию лагерей отводился месяц с 15 февраля по 15 марта²³⁹. Уже 8 марта 1950 г. В.П. Соколов докладывал В.И. Чуйкову о том, что ликвидация спецлагерей в основном завершена к 1 марта, т. е. досрочно. К этому времени всего было освобождено, передано немецким властям и советским органам 29855 человек. 13 марта 1950 г. В.П. Соколов докладывал уточнённые цифры С.Н. Круглову: освобождено 14937 немцев и 126 иноподданных, передано немецким властям – 14202 человека, 698 человек передано МГБ СССР, 54 человека отправлены по нарядам ГУЛАГа²⁴⁰. Окончательную цифру – 30114 человек – В.П. Соколов привёл в докладной записке С.Н. Круглову от 17 апреля 1950 г.²⁴¹

Согласно указаниям В.П. Соколова начальникам спецлагерей, всем освобождённым немцам выдавались справки об освобождении, а также ценности, изъятые в период ареста, одежда, еда в дорогу. При этом при освобождении присутствовали представители немецких органов власти, которые могли

²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 42. Л. 22.

²³⁹ Там же. Л. 28.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 12.

²⁴¹ Там же. Л. 7.

опрашивать заключённых о том, не имеют ли они каких-либо претензий к администрации лагеря²⁴². Конечно, это носило в первую очередь демонстративный характер. Так, в спецлагерь № 3 Баутцен приезжал даже корреспондент газеты «Neues Deutschland», центрального органа печати СЕПГ. Как докладывал В.П. Соколову начальник лагеря С.И. Казаков, это «произвело очень хорошее впечатление на осуждённых. Корреспондент интересовался вопросами быта, питания, работой, лечением, отношением к ним обслуживающего персонала, культурными мероприятиями и т. д. На все вопросы освобождаемые давали самые положительные ответы. Не было ни одного случая отрицательного характера²⁴³ [...] Уезжая из Баутцена, интернированные рукопожатием благодарили администрацию лагеря за хорошее отношение к ним и заботу»²⁴⁴. Советскую власть очень заботило то, как роспуск спецлагерей будет выглядеть в глазах немецкой общественности. Как писала «Neues Deutschland», ликвидация лагерей «являет собой акт великодушия и доверия и демонстрирует силу советского правительства»²⁴⁵.

Так завершилась история сталинских спецлагерей в Восточной Германии. Как было показано, процесс их постепенной ликвидации начался ещё в 1948 г., под влиянием обостряющейся политической ситуации в Германии, которая чем дальше, тем очевидней вела к окончательному расколу этой страны. Представление о необходимости реформирования созданной в 1945 г. на территории СЗО лагерной системы формировалось независимо в различных ведомствах, имевших к этому отношения, – в МИД, МВД, МГБ СССР и в СВАГ. Большой размах развернутой лагерной сети, охватившей десятки тысяч человек, не позволял управлять ей разумно и эффективно. Кроме того, различного рода внешнеполитические издержки от существования спецлагерей стали превышать те результаты по подавлению потенциального сопротивления советизации

²⁴² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 245. Л. 78–80.

²⁴³ Так в тексте.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 245. Л. 81.

²⁴⁵ Neues Deutschland. 17 Januar 1950. Nr. 14. Фотографию того, как заключенные покидают один из спецлагерей, см. в *Приложении 11*.

Восточной Германии, ради которых спецлагеря сохранялись еще довольно длительное время после окончания боевых действий на территории Германии и вывоза из них всех военнопленных. В условиях конфронтации с Западом и всё углубляющихся противоречий холодной войны И.В. Сталину больше ничего не оставалось, кроме как пытаться найти общественно-политическую поддержку в Восточной Германии, где уже полным ходом к тому времени шло внедрение социализма сталинского образца (фактически – советизация). Здесь, видимо, стоит искать и причину резкого изменения отношения к «номинальным нацистам», изначально составлявшим чуть ли не бóльшую часть заключенных-немцев, и создания партии для «патриотических элементов» бывшей нацистской партии. Сохранение спецлагерей, само существование которых в том виде, в каком они функционировали, было возможно только в условиях существования официальных оккупационных органов власти, было уже совершенно непредставимо в новом провозглашенном восточногерманском государстве. К тому же, к концу 1948 – началу 1949 гг. руководству Отдела спецлагерей и МВД СССР всё очевиднее становилась неэффективность спецлагерей, как и тот факт, что им всё труднее по целому ряду причин обеспечивать изоляцию спецконтингента. Нахождение в лагерях тысяч немецких граждан не добавляло им симпатий к Советскому Союзу. Исходя из этого, связь роспуска спецлагерей с образованием ГДР представляется очевидной. Современный немецкий историк, подробно исследовавший лагерную политику в общем контексте советской политики в Германии, писал: «Новый поворот в лагерном вопросе в 1948 г. был вызван переориентацией на построение и консолидацию под руководством СЕПГ восточногерманского государства. В 1949 г. советское руководство реагировало решением о ликвидации спецлагерей на основании ФРГ. В этом общем смысле и в каждом конкретном случае всякое изменение в лагерной политике следовало за политическими решениями Сталина»²⁴⁶.

Представляется, что анализ причин и хода процесса ликвидации спецлагерей подтверждает эту мысль. Однако дальнейшее изучение этой

²⁴⁶ Possekel R. Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland. S. 107.

проблемы, открытие новых источников могло бы многое уточнить в этом соображении. Очевидным остается одно – глубокое и неупрощенное изучение политики СССР в отношении послевоенной Германии в рассмотренный период невозможно без исследования механизмов работы советских органов госбезопасности и их репрессивной политики. Это может многое прояснить не только в конкретно-исторических сюжетах истории сталинской госбезопасности и лагерной системы, но и дать возможность глубже осмыслить цели и направленность советской политики в Восточной Германии в рассмотренный период.

ГЛАВА 5. КОНТИНГЕНТ СПЕЦЛАГЕРЕЙ

§ 5.1. Категории заключенных спецлагерей: общая характеристика

В зависимости от выбранного критерия, контингент спецлагерей можно разделить на разное количество групп. С точки зрения гражданства, там содержались немецкие граждане, составлявшие большинство, граждане СССР, а также иноподданные. По причине своего попадания в лагерь все заключенные делились на две большие группы – интернированные и осужденные. Если среди советских граждан более 80% заключенных относились к категории осуждённых, а среди иноподданных – около 20%²⁴⁷, то до сих пор исследователям не удалось выяснить точное соотношение этих категорий заключенных среди немцев, что связано с трудностями соответствующих подсчетов в отсутствии источников, отражающих это соотношение на протяжении всего времени существования спецлагерей. По разным оценкам, число осужденных немцев составляло от 10 до 19%²⁴⁸. В целом же по всему контингенту число осужденных военными трибуналами можно оценить в диапазоне от 25% до 32%²⁴⁹.

На графике ниже представлена реконструированная нами динамика численности заключенных на протяжении всего существования спецлагерей (по всему контингенту)²⁵⁰.

²⁴⁷ Подсчитано по: докладная записка начальника Отдела спецлагерей В.П. Соколова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову от 16 апреля 1950 г. // ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

²⁴⁸ См. «Введение», сноска 1.

²⁴⁹ Первая цифра рассчитана, исходя из 10% осужденных немцев, вторая – из 19%.

²⁵⁰ Составлено на основе справок руководства Отдела спецлагерей о численности контингента на указанные даты (ранее 1 сентября 1945 г. сведения не найдены), а также других докладных записок руководства Отдела: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–2, 5–7, 10–11; Д. 143. Л. 1–4, 7–8, 19–20, 34, 42, 48, 59, 65, 71, 94, 105, 112–114, 143, 140, 144; Д. 213. Л. 21, 27; Д. 212. Л. 121; Д. 224. Л. 4, 7; Д. 247. Л. 2; Д. 259. Л. 233; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 366. Л. 365. Специальные лагеря. С. 39, 66. Пример такого рода докладной записки см в *Приложении 12*.

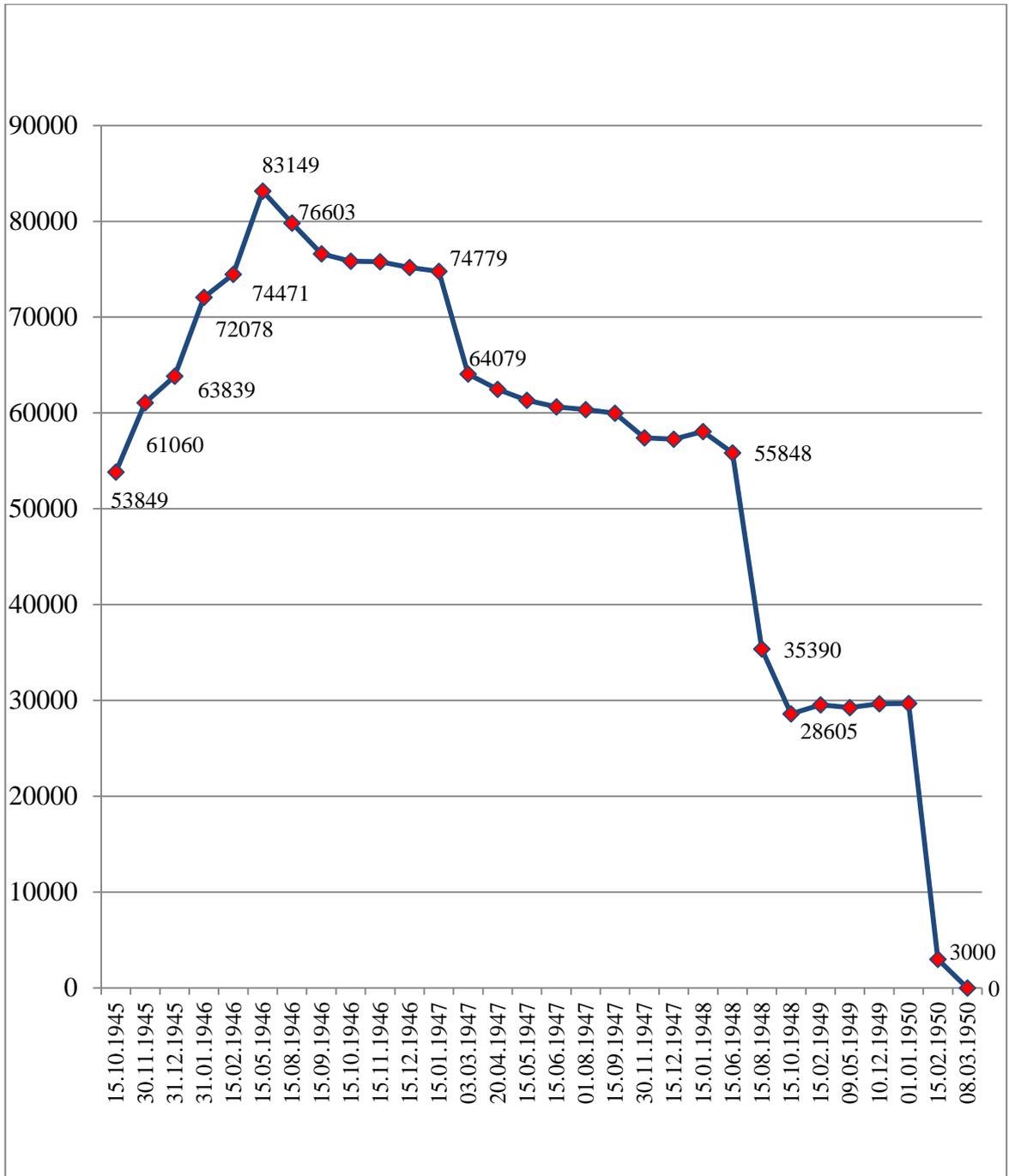

Рисунок 3. Динамика численности заключенных спецлагерей (все категории)

Как можно судить по представленному графику, с сентября 1945 г. по май 1946 г. число поступающих в лагеря заключенных неуклонно росло с каждым месяцем. Как подсчитала одна из немецких исследовательниц, 81% всех немецких, 55% советских и 79% иноподданных заключенных поступили в

спецлагеря в период до сентября 1946 г.²⁵¹ Первый серьезное сокращение численности контингента было связано с ситуацией зимы 1946–1947 гг., когда от голода и болезней погибли более десяти тысяч заключенных. Следующее существенное сокращение численности заключенных летом 1948 г. было обусловлено крупным мероприятием по освобождению части спецконтингента, осуществлённым комиссией под председательством Н.К. Ковальчука. Наконец, после принятия решения о роспуске спецлагерей с января по март 1950 г. они были полностью освобождены от содержащегося там контингента.

Значительную трудность представляет выделить из общего количества заключенных, подавляющее большинство из которых составляли немцы, граждан СССР и немногочисленных иноподданных. Поскольку не существовало единой формы справок о численности заключенных, далеко не в каждом таком источнике есть конкретизация численности заключенных по каждой из групп. Однако в отдельных справках Отдела спецлагерей приводится разбивка заключенных на группы по гражданству, что позволяет приблизительно восстановить динамику численности этих категорий заключенных. Поскольку за 1945 г. необходимых данных не найдено, при реконструкции динамики численности советских граждан в спецлагерях число заключенных на первую дату – 30 мая 1945 г. – взято из отчета, где оно указано как число убывших заключенных с этой даты до 15 сентября 1946 г. Поэтому в указанный промежуток динамика восстанавливается условно (см. рисунок 4)²⁵².

²⁵¹ *Jeske N. Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken. S. 472.*

²⁵² Составлено по: Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 143. Л. 42, 48, 114, 133, 140, 144; Д. 213. Л. 21, 27; Д. 224. Л. 7; Специальные лагеря. С. 160.

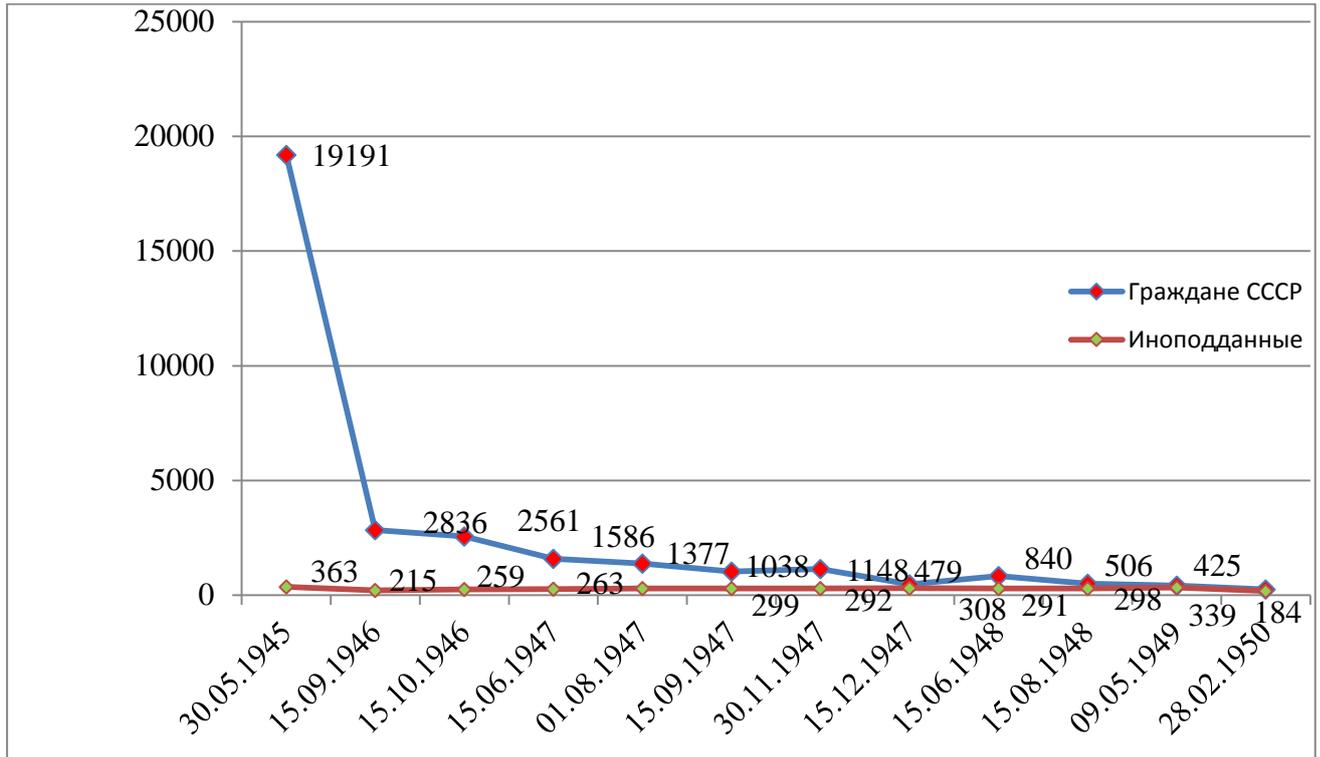

Рисунок 4. Динамика численности заключенных (советские граждане и иноподданные)

Как видно из представленного графика, бóльшая часть советского контингента заключенных (более 19 тысяч из 34706 человек) находилась в спецлагерях с мая 1945 г. по сентябрь 1946 г., что соответствует и общему пику наполняемости спецлагерей заключенными. Таким образом, к концу 1946 г. бóльшая часть советских граждан была уже вывезена из спецлагерей. После 1948 г. их численность не превышала 1000 человек, а к началу 1950 г. их практически не осталось в спецлагерях. Численность иноподданных, которых за весь период прошло через лагеря 460 человек, всегда оставалась на уровне нескольких сотен заключенных. К концу существования спецлагерей их оставалось 184 человека.

Как уже указывалось выше, всего, по итоговым данным Отдела спецлагерей, в период с 15 мая 1945 г. по 1 марта 1950 г. через лагеря прошел 122671 немец. Из них было отправлено в СССР 1661 осужденных и 5037 интернированных, 6680 человек передано в лагеря военнопленных, 6072 человека

передано из лагерей в военные трибуналы и оперсектора МГБ, 14202 человека передано МВД ГДР в ходе ликвидации спецлагерей, 45262 человека освобождено в течение всего периода (бóльшая часть – в 1948 и 1950 гг.), 42889 человек умерло (35% от всей численности немецких заключенных), 756 человек было расстреляно и еще 112 заключенных совершили побег²⁵³. Однако эти цифры до сих пор вызывают множество вопросов и сомнений у исследователей и далеко не признаны окончательными и точными.

Некоторые немецкие авторы обосновывают иную оценку общей численности заключенных спецлагерей (и, соответственно, немецкого контингента), значительно превосходящую официальную. По подсчетам А. фон Плато, учитывающим цифры, предлагаемые и другими исследователями, в действительности общая численность заключенных спецлагерей могла составлять от 189000 до 240000 человек²⁵⁴. Однако в это число включают не только заключенных, находившихся в спецлагерях с мая 1945 по март 1950 гг., но и тех, кто был арестован в ходе наступления Красной Армии в Польше и Германии, начиная с конца 1944 г., и интернирован во фронтовые лагеря, а затем переведен в лагеря восточнее линии Одер-Нейсе, или же отправлен на работы в СССР. Корректно разделить эти категории, исходя из указанных численных оценок, чрезвычайно трудно по причине крайней запутанности учета заключенных в период весны–лета 1945 г. Из докладной записки Л.П. Берии И.В. Сталину от 17 апреля 1945 г. известно, что с января по 15 апреля 1945 г. в ходе очистки тылов Красной Армии было арестовано 215540 человек (более половины из них – немцы, остальные – поляки, венгры, словаки, итальянцы и граждане СССР), причем в прифронтовых лагерях было оставлено только 62000 человек, а остальные направлены в лагеря на территорию СССР²⁵⁵. Даже если значительная часть этой группы заключенных была затем помещена в созданные спецлагеря (что, по всей видимости, и было сделано), нет никаких оснований для

²⁵³ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.

²⁵⁴ фон Плато А. Указ. соч. С. 270.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 253.

предлагаемого некоторыми авторами «двойного счета», т. е. для простого суммирования этих заключенных с числом, указанным в отчете руководства Отдела спецлагерей 1950 г. Вопрос о реальном количестве арестованных в тылах Красной Армии в последние месяцы войны представляет собой отдельную большую проблему, поэтому, на наш взгляд, некорректно по умолчанию относить этих заключенных к контингенту спецлагерей. Более обоснованным является ссылка на акт о передаче учетной алфавитной картотеки от Отдела спецлагерей представителю аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии 5 апреля 1950 г., в котором указано общее число карточек на заключенных в количестве 160179 штук²⁵⁶. Это число ненамного превосходит данные, приведенные в докладной записке В.П. Соколова. Оно вполне может включать не учтенные из-за имевших место ошибок почти три тысячи заключенных. В целом, однако, эта более высокая оценка принципиально не меняет порядок численности заключенных.

Значительный исследовательский интерес у историков вызывал вопрос о возрастной структуре заключенных спецлагерей. Причина этого состоит в том, что за этим во многом стоит ответ на другой важный вопрос: попадали ли в лагеря в основном немцы молодого возраста (от 18 до 20 лет), которые могли быть существенной рабочей силой для отправки на работу в лагеря ГУЛАГа на территории СССР, или же бóльшая часть заключенных представляла собой крупных и не очень молодых бывших нацистских функционеров, которые помещались в лагеря не столько для дальнейшего использования их на работах, сколько для изоляции в качестве представляющего опасность оккупационной власти контингента. Как показали проведенные исследования, возрастная структура заключенных спецлагерей менялась на протяжении пяти лет. В первый год существования лагерей, когда поступление в них арестованных было самым массовым, большинство составляли заключенные в возрасте старше 45 лет. В последующие годы можно наблюдать омоложение контингента, в основном, за счет увеличения числа заключенных, относящихся к категории осужденных на

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 259. Л. 240–241.

длительные сроки (более 15 лет), тогда как среди интернированных преобладали заключенные старше 45 лет. В целом исследования показали: так как на протяжении всего времени существования спецлагерей интернированных было значительно больше осужденных, соответственно, более половины заключенных немцев были старше 45 лет. Более молодые заключенные, в особенности моложе 35 лет, в основном, имели приговоры военных трибуналов, связанные не столько с преступлениями в период национал-социализма в Германии, сколько с их деятельностью в период после окончания войны с Германией²⁵⁷. В последнем случае речь шла о молодых заключенных, арестованных за участие (трудно утверждать, мнимое или действительное) в диверсионных организациях «Вервольфа» и других нелегальных группах нацистской молодежи, продолжавших действовать после капитуляции Германии²⁵⁸.

В то время как контингент немецких заключенных является предметом изучения и всестороннего анализа в немецкой историографии в течение последних двух десятилетий, до сих пор нет никакого понимания, что представляли собой спецлагеря в качестве мест заключения для граждан СССР, арестованных и осужденных советскими военными трибуналами в Германии и этапированных из спецлагерей в лагеря ГУЛАГа на территорию Советского Союза. В немецкой историографии есть лишь упоминания о функции спецлагерей в отношении советских граждан как «пересыльных лагерей»²⁵⁹. Отечественная исследовательница И.Л. Щербакова – единственный из историков, кто обозначил это как существенный пробел в наших знаниях об истории послевоенных репрессии, – отмечала, что в исследованиях, посвященных истории советских сборно-пересыльных пунктов для бывших военнопленных, проверочно-фильтрационных лагерей, лагерей репатриации в Германии, советские заключенные в спецлагерях, существовавших в тот же самый период, вообще не

²⁵⁷ фон Плато. Указ. соч. С. 273–275.

²⁵⁸ Там же. С. 261.

²⁵⁹ Jeske N. Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken. S. 472.

упоминаются и не рассматриваются²⁶⁰. В указанной статье историк предприняла попытку обобщить некоторые результаты своего изучения этой проблемы на основе отдельных доступных тогда источников. Хотя круг этих источников невелик, И.Л. Щербакова выделила основные обобщенные характеристики советского контингента (а также немногочисленных заключенных-«иноподданных»).

Во-первых, это были люди из разных социальных слоев и различной национальной принадлежности. Среди них были как обвиненные в измене Родине и коллаборационизме, так и солдаты и офицеры Советской армии, осужденные за различные уголовные проступки²⁶¹.

Во-вторых, советские граждане, как правило, находились в спецлагерях очень короткое время. Поэтому для многих из них это становилось лишь незначительным эпизодом их долгой лагерной жизни в ГУЛАГе. Естественно, что приговоренные к не столь длительным срокам военнослужащие вряд ли впоследствии были заинтересованы в том, чтобы вспоминать об этом эпизоде жизни. Это, во многом, объясняет и то, что известны буквально единичные случаи мемуаров бывших узников ГУЛАГа, в которых есть хотя бы упоминания о пребывании в спецлагерях и тюрьмах в Восточной Германии²⁶². Нам известны только три мемуарных источника такого рода – воспоминания выходца из России, сына белоэмигрантов, солдата югославской армии А.М. Агафонова (Глянцева), проведенного полгода в спецлагере № 2 Бухенвальд и отбывшего после этого длительный срок в ГУЛАГе²⁶³, мемуары И.И. Шалая, военнослужащего Красной Армии, участника Великой Отечественной войны, осужденного в 1946 г. за «измену Родине» и находившегося недолгое время перед отправкой в ГУЛАГ в тюрьме № 7 в Торгау²⁶⁴ и воспоминания военного переводчика из аппарата помощника заместителя Главногоначальствующего СВАГ по экономическим

²⁶⁰ *Scherbakova I. Sowjetische Staatsangehörige und sonstige Ausländer in den Speziallagern // Sowjetische Speziallager in Deutschland. Band 1. S. 241–242.*

²⁶¹ *Ibid. S. 242.*

²⁶² *Ibid.*

²⁶³ *Агафонов (Глянцев) А.М. Указ. соч.*

²⁶⁴ *Шалай И. И. Указ. соч.*

вопросам В.Л. Тальми²⁶⁵, осужденного в 1948 г. за «антисоветскую агитацию» и «восхваление жизни в США и Германии» и также пребывавшего перед отправкой в ИТЛ в тюрьме в Торгау. Из них только в воспоминаниях А.М. Агафонова лагерная жизнь и лагерный быт в спецлагере Бухенвальд описаны достаточно подробно.

Что касается причин попадания советских граждан в спецлагеря, можно выделить следующие. По утверждению И.Л. Щербаковой, в спецлагеря попадали первую очередь те, кто по той или иной причин смог избежать репатриации, не прошел через проверочно-фильтрационные лагеря после их роспуска в 1947 г. или же был обвинен в ходе следствия органами госбезопасности в «измене Родине» или шпионаже и приговорён военным трибуналом по соответствующей статье. Однако же все равно судить о том, как проходило следствие и по каким критериям гражданин СССР мог быть арестован, по документам Отдела спецлагерей не представляется никакой возможности²⁶⁶.

Также исследовательница выделила спецлагеря, где сосредотачивались именно советские заключенные. Это лагерь № 9 Фюрстенвальде, а после его закрытия в 1947 г. – № 7/1 Заксенхаузен. В качестве пункта сбора заключенных для последующего этапирования на территорию СССР выступал лагерь (тюрьма) № 10 в Торгау. После его закрытия все оставшиеся советские заключенные, как указывает И.Л. Щербакова, концентрировались в Заксенхаузене. Действительно, в июне-июле 1949 г. в одном из служебных документов внутренних войск МГБ в Германии указывалось, что «в спецлагере № 1 Ораниенбург [Заксенхаузен] сосредотачивается весь преступный элемент, осуждённый советскими карательными органами (советские граждане-бандиты, изменники Родины, немцы – преступники, шпионы, диверсанты и др.), которые по мере скопления их периодически эшелонным конвоем направляются в различные места отбытия наказания на территории Советского Союза»²⁶⁷. Известны отдельные случаи

²⁶⁵ Тальми В. Л. Указ. соч.

²⁶⁶ Scherbakova I. Op. cit. S. 243.

²⁶⁷ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 69. Л. 216.

содержания советских заключенных в Бухенвальде и в Баутцене, что связывается с выполнением заключенными определенных функций лагерного персонала. Осенью 1949 г. по указанию И.А. Серова прием в спецлагеря советских граждан был остановлен²⁶⁸.

Что касается очень немногочисленной категории «иноподданных», среди них были граждане разных европейских государств, также арестованные советскими органами госбезопасности по приказу НКВД СССР № 00315. Значительная их часть была представлена поляками, многие из которых довольно быстро отпускались на свободу по договоренностям с польским правительством, остальные же передавались польским специальным службам. Иноподданные содержались во всех спецлагерях и, в отличие от советских заключенных, не были жестко изолированы от немцев. Уже с июля 1947 г. этот контингент перестал поступать в спецлагеря²⁶⁹.

Предпринятый в следующем параграфе анализ созданной базы данных советских заключенных с использованием методов дескриптивной статистики позволит подтвердить или опровергнуть выводы И.Л. Щербаковой о характере советского контингента спецлагерей, а также более многосторонне раскрыть характеристики этого контингента и его место в системе спецлагерей.

§ 5.2. Советские заключенные в спецлагерях: анализ базы данных

Созданная реляционная база данных советских граждан – заключенных спецлагерей дает возможность выяснить некоторые существеннейшие характеристики этой части контингента.

Как уже указывалось выше, в результате изучения отдельных источников в историографии выдвигалось предположение, что спецлагеря не были предназначены для содержания исключительно «политических» заключенных или же, напротив, осужденных военнопленных Советской армии. Действительно,

²⁶⁸ Scherbakova I. Op. cit. S. 247–248.

²⁶⁹ Ibid. S. 248–249.

выявление и группировка внесенных в базу статей Уголовного кодекса РСФСР и указов Президиума Верховного Совета СССР дает неоднородное распределение заключенных по соответствующим типам преступлений, за которые они были приговорены военными трибуналами к различным срокам заключения.

Все встречающиеся в базе данных статьи и положения указов можно сгруппировать в 5 больших категорий: должностные преступления; преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека; имущественные (экономические) преступления, преступления против общественной безопасности и порядка, против порядка управления и государственной собственности, «контрреволюционные» преступления и воинские преступления. Выделенные категории не полностью соответствуют делению преступлений в самом Уголовном кодексе, но во многом исходят из него. Содержательно к классификации преступлений в УК РСФСР добавлялись и пункты указов Президиума Верховного Совета СССР, также устанавливавшие ответственность за определенные виды преступлений. Кратко охарактеризуем разработанную нами классификацию.

Должностные (или служебные) преступления выделены в отдельную группу в самом Уголовном кодексе²⁷⁰. К ним относятся: злоупотребления властью (ст. 109), бездействие власти (ст. 111), дискредитирование власти (ст. 113), присвоение или растрата должностным лицом государственного (служебного) имущества и денег (ст. 116), получение взятки (ст. 117). Сюда же нами отнесены указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»), от 28 декабря 1940 г. («Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)'), от 26 декабря 1941 г. («Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за

²⁷⁰ Уголовный Кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1950. С. 81–88.

самовольный уход с предприятий») и от 15 ноября 1943 г. («Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну»).

Преступления, отнесенные к категории «против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека», полностью совпадают с классификацией УК РСФСР. Это умышленное убийство (ст. 136–138) убийство по неосторожности (ст. 139), умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 142), умышленное легкое телесное повреждение (ст. 143), неосторожное телесное повреждение (ст. 145), умышленное нанесение удара, побоев и иные насильственные действия, сопряженные с причинением физической боли (ст. 146), заражение другого лица венерической болезнью (ст. 150), изнасилование (ст. 151, 153, 154), развращение малолетних или несовершеннолетних (ст. 152), мужеложство (ст. 154-а)²⁷¹, а также указ ПВС СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Группа экономических (имущественных) преступлений представлена следующими статьями УК РСФСР: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления» (ст. 107), «злостный неплатеж средств на содержание детей» (ст. 158), похищение чужого имущества (ст. 162, 165, 166), разбой (ст. 167), удержание чужого имущества (ст. 168), «злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества» (ст. 169), вымогательство (ст. 174)²⁷².

Крупную категорию преступлений составляют те, которые в общем виде можно охарактеризовать как преступления против общественной безопасности и порядка, против порядка управления и государственной собственности, т. е. те, которые определялись советским законодательством как антигосударственные деяния, однако же несколько менее опасные, чем «контрреволюционные» преступления. К этой категории можно отнести: преступления против порядка управления, закрепленные в многочисленных пунктах статьи 59 УК РСФСР

²⁷¹ Уголовный Кодекс РСФСР. С. 96–102

²⁷² Там же. С. 80, 105–111.

(организация массовых беспорядков, бандитизм, уклонение от воинской службы, контрабанда и т. п.); по смыслу примыкающие к этому статьи 81 («незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу») и 82 (побег из-под ареста); изготовление и сбыт сильнодействующих ядовитых или взрывчатых веществ (ст. 179 и 182); нарушение постановлений местных органов власти (ст. 192), сопротивление представителям власти (ст. 73); подделка удостоверений государственных и общественных организаций (ст. 72), «хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах» (ст. 74); «самовольное присвоение себе звания или власти должностного лица» (ст. 77); «похищение, повреждение, сокрытие или уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений» (ст. 78); умышленное истребление или повреждение государственного имущества (ст. 79); незаконный въезд или выезд из страны (ст. 84). К этой же категории можно отнести: постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» и позже заменивший его указ ПВС СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», указ ПВС СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов и медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам», а также Указ ПВС СССР от 9 июня 1947 г. об ответственности за разглашение государственной тайны.

К «контрреволюционным преступлениям» относятся все пункты 58-й статьи УК РСФСР.

Наконец, воинские преступления охватываются обширной статьей 193, содержащей тридцать один пункт, который отражает самые различные виды преступления, совершаемых военнослужащими, – от дезертирства до невыполнения приказов и нарушения правил несения службы.

Приведенная классификация позволяет намного более компактно представить полученные из базы данные и, соответственно, сделать обобщающие выводы о характере контингента. Так, процентное распределение заключенных по выделенным категориям выглядит следующим образом (таблица 4). Таблица с распределением заключенных по всем статьям УК РСФСР и указам ПВС СССР представлена в *Приложении 13*.

Таблица 4. Распределение заключенных по укрупненным категориям преступлений

Категория преступлений	Статья УК РСФСР/иной нормативно-правовой акт	Количество заключенных (чел.)	Количество заключенных (% от общего числа)
Должностные преступления	109, 111, 113, 116, 117, указ ПВС СССР от 26.06.1940, указ ПВС СССР от 28.12.1940, указ ПВС СССР от 26.12.1941, указ ПВС СССР от 15.11.1943	60	0,71%
Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека	136, 137, 138, 139, 142, 143, 145, 146, 150, 151, 152, 153, 154, 154-а, указ ПВС СССР от	510	5,99%

	04.01.1949		
Имущественные/экономические преступления	107, 158, 162, 165, 166, 167, 168, 169, 174	821	9,65%
Преступления против общественной безопасности и порядка, против порядка управления и государственной собственности	59, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 81, 82, 84, 179, 182, 192, постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932, указ ПВС СССР от 02.05.1943, указ ПВС СССР от 04.06.1947, указ ПВС СССР от 09.06.1947	1684	19,79%
«Контрреволюционные» преступления	58	2034	23,91%
Воинские преступления	193	3367	39,57%
Некорректные данные/нет данных	—	32	0,38%
Всего	—	8508	100%

Как следует из данных таблицы, двумя самыми крупными группами преступлений являлись воинские и «контрреволюционные» преступления. Из этого следует, с одной стороны, что как минимум 40% всего советского контингента составляли военнослужащие (и это без учета того факта, что они могли проходить и по другим категориям преступлений), с другой – что содержание в спецлагерях осужденных по пунктам статьи 58 было одной из основных функций спецлагерей, ведь число таких заключенных составляло почти четверть от общей их численности. Интересно отметить в этой связи, что, по расчётам немецких историков, изучавших по этому же критерию приговоры советских военных трибуналов, вынесенные в отношении немецких граждан в СЗО/ГДР в период с 1945 по 1955 гг., 71% из них (18176 из 25292 человек) были осуждены по 58-й статье²⁷³, при том, что более 90% из всех этих осужденных немцев прошли через спецлагеря²⁷⁴. В этом проявляется репрессивная составляющая назначения спецлагерей в целом – и в отношении немцев, и в отношении советских граждан, хотя для последних спецлагеря не являлись конечным местом отбывания наказания.

Как известно, статья 58 УК РСФСР имела четырнадцать пунктов, отражавших различные виды преступлений контрреволюционной направленности. Особенность внесенных в базу данных такова, что по всем случаям упоминания статьи 58 есть также и конкретизация ее пункта. Из четырнадцати пунктов встречаются следующие:

- пункт 1: «измена Родине»;
- пункт 2: «вооружённое восстание, любое действие с намерением насильственно отторгнуть от Советского Союза любую часть его территории или вторжение с целью захватить власть»;

²⁷³ Hilger A., Schmeitzer M. Einleitung: Deutschlandpolitik und Strafjustiz. Zur Tätigkeit sowjetischer Militärtribunale in Deutschland 1945-1955 // Sowjetische Militärtribunale. Band 2. S. 21.

²⁷⁴ Подсчитано, исходя из данных о числе осужденных немцев в спецлагерях – более 23000 человек (данные из: Jeske N., Morre J. Op. cit. S. 653).

– пункт 3: «контакты с иностранным государством в контрреволюционных целях или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путём интервенции или блокады»;

– пункт 4: «оказание помощи международной буржуазии, которая не признаёт равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть её, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазии общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности»;

– пункт 6: «шпионаж, то есть передача, похищение или соби́рание с целью передачи информации, являющихся государственной тайной, или экономических сведений, которые не являются государственной тайной, но которые не подлежат оглашению по прямому запрещению законом или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий»;

– пункт 8: «террористические акты, направленные против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций»;

– пункт 10: «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания»;

– пункт 12: «недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении»;

– пункт 13: «активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или контрреволюционных правительствах в период гражданской войны»;

– пункт 14: «контрреволюционный саботаж»²⁷⁵.

²⁷⁵ Уголовный Кодекс РСФСР. С. 35–43.

Чрезвычайно показательно, как выглядит процентное распределение осужденных по 58-й статье по конкретным пунктам (таблица 5).

Таблица 5. Распределение заключенных по пунктам статьи 58 УК РСФСР

Пункт статьи РСФСР	58-й УК	Количество заключенных (чел.)	Количество заключенных (% от общего числа)
58-12		1	0,05%
58-13		1	0,05%
58-4		2	0,1%
58-6		5	0,25%
58-3		10	0,49%
58-14		11	0,54%
58-8		14	0,69%
58-2		31	1,52%
58-10		135	6,64%
58-1		1824	89,68%
Всего		2034	100%

Подсчеты показывают, что подавляющее большинство осужденных (почти 90%) по 58 статье проходили по первому, наиболее «тяжкому» пункту, предполагавшему от 10 лет до расстрела, а с 1947 г. максимальный срок заключения (25 лет), – «Измена Родине». Кроме того, для 99% случаев указания на первый пункт 58-й статьи приведен также и подпункт, конкретизирующий вмененное человеку преступление (таблица 6).

Таблица 6. Распределение заключенных по подпунктам статьи 58-1 УК РСФСР

Подпункт статьи 58-1	Содержание подпункта	Количество заключенных (чел.)	Количество заключенных (% от общего числа)
58-1в	Член семьи совершившего побег или перелет за границу военнослужащего	4	0,22%
58-1г	Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене	13	0,72%
58-1а	Измена Родине	857	47,48%
58-1б	Измена со стороны военного персонала	931	5,58%
Всего		1805	100%

Из приведенной таблицы следует, что более половины заключенных, осужденных по 58 статье, составляли военнослужащие, что, с учетом доли осуждений по статье 193, относящейся только к военным, увеличивает их долю в общей численности заключенных спецлагерей до более чем 50%.

Подпункты «а» и «б» статьи 58-1 предполагали самое суровое наказание – 25 лет заключения (до введения в мае 1947 г. моратория на смертную казнь могла быть применены и высшая мера наказания). 616 человек (или 34%) из осужденных по указанным подпунктам статьи 58-1 получили эту меру наказания (двое из них – 25 лет каторжных работ), бóльшая же часть (931 человек или

52%) – 10 лет. Остальная доля приговоров (14%) приходится на другие сроки (20, 15, 17, 8, 7, 6, и 5 лет ИТЛ), при этом половина из этой доли приходится на сроки 15, 17 и 20 лет каторжных работ.

Еще одной характеристикой советского контингента, которую позволяет выявить база данных, – это распределение заключённых по национальностям. Правда, в данных источника есть серьезное упущение по этому критерию: особенности заполнения эшелонных списков заключенных в 1945 г. были таковы, что графа национальность в них отсутствует. Поэтому в представленной ниже таблице (таблица 7) в 14% случаях соответствующие сведения отсутствуют (полный вариант таблицы представлен в *Приложении 14*).

Таблица 7. Распределение заключенных по национальности

Национальность	Количество (чел.)	Количество (%)
авар	1	0,01%
дагестанец	1	0,01%
даргин	1	0,01%
езид	1	0,01%
карачаевец	1	0,01%
...		
узбеки	48	0,56%
евреи	75	0,88%
татары	111	1,3%
русские немцы	181	2,13%
белорусы	397	4,67%
украинцы	1515	17,81%
русские	4593	53,98%
нет сведений	1194	14,03%
Всего	8508	100%

Хотя преобладание русских и украинцев нетрудно объяснить их общим преобладанием в структуре численности населения СССР, нельзя не отметить довольно существенный процент русских немцев по сравнению с иными национальностями. Скорее всего, это объясняется тем, что на территории бывшей нацистской Германии к окончанию войны оставалось большое количество этнических немцев, успевших репатриироваться в гитлеровскую Германию из западных территорий, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. Они вполне могли восприниматься советскими органами госбезопасности в качестве русских немцев, т. е. бывших граждан СССР. С другой стороны, в этом есть и возможная источниковедческая проблема, уже упомянутая в историографии. В документах спецлагерей были обнаружены случаи, когда национальность и подданство заключенного не совпадают. Особенно это касается русских немцев, переселенцев из СССР, которые нередко обозначались как «русские», что указывало на их советское гражданство²⁷⁶. Таким образом, возможно, что доля этнических немцев, бывших ранее гражданами Советского Союза, была в спецлагерях даже несколько выше.

В целом же такая структура национального распределения не указывает на какие-либо существенные особенности спецлагерей по сравнению с иными советскими местами заключения в данном аспекте, хотя их существование в условиях оккупированной Германии наложило свой отпечаток в виде значительного числа русских немцев среди заключенных.

Внесенные в базу данных сведения позволяют также получить возрастное распределение заключенных (рисунок 5).

²⁷⁶ *Jeske N. Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken. S. 472.*

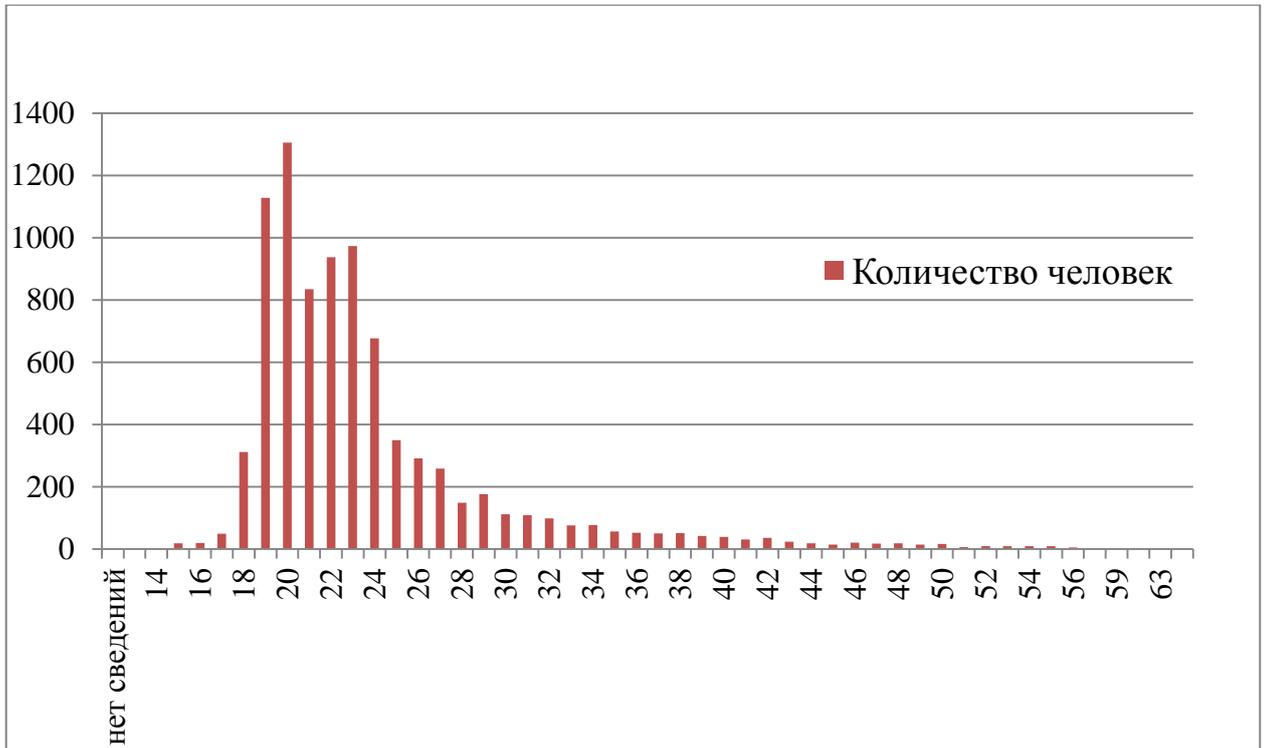

Рисунок 5. Распределение заключенных по возрасту

На графике видно, что наибольшее количество заключенных были в возрасте от 19 до 24 лет. Это, с одной стороны, соответствует преобладающему количеству военнослужащих среди заключенных, а с другой, свидетельствует и о назначении контингента. В условиях, когда мобилизация немецких заключенных для работы на предприятиях ГУЛАГа была не реализована по ряду причин, описанных в предыдущих главах, советский контингент спецлагерей представлял собой очень молодых заключенных, не успевших, по-видимому, подорвать свое здоровье долгим нахождением в заключении и потому очень востребованный «гулаговской» экономикой.

Данное утверждение, правда, нельзя основывать только лишь на возрасте заключенных. Представляется, что его подтверждают и следующие факты.

В первую очередь, это время и условия содержания советских граждан в спецлагерях. В литературе уже отмечалось, что, скорее всего, в отличие от немцев, это был непродолжительный период времени. Однако проверить это утверждение на конкретном материале – непростая задача, так как для этого, при наличии даты этапирования заключенного, необходима также дата его ареста

и/или помещения в спецлагерь, которые, в свою очередь, могут не совпадать, так как во время следствия заключенные, как правило, содержались во внутренних тюрьмах оперсекторов НКВД/МГБ, а в спецлагерь попадали уже после вынесения приговора. Найденные нами сведения такого характера в базах данных «Жертвы политического террора в СССР» и «Открытый список» по 86 заключенным, осужденным по 58-й статье, дают следующую картину. Практически во всех этих случаях, где имеется дата вынесения приговора, время между этим событием и датой этапирования в СССР крайне редко превышает 4 месяца. В основном, это 3–4 месяца. Представляется, что эту тенденцию можно распространить и на всю совокупность данных, исходя хотя бы из того, что это вполне соответствует выявленной нами динамике численности советских заключенных в спецлагерях (см. рис. 3), по которой видно, что с определённого момента численность этой категории заключенных была довольно стабильна и держалась примерно на одном уровне. Это значит, что заключенных весьма равномерно вывозили из лагерей. Хотя нет никаких оснований утверждать, что условия содержания советских граждан в спецлагерях были лучшими, чем у других категорий заключенных, показателен тот факт, что если среди немцев смертность в спецлагерях за весь период составила более 40%, то смертность советского контингента – только 0,2%²⁷⁷. Это также свидетельствует в пользу утверждения о том, что спецлагеря рассматривались в качестве резервуара сохранения необходимой рабочей силы, постепенно вывозимой на работы в исправительно-трудовые лагеря СССР.

Характер распределения советского контингента в лагеря ГУЛАГа также представляет значительный исследовательский интерес. Таблица, представленная ниже и составленная по совокупности данных из всех эшелонных списков, а не только вошедших в базу данных, показывает, как направлялись потоки заключенных из спецлагерей. По сравнению с данными о количестве заключенных, этапированных в исправительно-трудовые лагеря и другие

²⁷⁷ Подсчитано по: Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 6 (из записки начальника Отдела спецлагерей В.П. Соколова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову от 16 апреля 1950 г.).

учреждения ГУЛАГа, приведенными в таблице 1, числовые показатели, приведенные в таблице 8, составлены путем подсчета количества заключенных, отправленных в тот или иной лагерь, без разбивки на даты этапирования, и показывают итоговый вклад контингента спецлагерей в численность каждого лагеря. Также при подсчете учтены отдельные случаи, когда заключенные, попавшие в тот или иной эшелонный список с определенным адресом назначения этапа, в итоге направлялись в другой лагерь.

Таблица 8. Распределение заключенных по адресам этапирования в лагеря на территории СССР

Адрес назначения этапа	Количество заключенных, отправленных в данный лагерь (чел.)	Количество заключенных, отправленных в данный лагерь (%)
Ивдельский ИТЛ	2368	8,68
Интинский ИТЛ	2355	8,63
Печорский ИТЛ	2146	7,87
Строительство № 501 (Тюменская область, город Салехард)	2003	7,34
Восточно-Уральский ИТЛ	1795	6,58
Южно-Кузбасский ИТЛ	1583	5,80
Северо-Уральский ИТЛ	1433	5,25
Воркутинский ИТЛ	1391	5,10
Усольский ИТЛ	998	3,66

Московский лесозаготовительный ИТЛ (Ярославская область, город Рыбинск)	991	3,63
Северный железнодорожный ИТЛ	982	3,60
Унженский ИТЛ	964	3,53
Каргопольский ИТЛ	943	3,46
УИТЛК МВД Карело- Финской ССР	924	3,39
Западное управление строительства и лагерей Байкало-Амурской магистрали	819	3,00
ИТЛ Челябметаллургстроя	812	2,98
Ангарский ИТЛ	795	2,91
Строительство № 865 (Свердловская область, рабочий посёлок Верхне- Нейвинск)	785	2,88
Томь-Усинский ИТЛ	758	2,78
Енисейстрой (станция Канск Красноярской железной дороги)	737	2,70
Станция Кемерово Томской железной дороги	670	2,46

Алданский ИТЛ	660	2,42
пересыльная тюрьма в г. Орша	260	0,95
Сибирский ИТЛ	101	0,37
Брестская тюрьма МВД	3	0,01
тюрьма г. Киев	1	0,00
Ухто-Ижемский ИТЛ	1	0,00
	Всего: 27278 чел.	100%

В данном случае очевидно преобладание «северного» направления: наиболее многочисленные потоки заключенных отправлялись в Ивдельский ИТЛ на севере Свердловской области, в Интинский, Печорский и Воркутинский лагеря Архангельской области, а также в Восточно-Уральский и Северо-Уральский ИТЛ на севере Свердловской области, Южно-Кузбасский ИТЛ Кемеровской области и на Строительство № 501 на севере Тюменской области (всего 55% всего потока заключенных). Несколько выделяются из общего ряда Московский лесозаготовительный и Унженский ИТЛ, куда было направлено более 7% всех заключенных – они располагались в другом географическом регионе, в центральной части РСФСР (в Ярославской и Горьковской областях соответственно). Остальной объем потоков приходится, в основном, также на лагеря Урала и Сибири.

Определить вклад советского контингента спецлагерей в общую численность указанных лагерей ГУЛАГа можно на основе имеющихся данных по численности заключенных в этих лагерях на ближайшую дату после даты этапирования заключенных. Это дает возможность хотя бы приблизительно измерить этот вклад. Для данных подсчетов берутся лишь те лагеря, куда шли наиболее крупные потоки, т. е. все, кроме, Ухто-Ижемского и Сибирского

лагерей, а также тюрем в Киеве, Бресте и Орше. Вообще, столь ничтожно малое направление заключенных в эти лагеря (1–2 человека) было скорее единичным случаем, когда по тем или иным причинам заключенного снимали с общего этапа и отправляли в другой лагерь, о чем делалось соответствующее указание на эшелонном списке. Тюрем же, как правило, не являлись конечным пунктом назначения, из них заключенные могли отправляться по этапу дальше (если только человек не направлялся туда в качестве подследственного, а не осужденного).

Следующая таблица позволяет судить о вкладе контингентов спецлагерей в численность заключенных соответствующего исправительно-трудового лагеря (таблица 9). В таблице также не учтены заключенные, отправленные в УИТЛК МВД Карело-Финской ССР, так как по имеющимся источникам не удалось установить, в какие именно лагеря и тюрьмы этой республики они были этапированы, и в Томь-Усинский ИТЛ, данные о численности заключенных которого отсутствуют.

Таблица 9. Распределение заключенных по адресам этапирования в лагеря на территории СССР (с указанием доли заключенных в общей численности заключенных каждого ИТЛ)

ИТЛ	Число прибывших из спецлагеря заключенных	Численность заключенных ИТЛ²⁷⁸	Процент от общей численности заключенных	Основное производство лагеря
Ивдельский	2368	24460	9,7%	Лесозаготовки,

²⁷⁸ Источник сведений: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. Справочник. / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1999. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 25.08.2024).

ИТЛ		(на 01.01.1948)		строительство
Интинский ИТЛ	2355	14885 (на 01.01.1946)	15,8%	Разработка и эксплуатация Интинского угольного месторождения
Печорский (Северо-Печорский) ИТЛ	2146	56615 (на 01.01.1947)	3,8%	Строительство железной дороги Котлас—Воркута Северо-Печорской ж. д. магистрали, производство извести, кирпича, лесозаготовки
Строительство № 501 (Тюменская область, город Салехард)	2003	50019 (на 01.01.1949)	4%	Строительство участка Трансполярной железнодорожной магистрали Чум—Салехард—Игарка

Восточно-Уральский ИТЛ	1795	11390 (на 01.01.1947)	15,8%	Лесозаготовки
Южно-Кузбасский ИТЛ	1583	20272 (на 01.01.1949)	7,8%	Лесозаготовки
Северо-Уральский ИТЛ	1433	17839 (на 01.01.1948)	8%	лесозаготовки, строительство целлюлозного и гидролизного заводов
Воркутинский ИТЛ	1391	62525 (на 01.01.1948)	2,2%	Шахтное строительство, угледобыча
Усольский ИТЛ	998	25156 (на 01.01.1948)	4%	Лесозаготовки, деревообработ- ка
Московский лесозаготовительный ИТЛ (Ярославская область, город Рыбинск)	991	4426 (01.12.1945)	22,2%	Лесозаготовки
Северный железнодорожный ИТЛ	982	26599 (на 01.01.1947)	3,7%	Строительство железной дороги Котлас – Воркута Северо-

				Печорской ж. д.
Унженский ИТЛ	964	30210 (на 01.01.1950)	3,2%	Лесозаготовки
Каргопольский ИТЛ	943	21239 (на 01.01.1948)	4,4%	Лесозаготовки
Западное управление строительства и лагерей Байкало- Амурской магистрали	819	26616 (на 01.01.1948)	3,9%	Строительство Байкало- Амурской магистрали на участках Тайшет – Братск и Братск – Усть-Кут
ИТЛ Челябметал- лургстроя	812	13915 (на 01.01.1947)	5,8%	Строительство Челябинского металлурги- ческого завода
Ангарский ИТЛ	795	43591 (на 01.01.1950)	1,8%	Строительство участков Байкало- Амурской магистрали
Строительство № 865 (Свердловская область,	785	7721 (на 01.01.1947)	10%	Строительство завода по производству ядерного

рабочий посёлок Верхне- Нейвинск)				топлива в Новоуральске
Енисейстрой (станция Канск Красноярской железной дороги)	737	10993 (на 01.01.1950)	6,7%	Разработка месторождений редких и цветных металлов, строительство горнорудных и металлургическ их предприятий
Станция Кемерово Томской железной дороги (Северо- Кузбасский ИТЛ)	670	18168 (на 01.01.1950)	3,7%	Лесозаготовки
Алданский ИТЛ	660	2792 (на 01.08.1947)	23,6%	Добыча руды, геологоразвед- ка

Характерно, что наибольший вклад контингент спецлагерей внес в общую численность Московского лесозаготовительного ИТЛ, созданного в январе 1945 г., и Алданского ИТЛ, который был образован в июне 1947 г. (он составляли почти четверть всех заключенных этих лагерей), т. е. для этих мест заключения контингент из спецлагерей стали одним из основных, пополнивших данные недавно к тому времени открытые лагеря (этап в Мослеслаг был отправлен осенью 1945 г., в Алданский ИТЛ – весной 1947 г.).

В остальных же случаях, где представлены намного более крупные лагеря с количеством заключенных в десятки тысяч человек, контингент спецлагерей не вносил такого существенного вклада, не превышая 8% от общей численности заключенных. В целом приведенные выше данные показывают, что контингент спецлагерей направлялся, в основном, в ИТЛ, занятые лесозаготовками, угледобычей или строительством крупных объектов промышленности и инфраструктуры. Если лесозаготовки и угледобыча (как часть топливной промышленности) в общем объеме капитальных работ, выполняемых структурами МВД СССР в послевоенный период, не были основными отраслями производства (их объем в 1946–1950 гг. колебался от 2% до 4% и от 3% до 15% соответственно), то железнодорожное строительство в среднем составляло 21% всего объема капитальных работ (в отдельные годы – их четвертую часть)²⁷⁹. Поэтому такое распределение потоков заключенных вряд ли было случайным. Они направлялись туда, где требовалась эффективная рабочая сила, – на физически тяжелые виды работ, в основном, в «северные» лагеря с суровыми климатическими условиями, где рабочая сила нуждалась в постоянном пополнении. В этом смысле, хотя весь поток заключенных (общее число – 28051 человек), шедший из спецлагерей в лагеря системы МВД СССР, не был, конечно, определяющим в общей численности заключенных рассматриваемого периода, составлявших многие сотни тысяч человек, однако же этот поток в первые послевоенные годы был постоянным и стабильным, подпитывая отдельные отрасли «гулаговской» экономики. А в двух случаях, описанных выше, заключенные, прибывшие из Восточной Германии, во многом составили основу контингента недавно организованных лагерей. Таким образом, произведенные подсчеты по всем эшелонным спискам (включая и попавших в выборку базы данных) дают возможность в деталях понять, как именно были распределены потоки заключенных из спецлагерей.

²⁷⁹ Хлевнюк О.В. Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. / Том 3. Экономика Гулага. Отв. ред. и составитель О.В. Хлевнюк. М., 2004. С. 33–34.

Наконец, база данных позволяет увидеть еще одно измерение советского контингента в спецлагерях – это женщины-заключенные. Всего по нашей базе их число составило 207 человек, т. е. 2,6% от общей численности. Анализ распределения женщин-заключенных по статьям дает следующие результаты (таблица 10).

Таблица 10. Распределение женщин-заключенных по укрупненным категориям преступлений

Категория преступлений	Количество заключенных (чел.)	Количество заключенных (% от общего числа)
Должностные преступления	6	2,9%
Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека	5	2,42%
Имущественные преступления	4	1,93%
Преступления против общественной безопасности и порядка, против порядка управления и государственной собственности	10	5,31%
Контрреволюционные преступления	178	86%
Воинские преступления	1	0,48%
Некорректные данные	2	0,97%
Всего	183	100%

Как можно видеть, подавляющее большинство женщин было осуждено по 58-й статье УК РСФСР. Причем структура осуждений по этой статье выглядит следующим образом (таблица 11).

Таблица 11. Распределение женщин-заклученных по пунктам статьи 58 УК РСФСР

Пункт статьи 58-1	Количество заключенных (чел.)	Количество заключенных (% от общего числа)
58-1	2	1,12%
58-10	2	1,12%
58-3	1	0,56%
58-6	1	0,56%
58-2	2	1,12%
58-1a	170	95,51%
Всего	178	100%

Как и в случае с общим числом заключенных, внесенных в базу данных, в отношении женщин преобладает самый тяжкий подпункт статьи 58 – измена Родине (в двух случаях подпункт не указан). Остальные подпункты – антисоветская агитация и пропаганда, контакты с иностранным государством, шпионаж составляют очень несущественный процент в структуре осуждений по 58-й статье. Характерно при этом, что в нашей выборке среди женщин не встречается весьма ожидаемый пункт «58-1в», устанавливавший ответственность родственникам «изменника Родина». Напротив, большей частью женщин было инкриминировано самостоятельное тяжкое преступление, которое влекло за собой самые длительные сроки содержания. Об этом можно судить по следующей таблице (таблица 12).

Таблица 12. Распределение женщин-заключенных по приговорам

Приговор (сколько лет ИТЛ)	Количество женщин- заключенных (чел.)	Количество женщин- заключенных (в %)
4 месяца	2	0,97%
1	2	0,97%
1,5	2	0,97%
2	2	0,97%
2,5	1	0,48%
3	9	4,35%
5	4	1,93%
6	2	0,97%
7	9	4,35%
8	4	1,93%
10	73	35,27%
15	5 (из них 3 человека – каторжные работы)	2,42%
20	1	0,48%
25	91	43,96%
Всего	207	100%

Приговоры к заключению в диапазоне от 10 до 25 лет ИТЛ относятся к более, чем 80% всех женщин-заключенных, причем преобладают приговоры в 25 и 10 лет. 98% из женщин, приговоренных к указанным срокам, проходят по пункту «Измена Родине», и только 2% – по иным пунктам («антисоветская агитация и пропаганда» и «вооруженное восстание»).

Закономерный вопрос о причинах крайней суровости приговоров, которые выносились женщинам военными трибуналами в СЗО, не прост для разрешения на имеющемся материале. В открытых базах данных удалось найти точную информацию только о 7 женщинах, внесенных в нашу базу данных. В четырех из этих случаев их место работы на момент ареста – армейские советские подразделения в Восточной Германии (машинистка, стенографистка, вольнонаемная, переводчица), в пятом месте работы указано как «английская оккупационная зона Германии» и в последнем профессия определена как учитель музыки на дому. Еще в одном случае известно обвинение – «выехала в Румынию». Очевидно, что для советской госбезопасности любая деятельность, связанная с возможными контактами с западными зонами оккупации, могла быть подозрительной, а в условиях работы в советских оккупационных структурах такие контакты нельзя было полностью исключать. Сама по себе специфика работы за границей для советских граждан приводила, конечно, к усиленному вниманию к ним со стороны спецслужб, чьи органы пронизывали все структуры СВАГ и ГСОВГ на каждом уровне.

В заключении охарактеризуем, какую дополнительную информацию удалось найти в иных источниках о заключенных, внесенных в базу данных (в первую очередь, в общедоступных базах данных «Жертвы политического террора в СССР» и «Открытый список»). Такой поиск производился по 2034 персоналиям, осужденных по различным пунктам 58-й статьи. В итоге, с учетом уже рассмотренных женщин, была найдена дополнительная информация только о 106 заключенных (5 % от числа осужденных по 58-й статье), из них по 14 персоналиям обнаружены копии приговоров военных трибуналов в фонде Управления внутренних войск МВД СССР в Германии²⁸⁰. Как уже указывалась, сведения из указанных баз данных довольно информативны, так как содержат, как правило, дату ареста и осуждения заключенного спецлагеря. В большинстве случаев также указано место работы на момент ареста (в основном, это военнослужащие, что соответствует выделенной нами структуре осуждений). Так

²⁸⁰ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 606. Л. 2, 13, 15–16, 17, 19, 20, 26, 27, 28, 37

как найденное количество людей в открытых базах данных очень невелико, оно не позволяет делать обобщающие выводы, однако же раскрывает некоторые детали. Так, иногда за простым указанием пункта 58-й статьи, за которую был осужден человек, есть и более развернутая характеристика его «преступления». Это, например, «восхваление жизни в Германии», за которое военный служащий, рядовой стрелкового батальона, получил 10 лет лагерей по пункту 58-10; «клевета на руководство партии, мероприятия правительства по денежной реформе», за что к 25 лет лагерей по той же статье был приговорен майор медицинской службы центрального офицерского санатория СВАГ; «клевета на колхозы, печать, восхваление Германии», за что военный служащий Красной Армии получил 10 лет лагерей; «высказывание террористического намерения в отношении командования роты и батальона» – по такому обвинению 10 лет лагерей получил рядовой стрелкового полка НКВД СССР в Германии. Семь раз встречаются обвинения в попытке бежать на Запад, что влекло за собой самый длительный приговор – 25 лет – за «измену Родине».

Кроме того, в отдельных случаях удалось восстановить связь между пребыванием военного служащего в плену и его последующим осуждением (всего 70 таких случаев – из 77 всех записей в подчиненной таблице «Плен»). Во всех этих случаях заключенные, в отношении которых установлено пребывание в плену в годы войны, были осуждены по статье «измена Родине», по 11 из них в документах, размещенных в ОБД «Мемориал», есть указание на сотрудничество с врагом в годы войны, а 15 из них были репатриированы союзниками из лагерей военнопленных Западной Европы. В то же время, по косвенным признакам можно с высокой степенью вероятности предполагать, что в действительности число заключенных спецлагерей, бывших в годы войны в плену, было достаточно велико в общем количестве советских заключенных, во всяком случае, на начальном этапе. С одной стороны, наша выборка не столь репрезентативна для установления именно таких данных, так как, как уже указывалось выше, по объективным причинам был обработан только один эшелонный список 1945 года, на который приходился наиболее активный этап выявления и фильтрации бывших

военнопленных (почти все из выявленных двенадцати персоналий, попавших в пересекающиеся записи из подчиненных таблиц «Плен» и «Репрессии», были осуждены в 1945–1946 гг.). С другой стороны, информация о военнопленных, размещенная в ОБД «Мемориал» и на портале «Память народа», не позволяет с полной достоверностью идентифицировать ту или иную персоналию, зная только фамилию, имя и отчество и год рождения (в указанное выше число пересекающихся записей входят только те случаи, когда человек мог быть идентифицирован с очень высокой степенью вероятности как заключенный спецлагеря). Поскольку в учетных документах Отдела спецлагерей массово не фиксировалось, какое именно обвинение стояло за вынесенным приговором по статье 58-1, и установить это по такого рода источникам невозможно, имеет смысл обратиться к мемуарному свидетельству уже упомянутого А.М. Агафонова, находившегося в 1945–1946 гг. в заключении в спецлагере № 2 Бухенвальд. Вспоминая свое пребывание в следственной тюрьме «СМЕРШ» в Веймаре, откуда заключенные поступали в спецлагерь Бухенвальд, он писал: «Жители камеры менялись часто. В основном, это те, кто побывал в плену. По их рассказам, ни тяжелое ранение, ни контузия, ни отсутствие патронов и полное безвыходное положение, в каком они очутились по вине неподготовленности и бездарности командования, – ничто их не оправдывало. [...] Одно и тоже обвинение: «Не выполнил присяги, не пустил в себя последнюю пулю». [...] И длинные эшелоны осужденных военнопленных (виноват! – освобожденных из плена «врагов»), именуемых ныне «врагами народа», потянулись на восток... из немецкой каторги к себе на Родину, в родные лагеря. Куда-то в Магадан, на Колыму. Где это? Там, куда Макар телят не гонял, – у черта на куличиках»²⁸¹. Отметим, что А.М. Агафонов как мемуарист весьма точен в описании тех фактов, которые возможно проверить – в воспоминаниях, написанных спустя много десятилетий после описанных событий, он безошибочно называет фамилии сотрудников спецлагеря, с которыми он сталкивался, и начальника Отдела спецлагерей М.Е. Свиридова, как-то бывшего в лагере с проверкой.

²⁸¹ Агафонов (Глянцев) А.М. Указ. соч. С. 397–398.

Еще один уже упомянутый мемуарист, Иван Иванович Шалай (он попал в нашу базу данных), юношей участвовавший в годы войны в партизанском движении на территории оккупированной Белорусской ССР и оказавшийся в немецком плену, оставил в своих воспоминаниях сходное описание «коллективного портрета» заключенных транзитной тюрьмы в спецлагере № 10 Торгау в 1946–1947 г.: «[...] Не победителями, а узниками вернулись на Родину бойцы отрядов Сопротивления Франции, Италии, Бельгии, Норвегии, Польши, Чехословакии. Были среди осужденных и наши военнопленные, освобожденные союзниками при открытии второго фронта в Западной Европе – те, кто добровольцами сражались в армиях союзников. Пушечное мясо больше не требовалось. Возвращались изменниками Родины, разоблаченными врагами народа [...] и статья у всех одна – 58-1б, и адрес общий: ГУЛАГ»²⁸². И.И. Шалай вспоминал и об организации этапирования (он попал в эшелон, сформированный 30 мая 1947 г., направленный в Алданский ИТЛ): «[...] в дальнюю дорогу уже были готовы шестнадцать товарных вагонов. Распахнули огромные двери, обитые колючек проволокой, и по пять человек загоняли внутрь. Первые десять заключенных заняли нары по левую сторону, другая партия устраивалась на полу под ними. Следующие двадцать на противоположной стороне вагона. Постельного белья – никакого, вместо подушки – кулачок под голову. Один из шестнадцати вагонов занимала охрана. Сформированный состав – вертушка – из шестисот заключенных²⁸³ к вечеру был готов к этапу»²⁸⁴.

В целом, как представляется, результаты поиска дополнительной информации о внесенных в базу данных «политических» заключенных в открытых источниках – базах данных жертв политического террора – можно признать достаточно удачными, несмотря на скромный объем выявленной информации, оказавшейся, тем не менее, довольно содержательной. Небольшой процент найденных персоналий во многом объясняется самим установленным

²⁸² Шалай И.И. Указ. соч. С. 153.

²⁸³ И.И. Шалай здесь достаточно точен – этот эшелонный список состоит из 660 человек.

²⁸⁴ Шалай И.И. Указ. соч. С. 155.

нами на основе анализа базы данных характером выносимых приговоров. С одной стороны, так как преобладали тяжкие осуждения за государственную измену, существенная часть персоналий, осужденных по этом обвинению, могла быть позднее не реабилитирована, а, значит, не попала в соответствующие источники составления баз данных репрессированных. С другой стороны, это демонстрирует некоторую ограниченность такого подхода к составлению баз данных репрессированных, в результате которого существенные объемы информации об осужденных по различным пунктам 58-й статьи, в том числе и о нереабilitированных, вообще не попадают в открытые базы данных.

Однако же с точки зрения установления биографических сведений об отдельных заключенных такого рода поиск не лишен смысла. Например, среди внесённых в базу данных заключённых оказался Леонид Александрович Самутин (1915–1987) – известный мемуарист, автор воспоминаний о своем участии во «власовском движении»²⁸⁵, впоследствии – видный критик деятельности писателя А.И. Солженицына. Совокупность информации, внесенной о нем в базу данных, в том числе и найденной на ресурсе ОБД «Мемориал», позволяет более точно и достоверно восстановить некоторые детали его биографии, связанные с пленением и содержанием в спецлагере (в упомянутых мемуарах Л.А. Самутин ничего не пишет о своем пребывании в спецлагере № 10 Торгау в 1946 г.).

Еще один из заключенных, попавших в нашу базу данных, лейтенант Красной Армии Николай Иванович Бондаренко (1918 года рождения) как обнаружилось, впоследствии оставил описание своих впечатлений о пребывании в спецлагере № 7 Заксенхаузен. Н.И. Бондаренко, проходивший службу в Группе советских оккупационных войск в Германии, был осужден 15 июля 1946 г. военным трибуналом за перепродажу аккордеонов по спекулятивным ценам на 5 лет лагерей, а в декабре того же года бежал из спецлагеря²⁸⁶. После того, как он был найден и снова помещен в спецлагерь, его приговорили дополнительно по

²⁸⁵ Самутин Л.А. Я был власовцем... СПб., 2002.

²⁸⁶ РГВА. Ф. 32915. Оп. 1. Д. 54. Л. 141.

статьям 58-1а и 58-10 к 10 годам лагерей²⁸⁷. Он был отправлен из спецлагеря № 10 для отбывания наказания в Алданский ИТЛ. В своем письме из лагеря родным в 1950 г. (очевидно, не дошедшем до адресата), фрагменты из которого приведены в надзорном деле Генеральной прокуратуры СССР, куда Н.И. Бондаренко обратился в 1962 г. с ходатайством о пересмотре дела и реабилитации, он так писал о спецлагере Заксенхаузен: «Это была действительно мощная машина истребления человечества, которая в руках МВД работала четко, чисто и размеренно. Каждую ночь после отбоя большой дизель с прицепом, таким же огромным, через верх забитые трупами, подтаскивали к крематорию. В лагере царил невыносимый произвол, пытки, мучения и издевательства, существовал страшный самосуд за малейший проступок. Охрана была подобрана исключительно из предателей и изменников родины. Они явно и органически ненавидели советскую власть и фронтовиков, воевавших за родину»²⁸⁸. Это свидетельство уникально, во-первых, тем, что оставлено советским гражданином, находившимся в спецлагере Заксенхаузен, а во-вторых, упоминанием факта работы крематория в спецлагере. С учетом того периода времени, когда там находился Н.И. Бондаренко (а это осень – зима 1946 г., на которую пришлась рекордная смертность среди заключенных), это свидетельство звучит достаточно правдоподобно.

Таким образом, анализ базы данных позволил выявить наиболее существенные характеристики советского контингента спецлагерей. Были выявлены возрастные, национальные, гендерные характеристики контингента, а также характер их распределения по преступлениям. Это были по преимуществу военнослужащие советских воинских подразделений, находившихся на территории СЗО, что определило преобладание двух крупнейших групп приговоров, – по статьям УК РСФСР, относящихся к воинским преступлениям, и по «политической» 58-й статье. Это был, в основном, молодой по возрасту

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 92599. Л. 6.

²⁸⁸ Там же. Л. 14об–15. О биографии Н.И. Бондаренко см. также: *Петров Н.В.* Иван Серов – председатель КГБ. С. 114, 601, 602.

контингент, в отношении которого спецлагеря выступали в первую очередь как места временного содержания и накопления для последующего вывоза на работы в лагеря НКВД/МВД СССР. Все заключенные, внесенные в базу данных, вывозились или из тюрьмы № 7 Франкфурт-на-Одере или (после 1945 г.) – из спецлагеря № 10 Торгау. Это далеко не всегда означает, что именно эти лагеря «специализировались» на содержании советских заключённых – среди таковых, как уже отмечалось выше, были лагеря Заксенхаузен и Фюрстенвальде. Более вероятно, что заключенные перед этапированием в СССР свозились в эти лагеря как в сборные пункты, так как Торгау и Франкфурт-на-Одере находились достаточно близко к границе с Польшей. Роль этих контингентов в «гулаговской» экономике хотя и была невелика, но сам факт наличия постоянных потоков заключенных, идущих на стройки и объекты ГУЛАГа из спецлагерей, говорит о востребованности этих заключенных в качестве рабочей силы в самых отдаленных ИТЛ.

Интересно, что полученная нами характеристика советского контингента очень близка к описанию, которое дал в своих воспоминаниях прошедший через спецлагерь в Торгау осужденный на 25 лет уже упоминавшийся бывший военный переводчик из аппарата СВАГ В.Л. Тальми (он попал в нашу базу данных). Описывая свое этапирование из Германии в СССР для отбытия наказания весной 1948 г., он писал: «Почти все в нашем вагоне были бывшими военнослужащими, от рядового до полковника медицинской службы. Приговоры были от 3 до 25 лет, за преступления от мелкой кражи и самовольной отлучки до «измены родине» и «антисоветской агитации». «Измена Родине» могла включать все что угодно, от службы во власовской армии, полицаем на оккупированной территории или охранником в концлагере для военнопленных или просто на оккупированной территории и даже за «сожитительство с немкой». Были у нас в вагоне три «вора в законе» [...] Они шли следом за Красной Армией через Польшу и Германию, занимаясь своей профессией – воровством. На этом их поймали, но по советским законам обвинили в «незаконном переходе границы» и соответственно, в «измене

родине» – статья 58-1а, за что они получили по 25 лет»²⁸⁹. Показательно, что такому весьма редкому мемуарному свидетельству оказались очень близки результаты анализа базы данных в отношении общей характеристики советского контингента спецлагерей.

²⁸⁹ *Тальми В.Л.* Указ. соч. С. 112–113.

ГЛАВА 6. КАДРОВЫЙ СОСТАВ СПЕЦЛАГЕРЕЙ

§ 6.1. Общая характеристика кадров

Специфика функционирования спецлагерей на оккупированной территории и само неоднозначное положение Отдела спецлагерей в системе советских органов внутренних дел обусловили набор кадров в спецлагеря из военных и чекистских структур.

Все руководящие должности в Отделе и в самих спецлагерях занимали присылаемые из Отдела (с 1947 г. – Управления) кадров НКВД/МВД СССР офицеры. Согласно приказу НКВД СССР № 00461 от 10 мая 1945 г., комплектование кадрами спецлагерей и тюрем осуществлялось «за счет сотрудников и офицеров, находящихся в распоряжении уполномоченных НКВД СССР по фронтам, и офицеров, получаемых от штабов фронтов». Подбором этих офицеров занимался заместитель Л.П. Берии и начальник Отдела кадров НКВД СССР Б.П. Обручников²⁹⁰. Также в спецлагеря направлялись сотрудники Управления контрразведки «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта, освобождавшиеся от работы по трудовой мобилизации немецкого населения в период с февраля по апрель 1945 г.²⁹¹

Внутреннюю охрану лагерей обеспечивали солдаты и сержанты срочной службы (также преимущественно из запасных полков 1-го Белорусского фронта) и вольнонаемные²⁹², внешнюю – изначально конвойные войска НКВД СССР. С мая 1946 г. эти функции были переданы пограничным (стрелковым) полкам внутренних войск НКВД/МВД СССР, с января 1947 г. перешедших в ведение МГБ СССР. Тогда существовавшие на тот момент 8 спецлагерей и 2 тюрьмы были приняты 38-м стрелковым полком под охрану от 322-го полка конвойных

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 22–23.

²⁹¹ Докладная записка начальника отделения кадров Отдела спецлагерей П.Г. Цыганова начальнику Отдела спецлагерей В.П. Соколову от 2 апреля 1950 г. // ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.

²⁹² Там же.

войск (на основании телеграфного распоряжения заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника А.Н. Аполлонова)²⁹³. С этого времени именно стрелковые полки внутренних войск в Германии осуществляли конвоирование заключенных спецлагерей в пределах СЗО, а также до железнодорожной станции Брест при этапировании заключенных на территорию СССР. Схему дислокации частей внутренних войск МВД СССР на территории СЗО по состоянию на 26 сентября 1946 г. см. в *Приложении 15*.

Временные штаты Отдела были утверждены только в январе 1946 г. наркомом внутренних дел СССР С.Н. Кругловым (до этого действовали штаты управления лагерей при уполномоченном НКВД по фронту, определенные приказом НКВД СССР № 00461 от 10 мая 1945 г.). Согласно новым штатам, руководящие должности Отдела были представлены начальником и его заместителем²⁹⁴ с приданным им секретариатом. Отдел делился на отделения – учётное, кадровое, оперативное, административно-хозяйственное, санитарное, финансовое, в каждое из которых назначался начальник и подчиненные ему заместители и сотрудники. Также в Отдел входили вахтёрская команда во главе с комендантом и транспортная группа. Всего в Отделе было предусмотрено 38 штатных единиц. Аналогичные штаты с таким же набором отделений (групп) были введены и в самих спецлагерях и тюрьмах (113 и 26 штатных единиц соответственно)²⁹⁵. Н.Т. Цикляев в своей докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову от 14 апреля 1948 г. констатировал, что «штат, утвержденный в 1946 г. для спецлагерей, разработан непродуманно, не предусмотрен ряд должностей, без которых невозможно работать. Ни в Отделе, ни в спецлагерях нет работников режима и охраны, не предусмотрен шоферский состав [...] Отсутствие в штате политработников отрицательно сказывается на воспитании рядового и сержантского состава надзирательской службы, за 1947 г.

²⁹³ РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 134. Л. 156.

²⁹⁴ Весь период существования лагерей эту должность занимал майор Петр Никифорович Казюлин (*Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 927).

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 178. Л. 57–62.

60% этого состава получили дисциплинарные взыскания за пьянки, связь с немцами, сон на посту, хищения и т. д.»²⁹⁶.

Следует отметить, что никогда за весь период существования спецлагерей штаты не были полностью укомплектованы – недостаток кадров, в особенности врачей, политработников, сотрудников хозяйственных, учётных отделений и отделений охраны и режима, станет на годы одной из основных проблем функционирования спецлагерей²⁹⁷. В 1950 г. в докладной записке В.П. Соколова министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову был приведен общий показатель некомплекта кадров за все пять лет – 24,9%²⁹⁸ (четверть всего штатного наполнения).

В августе 1948 г., после передачи спецлагерей в подчинение ГУЛАГу, приказом МВД СССР № 00959 были утверждены новые штаты Отдела и спецлагерей²⁹⁹. В Отделе было предусмотрено 58 штатных единиц. Отделения охраны и учета были объединены в единое отделение охраны, режима и учета. В спецлагерях группы были переименованы также в отделения, в них вводились должности заместителя начальника лагеря по политработе и инструктора политаппарата. В каждом лагере были предусмотрены 242 штатные единицы, из них 44 офицера и 198 надзирателей и вольнонаемных, всего в Отделе и спецлагерях – 784 сотрудника. Таким образом, по сравнению со штатами 1946 г. предусматривалось значительное увеличение комплектования кадрами спецлагерей. Таковы были общие изменения в штатном наполнении спецлагерей и в их кадровой структуре.

Кратко охарактеризуем то, как осуществлялось руководство спецлагерями. Начальник Отдела спецлагерей непосредственно руководил ими через рассылку начальникам спецлагерей приказов, указаний и распоряжений, касавшихся всех аспектов работы, зачастую минуя заместителя и начальников отделений.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 170.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 43. Л. 51; см. также докладную записку Н.Т. Цикляева начальнику Политуправления СВАГ генерал-майору А.Г. Руссову от 3 февраля 1949 г. (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 92).

²⁹⁸ Специальные лагеря. С. 178.

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 274. Л. 3–8.

Поскольку у начальника Отдела сосредотачивались все рычаги управления спецлагерями, от него во многом зависели и весь характер работы, и эффективность реализации многочисленных директив руководства НКВД/МВД СССР, и сложное взаимодействие с оккупационными структурами, функционировавшими на территории СЗО. Поэтому биографии начальников Отдела представляют собой определенный интерес с точки зрения изучения особенностей функционирования спецлагерей.

Первым начальником Отдела спецлагерей в мае 1945 г. был назначен полковник Михаил Евдокимович Свиридов (1901–1969), выходец из Главного управления пограничных войск НКВД СССР³⁰⁰. М.Е. Свиридов служил в войсках ОГПУ с 1925 г. и сделал карьеру по «политическому» направлению – от помощника коменданта погранотряда по политчасти до начальника политотдела дивизии войск НКВД СССР. В его служебном багаже сочетался опыт политработника и офицера войск НКВД по охране особо важных объектов промышленности, что, по-видимому, определило его назначение на должность руководителя крупными местами заключения на оккупированной территории вне СССР. В спецлагерях на М.Е. Свиридова легли обязанности по созданию лагерной сети, организации первых лагерей, налаживанию работы всех подразделений Отдела и самих спецлагерей. Это был начальный этап истории спецлагерей, период наибольшего размаха их деятельности по количеству заключенных.

В июне 1947 г. М.Е. Свиридова на должности начальника Отдела сменил кадровый чекист полковник Николай Тимофеевич Цикляев (1905–1983)³⁰¹. До этого он занимал должность заместителя начальника УНКВД/УМВД по Ставропольскому краю. Будучи инженером с высшим образованием и занимая должность заместителя заведующего промышленным отделом Калининского обкома ВКП(б), в январе 1939 г., после короткого обучения на курсах при

³⁰⁰ Его биографию см. в: *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 666.

³⁰¹ Его биографию см. в: *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 789–790.

Центральной школе НКВД СССР, Н.Т. Цикляев сразу занял высокую должность заместителя начальника Управления НКВД по Куйбышевской области, что было характерно для этого времени, когда многие руководители территориальных управлений НКВД были репрессированы в годы «Большого террора». Таким образом, Н.Т. Цикляев был именно чекистом, но не обладал опытом организации и руководства мест заключения. Он принял спецлагеря уже в несколько «урезанном» виде, когда часть из них была закрыта, и во время его руководства этот процесс продолжался – вместе с процессом постепенного освобождения определенных категорий заключенных. Однако эффективно перестроить работу спецлагерей ему скорее не удалось.

В апреле 1949 г. был назначен последний начальник Отдела спецлагерей – полковник Владимир Павлович Соколов (1903–1969)³⁰², занимавший эту должность до апреля 1950 г. По определению В.А. Козлова, В.П. Соколов был «гулаговским профессионалом»³⁰³. До назначения в Германию В.П. Соколов возглавлял Отдел исправительно-трудовых колоний УНКВД по Смоленской области, начинал же карьеру в органах милиции на Вологодчине в 1927 г. Передача спецлагерей в ведение ГУЛАГа, предполагавшая соответствующую «перестройку» деятельности лагерей, требовала руководителя, имевшего опыт работы в лагерной системе. В связи со стремительными изменениями, произошедшими в сталинской лагерной политике в Германии в 1948–1949 гг., на В.П. Соколова была возложена обязанность по организации освобождения и передачи контингента и подготовки спецлагерей к закрытию. В этом смысле его «гулаговский» опыт остался скорее нереализованным.

Таким образом, проанализированные биографические сведения свидетельствуют о том, что руководители Отдела спецлагерей являлись выходцами их различных структур советских органов внутренних дел, что можно

³⁰² Его биографию см. в: *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 701.

³⁰³ *Козлов В.А.* Советская администрация и личный состав спецлагерей. С. 348.

объяснить особенностями каждого из этапов истории спецлагерей, когда они назначались на должность.

§ 6.2. Руководящий кадровый состав спецлагерей: анализ базы данных

Созданная в рамках исследования реляционная база данных, содержащая сведения о 80-ти сотрудниках спецлагерей, позволяет судить о принципах пополнения руководящего кадрового состава спецлагерей, их ведомственном происхождении, а также о том, как складывалось служебное продвижение того или иного офицера в период работы в системе спецлагерей.

Под ведомственным происхождением сотрудника спецлагеря понимается та структура, из которой он был переведён на службу в спецлагерь. Как показали подсчёты, в процентном соотношении среди мест предыдущей службы преобладало НКВД/МВД СССР (54% от всех внесенных в базу сотрудников), на втором месте находилась действующая армия (32%), на третьем – подразделения военной контрразведки «СМЕРШ» (14%). В случае НКВД это могли быть различные места службы – войска НКВД, лагеря для военнопленных или фронтовые лагеря, оперативные группы при Уполномоченном НКВД СССР в Германии, территориальные органы НКВД СССР. В среднем стаж работы в органах НКВД/МВД СССР на момент поступления на службу в спецлагерь у этих людей составлял 11 лет. Внушительный стаж службы в данном ведомстве – 20 лет и более – имело всего 8 персоналий (или 19% от всех сотрудников – выходцев из НКВД/МВД СССР). Из них двое (М.Е. Свиридов и В.П. Соколов) были начальниками Отдела спецлагерей, пятеро (С.И. Казаков, П.Н. Селезнев, Г.Г. Никитин, Г.И. Дроздов, Н.Л. Середенко) – начальниками спецлагерей и только И.Л. Скворцов занимал более низкую должность начальника учетного отделения (с 1948 г. – отделения учета, охраны и режима) Отдела спецлагерей. Большинство из тех, чей стаж составлял от 10 до 20 лет (41%), также составляли начальники и заместители начальников спецлагерей и тюрем. Оставшиеся персоналии (40%) со стажем до 10 лет занимали, в основном, должности

начальников и заместителей начальников отделений спецлагерей, за исключением Н.Т. Цикляева, чей чекистский стаж составлял 9 лет

Как показывают обобщённые данные, в зависимости от даты начала службы в системе спецлагерей ведомственное соотношение несколько меняется (таблица 13)

Таблица 13. Ведомственное происхождение сотрудников спецлагерей (по годам)

Год поступления на службу в спецлагеря	Количество сотрудников	Из НКВД/МВД	Из Красной Армии	Из «СМЕРШ» (ликв. 05.1946)
1945	46	29 (63%)	7 (16%)	10 (21%)
1946	19	4 (21%)	14 (74%)	1 (5%)
1947	5	2 (40%)	3 (60%)	0
1948	7	7 (100%)	0	0
1949	3	1 (33%)	2 (67%)	0
Всего поступило	80	43 (54%)	26 (32%)	11 (14%)

При общем преобладании кадров из НКВД/МВД СССР, для каждого года поступления на службу в спецлагеря есть свои особенности. В 1945 г. более 20% руководящих кадров поступило из различных подразделений контрразведки «СМЕРШ», причем во всех десяти случаях это сотрудники Отдела контрразведки «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта, в полосе действия которого сначала организовывались прифронтовые спецлагеря для трудовой мобилизации немцев, а позже и сами спецлагеря НКВД СССР. Если посмотреть, какие должности занимали офицеры «СМЕРШ» в спецлагерях, обнаружится, что это, в основном, средние позиции среди руководящего состава – заместители начальников

спецлагерей и тюрем и начальники отделений, и только один из них, капитан Н.И. Чумаченко, стал сначала начальником спецлагеря № 10 Вернойхен, а с июня 1945 г. возглавил спецлагерь № 3 Хоэншёнхаузен в Берлине. Будучи беспартийным, Н.И. Чумаченко не смог надолго удержаться на руководящей позиции и в декабре 1945 г. был снят с должности распоряжением И.А. Серова «за побег арестованных и систематическое пьянство с подчиненными»³⁰⁴.

Практически все должности начальников спецлагерей в 1945 г. заняли выходцы из НКВД СССР, причем, в основном, это были бывшие руководящие сотрудники лагерей для военнопленных на территории СССР или прифронтовых лагерей и тюрем. Так, начальником спецлагеря № 1 (Рембертув, Швибус, Мюльберг) стал бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 356 (Таганрог) майор Н.П. Сазиков, а его заместителем – бывший начальник лагерного пункта лагеря для военнопленных № 1 (Куйбышев) майор А.И. Гостев; начальником спецлагеря № 3 в Берлине (до Н.И. Чумаченко) – бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 190 (Владимир) майор Т.И. Сморода; начальником спецлагеря № 6 (Франкфурт-на-Одере, Ямлиц) – майор (с 1946 г. – подполковник) П.Н. Селезнев, бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 48 (Чернцы) по политчасти; начальником спецлагеря № 7 (Вернойхен, Заксенхаузен) – бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 188 (Тамбов) майор госбезопасности А.М. Костюхин; начальником спецлагеря № 8 (Шнайдемюль, Торгау) – бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 160 (Суздаль) майор Г.В. Лаврентьев; начальником спецлагеря № 4 в Ландсберге (позднее спецлагеря № 10 в Торгау) – бывший начальник лагеря для военнопленных № 193 (Сокол) майор Г.Г. Никитин; начальником тюрьмы-лагеря № 7 Франкфурт-на-Одере – бывший заместитель начальника лагеря № 200 для военнопленных (Алапаевск) подполковник Н.Л. Середенко. Поскольку перечисленные спецлагеря являлись наиболее крупными по численности контингента, в них назначались офицеры НКВД СССР, имевшие опыт работы в системе лагерей для военнопленных,

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 131. Л. 104–105.

которая была наиболее близка спецлагерям по характеру деятельности и своей организации.

Исключение составили несколько руководителей. Это начальник спецлагеря № 2 (Познань, Бухенвальд) майор Ф.Я. Матусков, участвовавший в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны в составе войск НКВД СССР и проработавший с февраля по май 1945 г. начальником лагеря НКВД для мобилизованных немцев при 1-м Белорусском фронте (а в мае – июне того же года – начальником спецлагеря во Франкфурт-на-Одере). Его опыт был по преимуществу военный, а не лагерный, однако он почти два года руководил спецлагерем № 2 Бухенвальд. Начальником спецлагеря № 5 (Фюрстенвальде) стал сотрудник центрального аппарата Главного управления пограничных войск НКВД СССР, оперуполномоченный 3-го отделения 1-го Отдела ГУПВ майор К.П. Андреев³⁰⁵, а спецлагеря № 9 (Ной-Бранденбург) – бывший командир 22-й дивизии войск НКВД СССР по охране железных дорог полковник П.А. Шаров. Также только один из назначенных начальников происходил из структур ГУЛАГа – это начальник спецлагеря № 4 Баутцен подполковник С.И. Казаков, возглавлявший до этого продовольственное отделение Управления снабжения ГУЛАГа НКВД СССР.

Офицеры действующей армии, как показывает база данных, занимали, в основном, должности заместителей начальников и начальников отделений спецлагерей.

После 1945 г., как можно видеть из приведенной выше таблицы 13, источники пополнения кадров спецлагерей несколько меняются в соотношении

³⁰⁵ В 1949 г. начальник оперативного отделения спецлагеря № 2 П.А. Ратьков предлагал начальнику оперативного отделения Отдела спецлагерей П.Ф. Капранову завести на К.П. Андреева дело-формуляр «Самодур». П.А. Ратьков докладывал об установленных в отношении К.П. Андреева фактах о «расхищении имущества, грубого отношения к личному составу» и о том, что тот «высказывал мысли, идущие на компрометацию руководителей партии и правительства» (*Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 120). В рапорте Н.Т. Цикляева С.Н. Круглову о К.П. Андрееве докладывалось, что он «в силу своего характера и болезненного состояния крайне груб и не выдержан с личным составом, настолько восстановил против себя коллектив, что оставлять дальше в руководстве лагерем невозможно» (ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 152).

между собой. Практически прекращается назначение сотрудников из структур «СМЕРШ» (ликвидирован в мае 1946 г.). Существенная часть новых сотрудников в 1946 г. происходила из действующей армии. Они занимали должности не выше начальника отделений спецлагерей – в основном, хозяйственного и финансового, реже – оперативного и санитарного (в случае военных врачей). В условиях постоянного кадрового дефицита и недостатка сотрудников из числа офицеров НКВД СССР (широко задействованных как на огромных территориях, попавших после войны в сферу влияния СССР, так и в многочисленных лагерях военнопленных и всё разрастающихся по численности заключенных лагерях ГУЛАГа) приходилось пополнять спецлагеря офицерами армейских соединений, дислоцировавшихся на территории СЗО. Это свидетельствует об определенной специфике спецлагерей в отношении принципов их кадрового наполнения, а также о некоторой непродуманности их организации при наличии крупных потоков поступающих туда заключенных.

Характерно, что в 1948 г., когда шел процесс постепенного переподчинения спецлагерей ГУЛАГу, на работу в них были направлены новые сотрудники, в основном, из лагерей для военнопленных. Они заняли должности начальников отделений спецлагерей, а также руководящие посты в Отделе спецлагерей, что было нехарактерно для назначенцев из армейских структур. А один из них, майор Г.И. Дроздов, бывший заместитель начальника лагеря для военнопленных № 511 (Рубцовск) стал начальником спецлагеря № 9 Нойбранденбург, в чем проявился всё тот же принцип назначения на высшие позиции сотрудников МВД СССР, ранее работавших в лагерях для военнопленных.

Если проанализировать кадровый состав с точки зрения партийности, то можно увидеть, что членство в партии было более характерно для сотрудников спецлагерей, занимавших высокие должностные позиции. В партии состояли все начальники спецлагерей и тюрем (кроме упомянутого ранее Н.И. Чумаченко). Причем если средний партийный стаж всех внесенных в базу сотрудников спецлагерей, включая и нулевой стаж у беспартийных или кандидатов в члены партии, составлял 4 года (всего такая информация есть о 70-ти персоналиях), то

для начальников Отдела и начальников спецлагерей он был уже 16,5 лет. Таким образом, партийность и партийный стаж были важными факторами в служебном положении и продвижении офицеров спецлагерей.

При изучении документации Отдела спецлагерей по личному составу обнаружилось, что по некоторым из внесенных в базу данных сотрудникам начальник Отдела Н.Т. Цикляев собирал (через оперативное отделение Отдела) и направлял руководству МВД СССР «компрометирующие сведения», в которых отражаются некоторые аспекты «морально-бытового разложения» офицеров спецлагерей³⁰⁶. Например, лейтенант С.Г. Константинов, комендант Отдела, поступивший на службу в спецлагерь из действующей армии через Управление контрразведки «СМЕРШ» 1-го Белорусского фронта, «систематически пьет и сожительствует с немками»³⁰⁷. Начальник хозяйственной группы спецлагеря № 1 (Мюльберг) старший лейтенант И.И. Нелюбин, также бывший армейский офицер, имел «связь с заключенными в корыстных целях»³⁰⁸. Капитан Е.П. Деменев, начальник группы режима спецлагеря № 9 (ранее – заместитель командира батальона во внутренних войсках НКВД), «систематически пьет, обманным путем ввез в Германию жену и сожительницу, недисциплинирован и крайне груб»³⁰⁹. Начальник группы режима спецлагеря № 4 (Баутцен) лейтенант М.В. Александров (до этого – командир минометной батареи в войсках Красной Армии), «сожительствовал с немками, в 1946 г. содействовал письменной связи заключенного с женой, за что получил взятку – аккордеон»³¹⁰. В январе 1947 г. был снят с должности начальника спецлагеря № 1 Мюльберг капитан Н.И. Самойлов за то, что «военнослужащие спецлагеря ездили в пьяном виде в немецкую деревню, зашли в немецкий клуб, учинили драку с немцами»³¹¹. Приказом В.П. Соколова от 15 октября 1949 г. «за моральное разложение, недисциплинированность, систематическое пьянство, саботаж, выразившийся в

³⁰⁶ Различные стороны этого явления подробно описаны в: *Сидоркин А.И.* Указ. соч. С. 375–379.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 151.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 151.

³¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 10. Л. 27–28.

отказе выполнять полученную работу, и за подозрительную связь с немецким населением» был снят с должности и выдворен в СССР бывший начальник санитарного отделения спецлагеря № 1, пониженный ранее до врача санитарной части этого же лагеря, капитан П.С. Долгалев³¹². Указания на пьянство постоянно встречаются в отношении сотрудников спецлагерей всех уровней. По-видимому, для бывших военнослужащих действующей армии, прошедших войну и оставленных на неопределенное время на службе в Германии в спецлагерях, положение было особенно тяжелым и ни о какой заинтересованности в своей службе с их стороны речи не шло.

Не обошли стороной офицеров руководящего состава спецлагерей и довольно характерная для советских служащих в оккупированной Германии жажда наживы путем незаконного приобретения трофейного имущества, а также коррупционные проявления. В августе 1946 г. был снят с должности начальника спецлагеря № 10 в Торгау Г.Г. Никитин за то, что «разбазарил имущество лагеря при его переезде, а также сожительствовал с полькой, незаконно оформив ей документы, отправил в Польшу машину с мебелью и 50 кг серебра, которая была задержана на границе»³¹³. В июне 1947 г. было проведено служебное расследование по факту халатного отношения к служебным обязанностям начальника спецлагеря № 6 Ямлиц П.Н. Селезнева, в результате чего произошла утрата ценностей спецконтингента. С Селезнева был взыскана сумма в размере «1707 марок 7 пфеннигов»³¹⁴.

В 1948 г. военная прокуратура внутренних войск МГБ СССР в Германии проводила проверку хозяйственной и финансовой деятельности спецлагеря № 9, в результате которой было установлено, что начальником лагеря подполковником В.С. Шмейсом и его подчиненными-хозяйственниками «разбазарено значительное количество продовольствия, мерного материала и кож. товаров». «Разбазаривание» заключалось в том, что В.С. Шмейс незаконно выдавал

³¹² ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 53. Л. 98.

³¹³ Петров Н.В. Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 554.

³¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 77. Л. 32–33.

руководящим сотрудникам Отдела спецлагерей большие партии продовольственных товаров, в частности начальнику Отдела М.Е. Свиридову в 1946 г. было выдано «масло сливочного 50 кг, сала 20 кг, меда 12 кг, колбасы 20 кг, сыра 60 кг, сахара 150 кг, муки 150 кг и др.», при этом М.Е. Свиридов еще и незаконно уничтожил приходно-расходные документы Отдела спецлагерей³¹⁵. Ко времени прокурорской проверки он уже убыл на другое место службы в СССР и не понес какого-либо наказания, а В.С. Шмейс был лишь отстранен от должности начальника лагеря с откомандированием в СССР³¹⁶, при этом материалы расследования на него были отправлены И.А. Серову³¹⁷. Каких-либо серьезных последствий для В.С. Шмейса это расследование не имело – вплоть до выхода на пенсию в 1954 г. он работал начальником лагерного отделения и директором судовой верфи в Иркутской области³¹⁸.

В спецлагере № 2 Бухенвальд «по сговору между военнослужащими и заключенными из дезинфекционной камеры лазарета похищались вещи умерших, затем их перешивали в пошивочной и сапожных мастерских». Оттуда вещи поступали на «черный лагерный рынок, где между охраной и заключенными обменивались на товары и ценности»³¹⁹.

Как видно из представленного анализа, кадровое наполнение руководящего состава спецлагерей было неоднородным. Оно формировалось как из структур НКВД/МВД СССР, так и из подразделений контрразведки «СМЕРШ» и сугубо армейских структур. Одна из выявленных закономерностей показывает, что выходцы из управлений НКВД/МВД СССР с большим стажем работы в это ведомстве чаще занимали руководящие должности начальников и заместителей спецлагерей, «смершевские» и армейские офицеры – более низкие позиции.

Наряду с этим, при постоянном дефиците профильных кадров из НКВД/МВД СССР на работу туда приходилось привлекать людей, не имевших

³¹⁵ РГВА. Ф. 39016. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

³¹⁶ См. приказ начальника Отдела спецлагерей № 5 от 5 марта 1948 г.: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 15. Л. 14.

³¹⁷ РГВА. Ф. 39016. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

³¹⁸ *Петров Н.В.* Кто служил в советских органах госбезопасности в Германии. С. 833.

³¹⁹ *Сидоркин А.И.* Указ. соч. С. 378.

никакого служебного чекистского или лагерного опыта. Так, в 1945 г. это были как сотрудники контрразведки «СМЕРШ», широко представленные в войсках наступавшей Красной Армии, так и непосредственно армейские офицеры. Уже с 1946 г. наполнение непрофильными кадрами происходило почти исключительно из рядов действующей армии.

После достаточно крупного наполнения штатов руководящих работников спецлагерей в 1945 г. (на этапе их создания) профильными назначенцами из НКВД СССР дальнейшая численность таких пополнений, как показывает база данных, продолжала оставаться крайне незначительной. Пополнение штатов в 1947–1948 гг. профильными работниками лагерей для военнопленных не смогло решить часто отмечавшуюся в докладах руководства Отдела спецлагерей проблемы низкого уровня дисциплины, незаинтересованности работников в своей службе, а также общего некомплекта штатов. Например, в апреле 1948 г. Н.Т. Цикляев в рапорте С.Н. Круглову сообщал об имеющемся «штатном некомплекте» личного состава спецлагерей при том, что «подлежат замене разложившиеся и скомпрометированные 20 офицеров, по семейным обстоятельствам, болезням и несоответствию – 25 офицеров и репатриантов 13 человек»³²⁰. Изученные архивные документы явственно подтверждают имевшую место хроническую недоукомплектованность штатов спецлагерей, усугубляемую не разрешающимися много лет проблемами служебного несоответствия части офицеров.

Таким образом, применение методов и технологий баз данных позволило аккумулировать и структурировать информацию по кадровому составу спецлагерей из массива различных источников. Созданная база данных позволила выявить общие и конкретные сущностные характеристики руководящего кадрового состава в их динамике. В этих характеристиках отразились как особенности создания и укомплектования спецлагерей в специфических условиях на оккупированной территории, где активно действовали советские армейские и чекистские подразделения, так и те кризисные явления, которые сопровождали

³²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 2. Д. 22. Л. 176.

систему спецлагерей на протяжении всего периода ее существования: постоянная институциональная неопределенность; перегруженность контингентом; низкое качество кадров, проистекавшее из незаинтересованности сотрудников спецлагерей в службе, ощущения приниженности своего положения по сравнению с другими сотрудниками Советской военной администрации в Германии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Спецлагеря, возникшие на занятой советскими войсками территории поверженного Третьего Рейха в 1945 г. и просуществовавшие до марта 1950 г., оставили существенный след и в процессах построения восточногерманского государства, проходившего при жёстком контроле советских оккупационных властей над общественно-политической жизнью в СЗО, и в судьбах десятков тысяч немецких и советских граждан, содержащихся в них в разном качестве (интернированных и осужденных). С самого начала своего существования не войдя в устойчивые советские структуры НКВД/НКГБ СССР, спецлагеря и управляющий ими Отдел, расположившийся в Берлине, заняли неясное и несколько двусмысленное положение в системе Советской военной администрации, что отрицательно сказывалось на функционировании спецлагерей, не имевших общих направляющих их деятельность указаний и фактически «в ручном режиме» руководящихся И.А. Серовым, чья основная работа на посту Уполномоченного НКВД СССР в Германии была «прикрыта» должностью заместителя главноначальствующего СВАГ по делам гражданской администрации. Из такого положения дел проистекала и общая неустойчивость лагерной сети, развивавшаяся довольно стихийно от открытия одних лагерей к закрытию других, так что все десять спецлагерей и три тюрьмы просуществовали одновременно только на протяжении четырех месяцев в 1946 г. Проблемы некомплекта штатов спецлагерей, особенно острый недостаток в квалифицированных кадрах офицерского состава, постоянно упоминавшийся в отчётах начальников спецлагерей на протяжении всех пяти лет, так никогда и не были решены из-за периферийного положения Отдела спецлагерей в структурах СВАГ и НКВД/МВД СССР. В этой связи весьма верными кажутся рассуждения немецких историков об известном «дефиците рациональности» в организации спецлагерей, сказывавшемся непосредственно на жизни заключённых, которые бессмысленно гибли из-за крайне низких норм питания и фактического

отсутствия медицинской помощи в лагерях и, таким образом, практически никак не могли быть привлечены в качестве рабочей силы для использования на территории СССР. Изменение подчинённости спецлагерей в 1948 г. не успело принести своих плодов, так как скорость и трудность прохождения бюрократических процедур в системе МВД СССР и ГУЛАГа не поспевала за стремительными изменениями в общей ситуации вокруг «германского вопроса», повлекшими за собой, в частности, создание ФРГ и ГДР и конец существования зон оккупации Германии.

Методы и технологии баз данных при работе с корпусом источником по истории спецлагерей проявили себя как достаточно эффективный инструментарий для решения поставленных исследовательских задач. В результате анализа созданной на основе большого массива обработанных эшелонных списков реляционной базы данных советских граждан – заключенных спецлагерей были выявлены возрастные, национальные, гендерные характеристики контингента, а также характер их распределения по видам преступлений (с соотнесением со статьями УК РСФСР и иными нормативно-правовыми актами). Полученные данные, наряду с изученными документальными источниками и исследовательской литературой, позволяют сделать вывод о том, что функции спецлагерей не сводились лишь к содержанию и изоляции интернированных. Их функционирование было направлено одновременно и на длительное (зачастую неопределенное по времени) содержание арестованных советскими органами госбезопасности немцев, имевших в прошлом то или иное отношение к нацистским партийно-государственным и военизированным структурам или же представлявших опасность, по мнению органов НКГБ/МГБ СССР, для советского оккупационного режима, а также советских граждан, преимущественно военнослужащих, осужденных военными трибуналами к различным срокам заключения. В то же время представляется абсолютно некорректным отождествлять спецлагеря с концентрационными лагерями, потому что, при всей суровости условий содержания заключенных, нет никаких оснований утверждать, что советское руководство имело намеренный план по

уничтожению заключенных спецлагерей. По неоднородности своих функций их действительно можно именовать «специальными лагерями», сочетавшими в себе функции временного содержания различных категорий контингента. По-видимому, этот придуманный в НКВД эвфемизм наиболее корректно отражает суть спецлагерей как мест заключения, аналог которым едва ли возможно найти в богатой практике советской репрессивной системы. В этом и заключается специфика спецлагерей, вобравших в себя одновременно функции мест отбывания наказания, интернирования, фильтрации и накопления контингента для его дальнейшего распределения. Эти характерные черты спецлагерей проявились в особенных условиях их существования вне СССР, на территории Советской зоны оккупации Германии.

В отношении советских заключенных главная функция спецлагерей определяется следующим образом: это были места временного содержания и сохранения востребованной экономикой ГУЛАГа рабочей силы. Роль этого контингента в «гулаговской» экономике хотя и была невелика, но сам факт постоянных потоков заключенных, идущих в ГУЛАГ из спецлагерей, говорит об востребованности этих заключенных в качестве рабочей силы в самых отдаленных ИТЛ. С этой точки зрения основание содержания заключенного в спецлагере не играло существенной роли: этапами из Восточной Германии в СССР отправлялись тысячи заключенных, независимо от того, были ли они осуждены по «контрреволюционной» 58-й статье УК РСФСР, или же по многочисленным статьям, связанным со служебными или воинскими преступлениями. Исходя из этого, практика арестов советских граждан на территории СЗО представляется весьма дифференцированной. Очевидно репрессивная составляющая сочеталась и с мерами по изоляции уголовного контингента.

Поскольку уже с конца 1945 г. спецлагеря остались единственными крупными местами заключения на территории СЗО (не считая намного более компактных внутренних тюрем оперсекторов НКВД/НКГБ), они неизбежно стали местом содержания тысяч советских граждан. Как можно судить по изученным

источникам, эта функция у спецлагерей появилась скорее стихийно: ни о каких специальных директивах руководства НКВД СССР о содержании в спецлагерях советских граждан до сих пор неизвестно. Сам размах деятельности органов госбезопасности на территории СЗО, где продолжали проходить службу десятки тысяч военнослужащих Группы советских оккупационных войск в Германии и сотрудники структур СВАГ, предопределил эту функцию спецлагерей, совершенно не характерную для лагерей интернированных граждан побежденного государства.

Созданная в ходе исследования реляционная база данных руководящего кадрового состава спецлагерей позволила выявить общие и характерные особенности штатного наполнения спецлагерей. В этих особенностях явно проявляется место системы спецлагерей в общей структуре различных армейских и чекистских органов, действовавших на территории СЗО. Кадры привлекались отовсюду, откуда это было возможно, и не могли легко заменяться даже в случае очевидной необходимости в этом из-за хронического кадрового голода.

Если поставить историю спецлагерей в общий контекст советской политики в Германии (несмотря на все неясности в мотивах принятия И.В. Сталиным тех или иных решений), можно определённо сделать вывод о том, что политика в отношении спецлагерей с большей или меньшей задержкой всегда шла вслед за поворотами во внешнеполитическом курсе и в «германском вопросе». В первые месяцы 1945 г. осуществлялась недифференцированная политика арестов, которая своим размахом была направлена не только на борьбу с диверсиями в тылу наступавшей Красной Армии, но и на подавление любого сопротивления формирующейся советской администрации в восточных районах Германии, сопровождаясь не только реквизицией товаров и демонтажем предприятий, но и мобилизацией рабочей силы из числа оставшегося гражданского населения. Уже в апреле 1945 г. приказом НКВД СССР № 00315 практика арестов была изменена и в большей степени стала ориентироваться на изоляцию тех категорий немецких граждан, которые, по мнению И.В. Сталина и руководства советской госбезопасности, представляли опасность не только и, вероятно, не столько в

качестве бывших нацистских преступников, а как потенциальные противники советской оккупационной администрации, а в дальнейшем – построения новой «антифашистской демократической Германии». Характерно, что немецкие заключенные спецлагерей были совершенно исключены из общих мероприятий советской власти по проведению денацификации в Восточной Германии и просто игнорировались в соответствующих документах. Однако, когда была создана ГДР и само существование подобных «лагерей для интернированных» стало невозможным, часть заключённых была отпущена на свободу как якобы отбывшая положенное наказание за принадлежность к нацистским структурам (и зачастую недоказанное активное участие в их деятельности). В бóльшей степени это был пропагандистский шаг, а не результат проведения денацификации, которая в действительности никак не соотносилась с функционированием на территории СЗО спецлагерей и пребыванием там заключённых.

Здесь же следует подчеркнуть ещё один важный момент. При изучении источников возникает стойкое впечатление, что собственно лагерная политика в Восточной Германии никогда не была предметом серьезного планирования со стороны советского руководства, а была в значительной степени ситуативной. Причины тех или иных действий в отношении спецлагерей очень редко обсуждались в каких-либо решениях И.В. Сталина и советских органов власти. Немецкий исследователь Р. Поссекель, сравнивший советские документы на этот счёт с аналогичными американскими документами, регулирующими интернирование и денацификацию в своей зоне оккупации, утверждал, что «московские власти сознательно не обсуждали политику интернирования как таковую – эту политику, как кажется, они подчиняли воображаемой генеральной линии»³²¹. И с этим вполне можно согласиться. Вместо рациональных объяснений в различных резолютивных документах можно столкнуться с подспудно подразумеваемой политической обусловленностью тех или иных решений.

Конечно, история спецлагерей не исчерпывается изложенными выше аспектами. Пока недоступны все существующие документы органов

³²¹ *Possekel R. Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland. S. 19.*

госбезопасности, осуществлявших аресты на территории Восточной Германии, а также военных трибуналов, выносивших приговоры в отношении граждан СССР и Германии, остаётся открытым вопрос об индивидуальной вине каждого заключённого. В частности, до сих пор исследователи практически не имеют доступа к материалам оперативного отделения Отдела спецлагерей, собиравшего сведения о политических и иных настроениях заключённых и осуществлявшего оперативное наблюдение за личным составом спецлагерей, не имеют возможности полноценно изучать кадровое наполнение спецлагерей и взаимоотношения лагерного персонала с заключёнными, что представляет существенный интерес с точки зрения истории советских органов госбезопасности и лагерной системы. Изучение этой сложной и драматической страницы совместного прошлого России и Германии может эффективно осуществляться с привлечением описанных в настоящей работе, пока мало привлекаемых исследователями источников, а также методов количественного анализа, позволивших восполнить такие значительные пробелы в истории спецлагерей, как специфика советского контингента и характеристики их руководящего кадрового состава.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

І. Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Ф. Р-9409. (Отдел специальных лагерей Министерства внутренних дел СССР в Германии).

Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1945–1950 гг.

Оп. 2. Личный состав спецлагерей

Ф. Р-9414. (Главное управление мест заключения (ГУМЗ) МВД СССР)

Оп. 1. Дела постоянного хранения. 1930–1960 гг.

Ф. Р-9401. (Министерство внутренних дел СССР)

Оп. 1. Секретариат НКВД-МВД СССР. 1934–1960 гг.

Оп. 1а. Сборники приказов, распоряжений, директив и циркуляров НКВД/МВД СССР

Оп. 2. Документы оперативного делопроизводства Секретариата НКВД/МВД СССР («Особые папки»)

Оп. 12. Тематические сборники приказов, циркуляров по структурным частям НКВД/МВД СССР и их предшественников

Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР)

Оп. Зас. Постановления Совета Министров СССР

Оп. 106. Постановления Совета Министров СССР («Особая папка»)

Ф. Р-8131 (Генеральная прокуратура СССР)

Оп. 31 (Производство по надзорным делам)

2. Российский государственный военный архив (РГВА):

Ф. 38650 (Главное управление внутренних войск НКВД/МВД/МГБ СССР)

Ф. 32925 (Управление внутренних войск НКВД/МВД/МГБ СССР в Германии)

Ф. 32915 (38-й пограничный/стрелковый полк внутренних войск НКВД/МГБ СССР).

Ф. 39016 (Военная прокуратура внутренних войск МГБ СССР в Германии)

Ф. 40896 (Коллекция служебных и учетно-послужных карточек на политический, командно-начальствующий, рядовой и вольнонаемный состав частей, соединений и учреждений НКВД-МВД СССР)

3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ):

Ф. 082 (Референтура по Германии)

Ф. 0457а (Управление Политсоветника СВАГ)

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Ф. 17 (Центральный комитет РКП(б)-ВКП(б)-КПСС)

Оп. 162. Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б)

Оп. 166. Подлинные протоколы «Особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б)

Ф. 558 (И.В. Сталин)

II. Сборники документов

5. За антифашистскую демократическую Германию. Сборник документов. 1945–1949 гг. – М.: Политическая литература, 1969. – 704 с.

6. Сборник № 5 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии за время с 1 октября по 31 декабря 1946 г. – Берлин: Изд-во Советской военной администрации в Германии, 1946 – 76 с.

7. СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945–1949: сборник документов / отв. ред. и сост. Н.В. Петров. – М.: РОССПЭН, 2006. – 759 с.

8. Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова. – М.: РОССПЭН, 2001. – 376 с.

9. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3-х т. – Т. III: 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г. / сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер – М.: Международные отношения, 2003. – 856 с.

10. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: Материк: МФД: Материк, 2005. – 904 с.

11. Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. – 424 S.

III. Законодательные источники

12. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1-е июля 1950 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов / Министерство юстиции РСФСР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 256 с.

IV. Периодическая печать

13. Neues Deutschland. – 17 Januar 1950. – Nr. 14.

V. Мемуарная литература

14. *Агафонов (Глянцев) А.М.* Записки бойца армии теней. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1998. – 452 с.

15. *Самутин Л.А.* Я был власовцем... – СПб.: Белое и Черное, 2002. – 320 с.
16. *Тальми В.Л.* Полный круг. Нью-Йорк – Москва и обратно. История моей жизни. – М.: Возвращение, 2014. – 224 с.
17. *Шалай И.И.* Из бездны темных сил: Повесть-хроника. – Пятигорск Северо-Кавказ. изд-во «МИЛ», 2003. – 256 с.
18. Das gelbe Elend: Bautzen-Häftlinge berichten. 1945–1956 / Bautzen-Komitee (Hg). – Berlin, 1992. – 317 S.
19. Recht oder Rache? Buchenwald 1945–1950. Betroffene erinnern sich / hg. von H. Müller. – Frankfurt a. M., 1991. – 147 S.
20. *Pförtner K., Natonek W.* Ihr aber steht in Licht. Eine Dokumentation aus sowjetischem und sowjetzонаlem Gewahrsam. – Tübingen, 1963. – 233 S.

VI. Электронные ресурсы

21. База данных «Жертвы политического террора в СССР» [Электронный ресурс]. – Режим обращения: <http://base.memo.ru>.
22. Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. Справочник. – Режим обращения: <https://nkvd.memo.ru>.
23. Обобщенный банк данных «Мемориал». – Режим обращения: <https://obd-memorial.ru/html/>.
24. «Открытый список» жертв политических репрессий в СССР [Электронный ресурс]. – Режим обращения: <https://openlist.wiki/>.
25. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Общество «Мемориал», Государственный архив Российской Федерации; Сост. М. Б. Смирнов. – М.: Звенья, 1998. – 597 с. – Режим обращения: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/>.
26. Электронный банк документов «Память народа» – Режим обращения: <https://pamyat-naroda.ru>.

Литература

1. *Гарскова И.М.* Базы данных в исторических исследованиях: опыт и перспективы // *Круг идей: базы данных в исторических исследованиях / под ред. В.Н. Владимирова, И.М. Гарсковой.* – Барнаул: Азбука, 2013. – С. 7–17.
2. *Гарскова И.М.* Базы данных: создание и использование. Учебно-методическая разработка к практикуму по курсу «Информатика и математика». – Выпуск 1. – М.: МГУ, 2005. – 56 с.
3. *Гарскова И.М.* Базы и банки данных в исторических исследованиях. – Göttingen: Konrad Pächnicke, 1994. – 215 с.
4. *Гарскова И.М.* Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. – СПб.: Алетейя, 2018. – 408 с.
5. *Епифанов А.Е.* Деятельность спецлагерей НКВД (МВД) СССР в Германии в 1945–1955 гг. // *МВД России 200 лет. История, развитие, перспективы: Труды Академии управления МВД России.* – М., 2003. – С. 279–287.
6. *Козлов В.А.* Советская администрация и личный состав спецлагерей МВД СССР в Германии (настроения, поведение и взаимоотношения с заключенными) // *Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова.* – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 311–349.
7. *Количественные методы в исторических исследованиях / под ред. И.Д. Ковальченко.* – М.: Высшая школа, 1984. – 384 с.
8. *Кузнецова Г.А.* Отдел спецлагерей НКВД-МВД СССР в Германии // *Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник / отв. ред.: Я. Фойтцик, А.В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина; при участии: Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович.* – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 100–106.
9. *Лубянка.* Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник / под ред. акад. А. Н. Яковлева; авторы-сост.: А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М.: МФД, 2003. – 768 с.

10. *Казначеева Н.П.* Внешнеполитические факторы и советские критерии освобождения восточных немцев из спецлагерей // Научные проблемы гуманитарных исследований. –2008. –Выпуск 7. – С. 75–81.

11. *Казначеева Н.П.* Завершение политики денацификации в Германии и начало ликвидации советских спецлагерей // Научные проблемы гуманитарных исследований. –2008. –Выпуск 8. –С. 41–48.

12. *Казначеева Н.П.* Назначение и использование советских спецлагерей на территории Германии в послевоенный период // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. –2008.– № 66. – С. 209–216.

13. *Морозова В.Н.* Система спецлагерей на территории советской зоны оккупации Германии (по материалам немецких исследователей 90-х гг. XX в.) // Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений. Выпуск 3. Сборник статей / под общ. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2012. – С. 51–61.

14. *Петров Н.В.* Аппарат уполномоченного НКВД-МГБ СССР в Германии (1945–1953 гг.) // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 349–366.

15. *Петров Н.В.* Иван Серов – председатель КГБ. – М.: АФК «Система»; Политическая энциклопедия, 2021. – 719 с.

16. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М.: Материк, 2005. – 416 с.

17. *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 2011. – 351 с.

18. *Петров Н. В., Фойтцик Я.* Аппарат уполномоченного НКВД–МГБ СССР в Германии, политические репрессии и формирование немецких органов госбезопасности в ГДР 1945–1953 // Аппарат НКВД–МГБ в Германии. 1945–1953: Сборник документов / Науч. ред. и сост. Н.В. Петров, Я. Фойтцик. – М.: МФД, 2009. – С. 5–51.

19. фон Плато А. Советские спецлагеря в Германии // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю.Г. Орлова. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 245–288.

20. Поссекель Р. Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии, 1945–1950 гг.: Сборник документов и статей / под ред. С.В. Мироненко; отв. сост. Ю. Г. Орлова. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 288–311.

21. Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. – М.: РОССПЭН, 1995. – 400 с.

22. Сидоркин А.И. Спецлагеря НКВД-МВД (1944–1950 гг.) // Учёные записки Казанского государственного университета. – Т. 144. Юридические науки. – Казань, 2003. – С. 364–391.

23. Советская военная администрация в Германии, 1945–1949. Справочник / отв. ред.: Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина; при участии: Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович – М.: РОССПЭН, 2009. – 1031 с.

24. Фойтцик Я. Введение // Советская политика в отношении Германии, 1945–1954. Документы / сост., отв. ред. Я. Фойтцик. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 5–194.

25. Хлевнюк О.В. Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах / отв. ред. и составитель О.В. Хлевнюк. – Том 3. Экономика Гулага – М., 2004. – С. 21–54.

26. Штеркель А.В. Особенности советской оккупационной политики в Восточной Германии: цели и механизмы реализации (1945–1949 годы): Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Пятигорск, 2011. – 191 с.

27. Agde G. Sachsenhausen bei Berlin. Speziallager Nr. 7. 1945–1950. Kassiber, Dokumente und Studien. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag, 1994. – 271 S.

28. Das Torgau-Tabu: Wehrmachtstrafsystem, NKWD-Speziallager, DDR-Strafvollzug / hg. von N. Haase und B. Oleschinski. – 2. Auflage. – Leipzig: Forum Verlag, 1998. – 274 S.

29. Die Straflager und Zuchthäuser der Sowjetzone: Gesundheitszustand und Lebensbedingungen der politischen Gefangenen. – Reihe: Sopade Informationsdienst Denkschriften. Band 55. – Bonn, 1955. – 44 S.

30. *Erler P.* Zur Tätigkeit der Sowjetischen Militärtribunale (SMT) in der SBZ/DDR // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998 – Band 1: Studien und Berichte. – S. 172–187.

31. *Finn G.* Die politischen Häftlinge der Sowjetzone, 1945–1959. – Pfaffenhofen: Iltgauverlag, 1960. – 243 S.

32. *Finn G.* Die Speziallager der sowjetischen Besatzungsmacht 1945 bis 1950 // Materialien der Enquete-Kommission des Deutschen Bundestages «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». – Baden-Baden, Frankfurt a. M.: Deutscher Bundestag, 1995. – Band IV. Recht, Justiz und Polizei im SED-Staat. – S. 337–397.

33. *Flocken J., Klonovsky M.* Stalins Lager in Deutschland. 1945–1950. Dokumentation/Zeugenberichte. – Berlin: Ullstein Verlag, 1991. – 248 S.

34. *Fricke K.W.* Politik und Justiz in der DDR. Zur Geschichte der politischen Verfolgung 1945–1968. Bericht und Dokumentation. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1979. – 675 S.

35. *Greiner B.* Verdrängter Terror. Geschichte und Wahrnehmung sowjetischer Speziallager in Deutschland. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2010. – 523 S.

36. *Greve U.* Lager des Grauens. Sowjetische KZs in der DDR nach 1945. – Kiel, 1990. – 222 S.

37. *Heitzer E.* Die «Norweger». Das sowjetische Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen im Kontext der interalliierten Verfolgung von NS- und

Kriegsverbrechen // Im Schatten von Nürnberg: Transnationale Ahndung von NS-Verbrechen / hg. von Enrico Heitzer, Günter Morsch u. a. – Berlin, 2019. – S. 117–131.

38. *Hilger A.* Von Banden und Klassenfeinden: Stalins Tschekisten in Deutschland 1945–1955 // Sowjetisierung oder Neutralität? Optionen sowjetischer Deutschlandpolitik in Deutschland und Österreich 1945–1955 / hg. von Andreas Hilger u.a. – Göttingen, 2006. – S. 143–168.

39. *Hilger A., Petrov N.* «Erledigung der Schmutzarbeit»? Die sowjetischen Justiz- und Sicherheitsapparate in Deutschland // Sowjetische Militärtribunale / hg. von A. Hilger, M. Schmeitzner und U. Schmidt. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2003. – Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten. 1945–1955. S. 59–152.

40. *Hilger A., Schmeitzer M.* Einleitung: Deutschlandpolitik und Strafjustiz. Zur Tätigkeit sowjetischer Militärtribunale in Deutschland 1945–1955 // Sowjetische Militärtribunale / hg. von A. Hilger, M. Schmeitzner und U. Schmidt. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2003. – Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten. 1945–1955. – S. 7–33.

41. Instrumentalisierung, Verdrängung, Aufarbeitung. Die sowjetischen Speziallager in der gesellschaftlichen Wahrnehmung. 1945 bis heute / hg. von P. Haustein, A. Kaminsky, V. Knigge, B. Ritscher. – Göttingen, 2006 – 309 S.

42. *Jeske N.* Versorgung, Krankheit, Tod in den Speziallagern // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998 – Band 1: Studien und Berichte. – S. 189–223.

43. *Jeske N.* Kritische Bemerkungen zu den sowjetischen Speziallagerstatistiken// Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998 – Band 1: Studien und Berichte. – S. 457–480.

44. *Jeske N., Morre J.* Die Inhaftierung von Tribunalverurteilten in der SBZ // Sowjetische Militärtribunale / hg. von A. Hilger, M. Schmeitzner und U. Schmidt. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag, 2003. – Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten. 1945–1955.– S. 609–661.

45. *Just H.* Die sowjetischen Konzentrationslager auf deutschem Boden 1945–1950. – Berlin: Hefte der Kampfgruppe gegen Unmenschlichkeit, 1952. – 148 S.
46. *Kilian A.* Einzuweisen zur völligen Isolierung. NKWD-Speziallager Mühlberg/Elbe 1945–1948. – 2. Auflage. – Leipzig: Forum Verlag, 1993. – 259 S.
47. *Krüger D., Finn G.* Mecklenburg-Vorpommern 1945 bis 1948 und das Lager Fünfeichen. – Berlin: Verlag Gebr. Holzapfel, 1992. – 118 S.
48. *Kuznecova G., Nachatovic D.* Die GARF-Bestände: Quellen zur Geschichte der Speziallager des NKVD/MVD der UdSSR in Deutschland von 1945 bis 1950 // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 1: Studien und Berichte. – S. 76–82.
49. *Kühle B., Titz W.* Speziallager Nr. 7 Sachsenhausen. 1945–1950. – Berlin: Branderburgisches Verlagshaus, 1990. – 48 S.
50. *Lipinsky J.* Mobilität zwischen den Lagern DDR // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 1: Studien und Berichte. – S. 224–240.
51. *Morre J.* Speziallager des NKWD. Sowjetische Internierungslager in Brandenburg 1945–1950. – Potsdam: Brandenburgische Landeszentrale für politische Bildung, 1997. – 112 S.
52. *Naimark N.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. – London: Harvard University Press, 1995. – 608 P.
53. *Niethammer L.* Alliierte Internierungslager in Deutschland nach 1945: Ein Vergleich und offene Fragen // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998 – Band 1: Studien und Berichte. – S. 97–116.
54. *Plato A., von.* Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950: Ergebnisse eines deutsch-russischen Kooperationsprojektes//Speziallager in der SBZ: Gedenkstätten mit "doppelter Vergangenheit" / hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. – Berlin: Links Verlag, 1999. – S. 124–148.

55. *Possekel R.* Sowjetische Lagerpolitik in Deutschland // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 2: Sowjetische Dokumente zur Lagerpolitik. – S. 15–110.

56. *Priess L.* Das Speziallager des NKWD Nr. 1 Sachsenhausen // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 1: Studien und Berichte. – S. 380–410.

57. *Priess L.* Deutsche Kriegsgefangene als Häftlinge in den Speziallagern des NKWD in der SBZ // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998 – Band 1: Studien und Berichte. – S. 250–263.

58. *Range H.-P.* Das Konzentrationslager Fünfeichen 1945–1948: ein Mecklenburger Geschichtsbild. – Britzingen/Baden, 1991. – 56 S.

59. *Scherbakova I.* Sowjetische Staatsangehörige und sonstige Ausländer in den Speziallagern // Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 1: Studien und Berichte. – S. 241–249.

60. *Schölzel K.* Ungedruckte Quellen in deutschen Archiven und Bibliotheken zum Thema Speziallager// Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950 / hg. von S. Mironenko, L. Niethammer, A. von Plato mit V. Knigge und G. Morsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1998. – Band 1: Studien und Berichte. – S. 83–95.

61. Sowjetisches Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950). Katalog der Ausstellung in der Gedenkstätte und Museum «Sachsenhausen» / hg. von G. Morsch, I. Reich. – Berlin: Metropol Verlag, 2005. – 504 S.

62. Speziallager in der SBZ: Gedenkstätten mit «doppelter Vergangenheit» / hg. von P. Reif-Spirek, B. Ritscher. – Berlin: Links Verlag, 1999. – 320 S.

63. Todesfabriken der Kommunisten. Von Sachsenhausen bis Buchenwald / hg. von A. Preissinger. – Berg am See, 1991. – 350 S.

64. Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historische-biographische Studie / hg. von Andreas Weigelt, Klaus-Dieter Müller, Thomas Schaarschmidt und Mike Schmeitzner. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. – 784 S.

65. Totenbuch. Sowjetisches Speziallager Nr. 3 und Haftarbeitslager Berlin-Hohenschönhausen 1945–1949 / hg. von der Stiftung Gedenkstätte Berlin-Hohenschönhausen. – Berlin: Jaron Verlag, 2014. – 128 S.

66. Zwischen Entnazifizierung und Besatzungspolitik. Die sowjetischem Speziallager 1945–1950 im Kontext / hg. von J. Landau und E. Heitzer im Auftrag der Stiftung Gedenkstätten Buchenwald und der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2021. – 335 S.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ГДР – Германская Демократическая Республика

ГСОВГ – Группа советских оккупационных войск в Германии

ГУВВ – Главное управление внутренних войск

ГУКР СМЕРШ — Главное управление контрразведки «Смерть шпионам!»

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

ГУПВ – Главное управление пограничных войск

ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КПГ – Коммунистическая партия Германии

ЛДП – Либерально-демократическая партия Германии

МГБ – Министерство государственной безопасности

МВД – Министерство внутренних дел

МИД – Министерство иностранных дел

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

НКО – Народный комиссариат обороны

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ПВС – Президиум Верховного Совета

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая
Республика

СВАГ – Советская военная администрация в Германии

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии

СЕПГ – Социалистическая единая партия Германии

СЗО – Советская зона оккупации Германии

СКК – Советская контрольная комиссия в Германии

СМ – Совет министров

СНК – Совет народных комиссаров

США – Соединенные Штаты Америки

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

УК – Уголовный кодекс

ФРГ – Федеративная Республика Германия

ХДС – Христианско-демократический союз

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Фрагмент эшелонного списка заключенных, направленных из спецлагеря № 1
в Ангарский ИТЛ. 24 февраля 1949 г.

С П И С О К						
осужденных, этапированных из спецлагеря № 1 МВД СССР в Германии в адрес:						
Ангарлаг станция Тайшет, Восточно-Сибирской железной дороги.						
№ п.п.	Фамилия, имя и отчество	Год рожд.	Нацио- нальн.	Ст.ст. судим.	Срок	№ № те- режных де:
1.	ГЕТМАНОВ Михаил Ерофеевич 3	1920	русск.	58-16	25	92023
2.	ГЛАДКОВ Дмитрий Кузьмич 3	1927	"	58-2	25	91785
3.	ЕГОРЯЧЕВ Павел Степанович 3	1921	"	58-16	25	92020
4.	ЕСЬКОВ Иван Семенович 3	1925	"	58-1а	25	92010
5.	НОСОВ Иван Иванович 3	1921	грузин	58-16	25	123986
6.	КНИРИН Михаил Александрович 3	1902	немец	58-1а	25	92035
7.	МИЛИНА Максим Георгиевич 3	1925	молдав.	58-16	25	92012
8.	СЛЕЙНИКОВ Евгений Семенович	1926	украин.	58-10 ч.2	25	123977
9.	ПОЛУЛЯКОВ Виктор Петрович он же					
	БАРДОВСКИЙ Вениамин-Виталий П.	1921	русск.	58-1а	25	122993
10.	СТЕНКЕВИЧ Антон Михайлович 3	1923	поляк	58-1а	25	123982
11.	ШАПКОВ Марат Емельянович 3	1927	русск.	58-1а	25	123989
12.	ИТОНКИЙ Федор Яковлевич	1925	украин.	Ук 4.6.47г.	23	122884
13.	НИЦАК Алексей Иванович	1927	украин.	"	20	92009
14.	ПАЦКОВ Иван Моисеевич	1927	русский	"	17	123991
15.	КУЗЬМИН Илья Кузьмич	1926	чуваш	136 ч.2	15	92030
16.	ХАЛИМОНОВ Александр Федорович	1927	русск.	УК 4.6.47г.	15	92022
17.	ЕРОШКИН Николай Захарович	1926	"	"	12	123983
18.	МИЛИГАРИЕВ Давлет	1925	мариец	58-10 ч.2	10	91790
19.	СПОНАСЕНКО Михаил Степанович	1927	украин.	58-10 ч.2	10	123984
20.	ТИХОНОВ Николай Иванович	1926	русск.	УК 4.6.47г.	10	123990
21.	ВЕДОСБЕВ Анатолий Михайлович	1927	"	"	10	92038
22.	БУДЫЦА Адам Эдуардович	1925	белор.	"	10	92016
23.	ТОРОПЕЦ Петр Данилович	1927	украин.	"	8	92033
24.	СОЛОВЬЕВ Виктор Михайлович	1926	русск.	"	8	123970
25.	КАЛУЖНИХ Афанасий Александров.	1925	"	"	8	92037
26.	ТРАЧЕНКО Григорий Васильевич	1925	украин.	"	7	92018
27.	ТИХОНЕНКО Петр Ефимович	1925	"	59-3в ч.1	7	92031
28.	РАСПОНОМАРЕВ Федор Иванович	1927	"	59-3в ч.1	7	122897
29.	ПАЗИМ Александр Алексеевич	1926	русск.	193-7 п."г"	7	91783
30.	ПАВЛОВ Александр Васильевич	1926	"	59-3вч. 1	7	92013
31.	ЖИРАЕВ Роджан Шадевич	1926	узбек	УК 4.6.47г.	7	92014
32.	ЕРМОЛОВИЧ Василий Сергеевич	1926	русск.	193-2 п."г"	7	123981

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 451. Л. 59.

Приложение 2

Фрагмент реляционной базы данных советских граждан – заклученных спецлагерей

Номер	ФИО	Год рождения	Национал	Статья	Приго	Дата этапирован	Спецлагерь	Место отбывани
3749	Тарновская Нина Степановна	1920	украинка	58-1а	10	01.11.1946	Спецлагерь № 10 Торгау	Воркутлаг
3750	Фадеевкова Нина Ивановна	1927	русская	58-1а	10	01.11.1946	Спецлагерь № 10 Торгау	Воркутлаг
3751	Филатова Мария Георгиевна	1924	рус немка	58-1а	10	01.11.1946	Спецлагерь № 10 Торгау	Воркутлаг

Номер	Профессия/место работы	Обвинение	Осудивший орган	Дата осуждени	Реабилитирован	Источник	Щелкните
51	переводчица		военный трибунал Федеральной земли Саксония	27.09.1946	да	Открытый список	

3752	Христич Лидия Мефодьевна	1927	украинка	58-1а	5	01.11.1946	Спецлагерь № 10 Торгау	Воркутлаг
------	--------------------------	------	----------	-------	---	------------	------------------------	-----------

Запись: 3740 из 8508 Без фильтра Поиск

Приложение 3

Фрагменты запросного режима и таблицы, полученной в результате заданного запроса с групповыми операциями с условиями отбора, по подсчёту возрастного состава контингента спецлагерей из эшелонных списков 1948 г. (из базы данных советских граждан – заключённых спецлагерей)

Режим Выполнить | Выборка | Создание | Добавление | Обновление | Перекрестный | Удаление | Объединение | К серверу | Управление | Отобразить таблицу

Результаты | Тип запроса

Все объе... | Основн... | возраст 1948

Поиск...

Таблицы

- Основная
- Плен
- Репрессии

Запросы

- 58-1
- возраст 1948
- возраст 1949
- возраст-1945
- возраст-1946
- возраст-1947
- воинские пре...
- время содерж...
- должностные ...
- женщины (час...
- женщины (час...

Основная

- Номер
- ФИО
- Год рождения
- Национальность
- Статья
- Приговор
- Дата этапирования
- Спецлагерь
- Место отбывания наказания
- Дополнительно

Поле:	Возраст: 1948-[Год рождения]	ФИО	Дата этапирования
Имя таблицы:		Основная	Основная
Групповая операция:	Группировка	Count	Условие
Сортировка:	по возрастанию		
Вывод на экран:	☒	☒	☐
Условие отбора:			Like "**1948"
или:			

Count-ФИО	Возраст
1	16
1	17
1	17
6	19
10	20
181	21
526	22
539	23
90	24
76	25
36	26
31	27
28	28
27	29
15	30
14	31
17	32
17	33
12	34
15	35
18	36
14	37
7	38
13	39
12	40
7	41

Приложение 4

Фрагмент реляционной базы данных руководящего кадрового состава спецлагерей

Номер	ФИО	Год рожден	Звание	С какого времени в	Чекистский стаж	Партийный стаж	Дополнительно	Щелкни
27	Ребриков Николай Григорьевич	1903	капитан, майор (с 1947 г.)	1946	1928	1925		
Номер		Должность		Дата				
57	секретарь партбюро ОСЛ		30.08.1946-16.04.1950					
58	зам. нач. спецлагеря № 1, Ораниенбург, по политработе		05.02.1949-16.04.1950					
28	Цыганов Павел Григорьевич	1910	лейтенант, старший летенант	1945		1947		
Номер		Должность		Дата				
59	старший уполномоченный по кадрам ОСЛ		05.1945-01.03.1946					
60	нач. отделения кадров ОСЛ		01.03.1946-16.04.1950					
29	Хомский Иван Сергеевич	1908	капитан	1945	1944	1938		
Номер		Должность		Дата		Щелкните		
61	нач. хоз. отделения ОСЛ		27.09.1945-30.06.1949					
*								
30	Крот Михаил Семенович	1912	капитан	1947		1939		
Номер		Должность		Дата		Щелкните		
62	нач. учетной группы спецлагеря № 10, Торгау		1947-1948					
63	нач. учетного отделения спецлагеря № 7/1, Ораниенбург		10.10.1948-11.04.1950					

Приложение 5

Фрагмент таблицы, полученной в результате заданного запроса на выборку
(база данных руководящего кадрового состава спецлагерей)

№	Номер	ФИО	Ведомство	Предыдущая служба	Подразделение	Служба в системе спецлагерей. Долж.	Дата
11	11	Гостев Алексей Иванович	НКВД	нач. лагпункта	лагерь для военнопленных № 1, Куйбышев	зам. нач. спецлагеря № 1, Швибус, Мюль	15.05.1945-15.11.1945
11	11	Гостев Алексей Иванович	НКВД	нач. лагпункта	лагерь для военнопленных № 1, Куйбышев	нач. спецлагеря № 3, Хозеншёнхаузен	03.12.1945-15.11.1946
11	11	Гостев Алексей Иванович	НКВД	нач. лагпункта	лагерь для военнопленных № 1, Куйбышев	зам. нач. спецлагеря № 4, Баутцен	26.11.1945-18.11.1948
11	11	Гостев Алексей Иванович	НКВД	нач. лагпункта	лагерь для военнопленных № 1, Куйбышев	зам. нач. спецлагеря № 3, Баутцен	18.11.1948-21.03.1950
12	12	Казakov Сергей Иустинович	НКВД	начальник	продовольственное отделение управления	нач. тюрьмы, Баутцен	05.1945-06.1945
12	12	Казakov Сергей Иустинович	НКВД	начальник	продовольственное отделение управления	нач. спецлагеря № 4, Баутцен	06.1945-18.11.1948
12	12	Казakov Сергей Иустинович	НКВД	начальник	продовольственное отделение управления	нач. спецлагеря № 3, Баутцен	18.11.1948-21.03.1950
13	13	Селезнев Павел Никитович	НКВД	начальник с 01.1945	фронтальной лагпункт № 1 УФ	нач. спецлагеря № 6, Франкфурт-на-Оде	05.1945-09.1945
13	13	Селезнев Павел Никитович	НКВД	начальник с 01.1945	фронтальной лагпункт № 1 УФ	нач. спецлагеря № 6, Ямлиц	09.45-25.06.1947
14	14	Костюхин Алексей Максимович	НКВД	зам. начальника	лагерь для военнопленных № 188, Тамбов	нач. спецлагеря № 7, Вернойхен	15.05.1945-08.1945
14	14	Костюхин Алексей Максимович	НКВД	зам. начальника	лагерь для военнопленных № 188, Тамбов	нач. спецлагеря № 7, Ораниенбург	08.1945-18.11.1945
14	14	Костюхин Алексей Максимович	НКВД	зам. начальника	лагерь для военнопленных № 188, Тамбов	нач. спецлагеря № 1, Ораниенбург	18.11.1948-16.04.1950
14	14	Костюхин Алексей Максимович	ГУКР СМЕРШ	сотрудник с 03.05.1945	ОКР 1 БФ	нач. спецлагеря № 7, Вернойхен	15.05.1945-08.1945
14	14	Костюхин Алексей Максимович	ГУКР СМЕРШ	сотрудник с 03.05.1945	ОКР 1 БФ	нач. спецлагеря № 7, Ораниенбург	08.1945-18.11.1945
14	14	Костюхин Алексей Максимович	ГУКР СМЕРШ	сотрудник с 03.05.1945	ОКР 1 БФ	нач. спецлагеря № 1, Ораниенбург	18.11.1948-16.04.1950
15	15	Лаврентьев Геннадий Васильевич	НКВД	зам. нач. по политчасти	лагерь № 160 для военнопленных, Суздаль	нач. спецлагеря № 8, Шнайдемюль, Тор	04.05.1945-28.01.1946
16	16	Никитин Георгий Григорьевич	НКВД	нач. управления	лагерь № 193 для военнопленных, г. Сокол,	нач. спецлагеря № 4, Ландсберг	28.05.1945-28.01.1946
16	16	Никитин Георгий Григорьевич	НКВД	нач. управления	лагерь № 193 для военнопленных, г. Сокол,	нач. спецлагеря № 8, Торгау	28.01.1946-10.08.1946
17	17	Шаров Павел Александрович	НКВД	командир	22 дивизия войск по охране ж.д., Ростов-на-Д	нач. спецлагеря № 9, Нойбранденбург	05.1945-11.1945
18	18	Шмейс Владимир Антонович	НКВД	зам. начальника	ОБДББ Татарской АССР	зам. нач. спецлагеря № 9, Нойбранденб	10.05.1945-11.1945
18	18	Шмейс Владимир Антонович	НКВД	зам. начальника	ОБДББ Татарской АССР	нач. спецлагеря № 9, Нойбранденбург	11.45-05.03.1948
19	19	Дроздов Григорий Иванович	МВД	зам. нач. управления	лагерь для военнопленных № 511, г. Рубцов	нач. спецлагеря № 9, Нойбранденбург	18.03.1948-18.11.1948
20	20	Середенко Николай Лаврентьевич	НКВД	зам. нач. управления	лагерь № 200 для военнопленных, г. Алапае	нач. тюрьмы-лагеря № 7, Франкфурт-на-	01.04.46-14.05.46

Режим таблицы

NUM LOCK

SQL

Приложение 6

Внешнее ограждение и охранная вышка спецлагеря Заксенхаузен со знаком
«Запретная зона»

Источник: Sowjetisches Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950).
Katalog der Ausstellung in der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Berlin, 2005.
S. 323.

Приложение 7

Советские офицеры и солдаты перед зданием клуба в спецлагере Заксенхаузен.

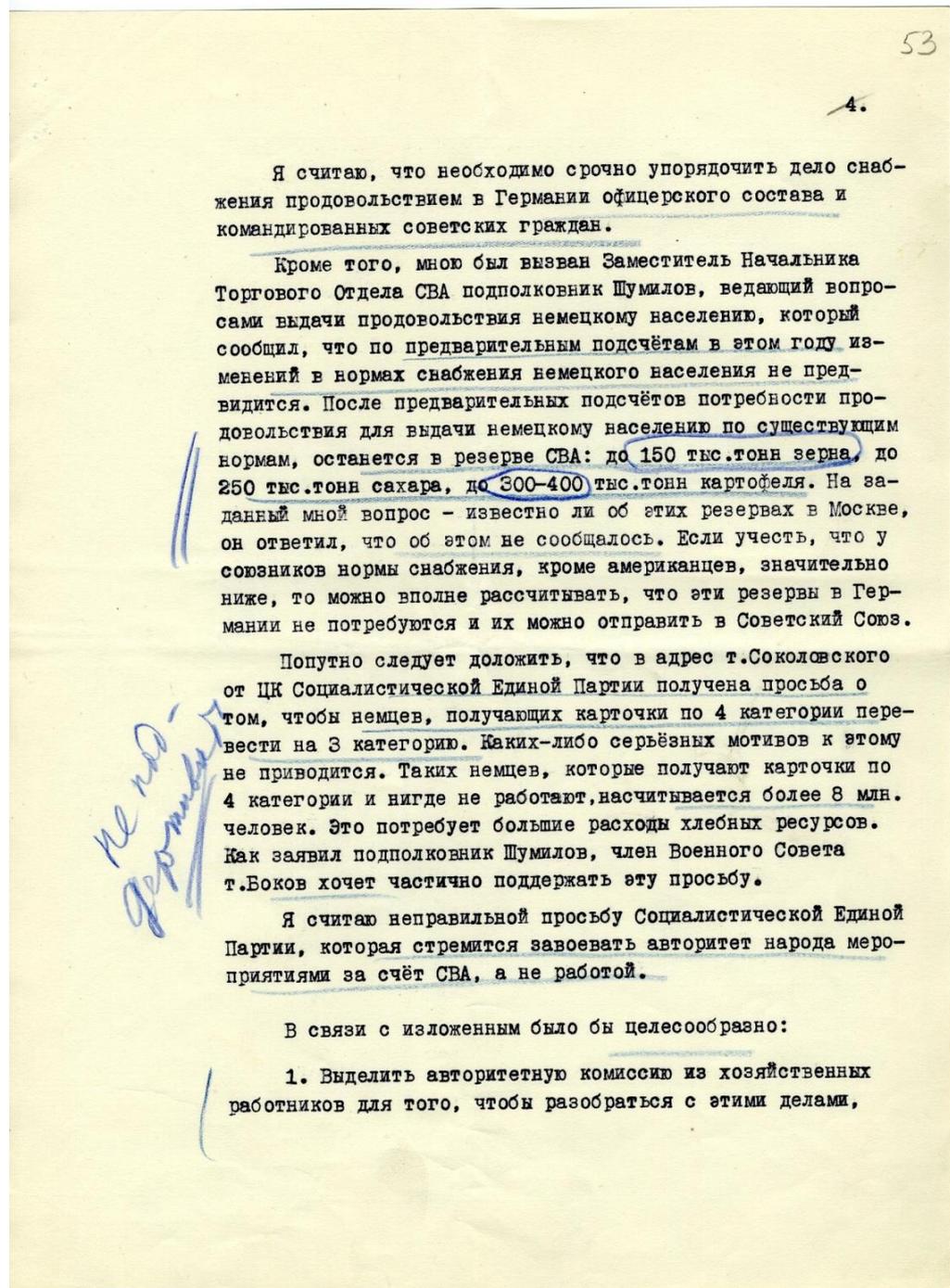
Ноябрь 1949 г.

Источник: Sowjetisches Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950). Katalog der Ausstellung in der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Berlin, 2005. S. 106.

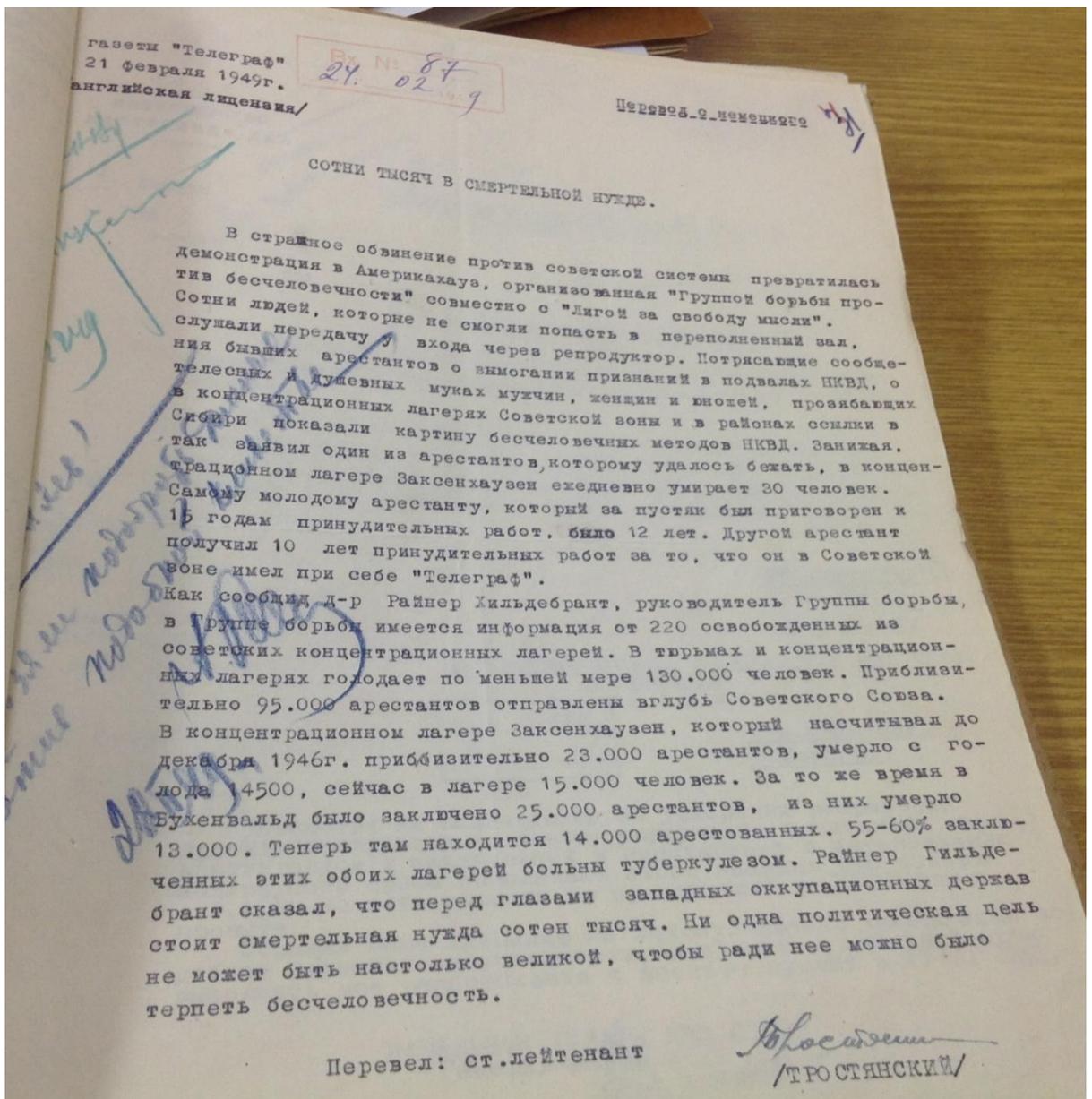
Приложение 8

Фрагмент докладной записки И.А. Серова Л.П. Берии об излишках продовольствия в Германии. Правка синим карандашом – автограф И.В. Сталина.
Середина октября 1946 г.

Приложение 9

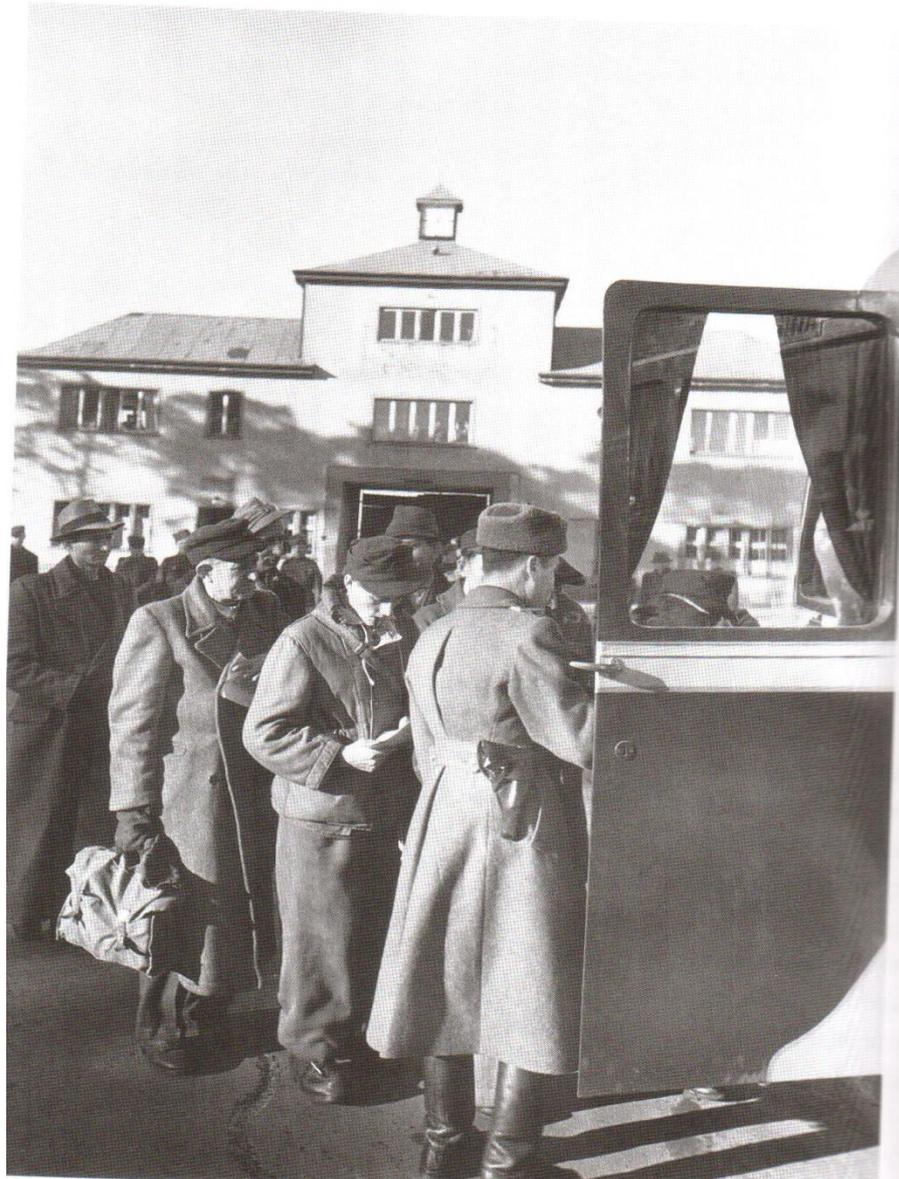
Перевод статьи из западноберлинской газеты «Телеграф» о советских спецлагерях в Восточной Германии, направленный из секретариата СВАГ начальнику Отдела спецлагерей Н.Т. Цикляеву. Резолюция синим карандашом – автограф заместителя главноначальствующего СВАГ А.Ф. Кабанова: «Цикляев! Нельзя ли подобрать факты против подобной клеветы?». 24 февраля 1949 г.

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 38. Л. 31.

Приложение 11

Заклученные покидают спецлагерь. 20 января 1950 г.

Источник: Sowjetisches Speziallager Nr. 7/Nr. 1 in Sachsenhausen (1945–1950). Katalog der Ausstellung in der Gedenkstätte und Museum Sachsenhausen. Berlin, 2005. S. 422.

Приложение 12

Справка о наличии контингента спецлагерей на 1 ноября 1946 г.
за подписью начальника Отдела спецлагерей М.Е. Свиридова.

С П Р А В К А

о наличии арестованных содержащихся в спецлагерях МВД на территории Германии

89

по состоянию на "1" ноября 1946 г.

В с е г о арестовано - 75857 человек.

Из них по категориям учета:

а/ Пиноско-диверсионной, террористической агентуры немецких карательных органов.....	3249 чел.	
б/ Участники организаций и группы оставленных немецкими командованиями и разведывательными органами противника для подрывной работы в тылу Красной Армии.....	3536 чел.	
в/ Содержателей нелегальных радио-станций, складов оружия и подпольных типографий.....	218 чел.	
г/ Активных членов НСДАП	38738 чел.	
д/ Областных, городских, районных руководителей фашистских молодежных организаций.....	1590 чел.	
е/ Сотрудники ГЕСТАПО, "СД" и других карательных немецких органов.....	12267 чел.	
ж/ Руководителей областных, городских, районных и административных органов, а так же редакторов газет, журналов и авторов антисоветских изданий.....	3342 чел.	
з/ Прочие.....	12877 чел.	

По полу распределяется:

1. Мужчин	-	71606 человек	
2. Женщин	-	4251 человек	

По возрастному составу:

1. От 35-ти лет	-	13901 чел.	
2. От 35-ти до 45-ти лет	-	18233 чел.	
3. От 45-ти лет и старше	-	43673 чел.	

ПРИМЕЧАНИЕ: В графу прочие входят: лица неподлежашие под пункт 1-й приказа НКВД № 00315 от 18.4.45 г. и осужденные, подсудственные.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СПЕЦЛАГЕРЕЙ СВА
В ГЕРМАНИИ -

ПОЛКОВНИК:- / СВИРИДОВ /.

"1" октября 1946 года.

Приложение 13

Распределение заключенных по статьям УК РСФСР и указам ПВС СССР
(выборка – 31%)

Статья УК РСФСР/иной нормативно-правовой акт	Количество осужденных заключенных (чел.)	Количество осужденных заключенных (%)
78	1	0,01%
113	1	0,01%
143	1	0,01%
146	1	0,01%
150	1	0,01%
152	1	0,01%
158	1	0,01%
168	1	0,01%
174	1	0,01%
Указ ПВС СССР от 28.12.1940	1	0,01%
Указ ПВС СССР от 26.12.1941	1	0,01%
Указ ПВС СССР от 15.11.1943	1	0,01%
73	2	0,02%
77	2	0,02%
81	2	0,02%
117	2	0,02%

Статья УК РСФСР/иной нормативно-правовой акт	Количество осужденных заклученных (чел.)	Количество осужденных заклученных (%)
192	2	0,02%
Указ ПВС СССР от 26.06.1940	2	0,02%
138	3	0,04%
145	3	0,04%
179	3	0,04%
79	4	0,05%
151	4	0,05%
Указ ПВС СССР от 02.05.1943	4	0,05%
82	8	0,09%
111	9	0,11%
169	9	0,11%
Указ ПВС СССР от 09.06.1947	9	0,11%
72	14	0,16%
116	15	0,18%
107	19	0,22%
84	22	0,26%
109	28	0,33%
Указ ПВС СССР от 04.01.1949	33	0,39%
137	38	0,45%
139	39	0,46%
Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.08.1932	42	0,49%

Статья УК РСФСР/иной нормативно-правовой акт	Количество осужденных заклученных (чел.)	Количество осужденных заклученных (%)
142	43	0,51%
182	43	0,51%
166	52	0,61%
74	93	0,98%
153	142	1,88%
136	181	2,13%
165	181	2,13%
162	189	2,22%
167	368	4,33%
59	507	5,96%
Указ ПВС СССР от 04.06.1947	936	11%
58	2034	23,91%
193	3367	39,57%
некорректные данные/нет данных	32	0,38%
Всего	8058	100%

Приложение 14

Распределение заключенных спецлагерей по национальности
(выборка – 31%)

Национальность	Количество (чел.)	Количество (%)
авар	1	0,01%
кабардинец	1	0,01%
дагестанец	1	0,01%
даргин	1	0,01%
езид	1	0,01%
карачаевец	1	0,01%
кореец	1	0,01%
ойрот	1	0,01%
остяк	1	0,01%
швед	1	0,01%
черкес	1	0,01%
болгары	2	0,02%
греки	2	0,02%
каракалпаки	2	0,02%
кумыки	2	0,02%
карелы	3	0,04%
осетины	3	0,04%
лезгины	3	0,04%
туркмены	3	0,04%
цыгане	3	0,04%
киргизы	4	0,05%
марийцы	6	0,07%
таджики	7	0,08%
коми	8	0,09%
удмурты	10	0,12%
эстонцы	13	0,15%
азербайджанцы	19	0,22%
башкиры	23	0,27%
литовцы	25	0,29%
поляки	26	0,31%
латыши	26	0,31%
чуваши	28	0,33%
армяне	28	0,33%
грузины	29	0,34%
мордвины	31	0,36%

Национальность	Количество (чел.)	Количество (%)
молдаване	35	0,41%
казахи	35	0,41%
узбеки	48	0,56%
еврей	75	0,88%
татары	111	1,3%
русский немцы	181	2,13%
белорусы	397	4,67%
украинцы	1515	17,81%
русские	4593	53,98%
нет сведений	1201	14,12%
Всего	8508	100%

Приложение 15

Схема дислокации частей внутренних войск МВД СССР на территории СЗО по состоянию на 26 сентября 1946 г.

Источник: РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 299. Л. 156.